

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№11 (79) 2021

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2021. №11 (79). 180 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Главный редактор
Плесканюк Т.Н., 2021

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Языки народов Российской Федерации	7
Кривенко О.А. Влияние экстралингвистических факторов на функционирование языков коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области	7
Германские языки	15
Аухадиева З.Ж., Примжарова Р.Х. Пространственная ориентация явлений объективной действительности в немецком языке	15
Новикова Л.А., Зернова А.Ю. К проблеме речевой агрессии в англоязычном академическом интернет-дискурсе	23
Роговая Ю.С., Колесников А.А. Роль фразеологизмов с компонентом «флороним» в языковой картине мира	34
Санников И.В., Четвериков Б.А. Критерии дифференциации сокращённых лексических форм – алфabetизмов и акронимов – в английском языке	39
Хрисонопуло Е.Ю. Противопоставления английских пространственных предлогов как способ актуализации их грамматической семантики.....	54
Чучупалова И.П., Черникова Е.О. Особенности немецкоязычного терминообразования: на материале авиационной терминологии	65
Романские языки.....	71
Ан Е.Д. Телескопия как самостоятельный способ словообразования в современном французском языке	71
Теория языка	80
Кривенко О.А. Компоненты ситуации движения с участием глаголов движения в английском языке	80
Пешкова Д.Ю. Интерактивные и активные формы обучения на уроке иностранного языка в высшей школе	90
Подопригора Д.П. Подходы к пространству и времени: дейксис в ранней истории лингвистических учений	98
Тугуз Т.Р. Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки»)	105
Урюпина Т.М., Пожидаева А.С. Сравнительный анализ слов лексико-тематической группы «Части тела» с точки зрения современного значения и «культурных смыслов»	113

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	119
Акимова А.С. Об основных этапах работы по составлению якутско-русского терминологического словаря по кузнечному делу	119
Овечкина Е.А., Васильева С.С. Коммуникативное пространство текста молитвы «Отче наш» (Молитвы Господней).....	124
Токина А.И., Усенко И.Ю., Цзо Ю. Семантика и функционирование безличных моделей со значением необходимости в русском языке (на фоне китайского языка)	129
Русская литература	141
Плеханов Г.С., Радь Э.А. Мотив разочарования в стихотворении Глеба Чичко «Упаду на траву и сотру рукавом с автомата...»	141
Литература народов стран зарубежья	145
Суслова В.Г. Текстовая модель «интерьер средневекового английского дома» как модель-реконструкция (на материале произведения Элизабет Чедвик «Сокровища Короля»)	145
Теория литературы. Текстология	153
Курылева К.В., Хомутникова Е.А. Аксиология любви в жанре фантастического романа России и Великобритании (на материале романов А.Беляева «Человек-амфибия» и М.Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»)	153
Фольклористика	162
Теплеева Д.Р. Символика в русском народном песенном дискурсе	162
Журналистика	167
Муха А.В., Садовая Н.А. История становления журнала «Дон»	167
Чжан Х.М. Анализ влияния распространения новостей в интернете на традиционные СМИ.....	174

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81`27

Влияние экстралингвистических факторов на функционирование языков коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области

Кривенко Ольга Александровна

Ассистент кафедры зарубежной филологии, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», РФ, г. Магадан
northmagadansevere491@yandex.ru

The impact of extralinguistic factors on the functioning of languages of small indigenous peoples of the North in the Magadan region.

Krivenko Olga Aleksandrovna

Assistant of the Department of Foreign Philology, North-Eastern State University
RF, Magadan

Аннотация. В статье рассматриваются экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на функционирование языков коренных малочисленных народов в Магаданской области. Рассматриваются степень сохранности родных языков малых этносов региона, определенные демографические факторы, характерные для коренного населения региона, влияющие на функционирование родного языка, а также миграция коренного населения, оказывающая влияние на распространение языков коренных малочисленных народов Севера. Отмечается роль общин КМНС Магаданской области в сохранении традиционных ценностей и знаний малых этносов полиэтнического региона. Рассматривается расселение коренных малочисленных народов Севера, способы ведения ими отраслей традиционного хозяйства.

Ключевые слова. Язык коренных малочисленных народов, сохранение языков малых этносов на территории Магаданской области, социальные факторы функционирования языков коренных малочисленных народов, традиционная занятость коренных жителей Магаданской области, общины коренных этносов, миграция коренного населения, самобытность коренных народов.

Abstract. The article discusses extralinguistic factors, influencing the functioning of languages of indigenous peoples in Magadan region. The article deals with the degree of preservation of the native languages of small ethnic groups in the region, certain demographic factors characteristic of the indigenous population of the region, that have impact on the functioning of the native language, as well as migration of the indigenous population, which affects the spread of the native languages. The role of the indigenous peoples` communities of the Magadan region in the preservation of traditional values and knowledge of small ethnic groups of the multiethnic region is noted. The article describes settlement of the indigenous peoples of the North and the way they conduct traditional economies.

Keywords. The language of small indigenous peoples of the North, the preservation of the languages of small ethnic groups in Magadan region, social factors of the functioning of the languages of indigenous peoples, the traditional employment of the indigenous people in Magadan region, indigenous communities, indigenous migration, indigenous identity.

Магаданская область является регионом, на территории которого проживают этносы, относящихся к коренным малочисленным народам Севера (далее-КМНС). По данным Всероссийской переписи населения, в 2010 году на территории Магаданской области проживало 22 из 40 этносов, отнесенных к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Самыми многочисленными из коренных жителей были представители таких национальностей как эвены (2635 человек), коряки (900 человек), ительмены (613 человек), чукчи (285 человек), камчадалы (280 человек), орочи (76 человек), юкагиры (71 человек), чуванцы (57 человек) и эскимосы (33 человека) [5].

Местами традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Магаданской области в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 08 мая 2009 г. No 631-р являются: Ольский городской округ; Омсукчанский городской округ (пос. Омсукчан, с. Меренга); Северо-Эвенский городской округ; Среднеканский городской округ (пос. Сеймчан, с. Колымское); Тенькинский городской округ (с. Оротук); Хасынский городской округ (пос. Палатка) [4].

В Магаданской области имеются национальные села, основными жителями которых являются хранители традиций, языка и быта предков – это Верхний Парень, Гарманда, Гижига, Тахтоямск, Тополовка и Ямск [5].

Большое значение в сохранении традиционной хозяйственной деятельности и уклада жизни коренных малочисленных народов Магаданской области имеет родовая община. В Магаданской области существуют родовые общины коренных народов, которые занимаются традиционными промыслами и ведут традиционный для народов Севера образ жизни (охота, морской зверобойный промысел, оленеводство, рыболовство и национальная заготовка продуктов промысла, а также национальное декоративно-прикладное искусство, фольклор).

Существование общин КМНС на территории поселков Магаданской области являются хорошим примером того, что коренные народы стремятся сохранить традиционные ценности и знания. Функционирование родного языка в общинах является показателем для жизнеспособности и возрождения языка и культуры. Сохранение языка в общинах КМНС является залогом дальнейшего развития родного языка. Немаловажным является активное участие представителей сообществ коренных этносов в работе по возрождению родного языка, ведь именно носители живой культуры являются теми людьми, которые сохраняют знания и понимание своей собственной этничности и традиций. Необходимо также признание коренных

жителей из представителей общин как экспертов в отношении культурных знаний, передаваемых поколениям. Значимым является приобретение навыков для обучения у носителей языка и взаимодействия с ними в качестве равноправных партнеров и сокураторов в программах по сохранению и возрождению языков КМНС, а не только их интервьюирование в качестве информантов для сбора сухих статистических данных. Для того, чтобы попытки сохранения языков КМНС увенчались успехом, необходимо строить прочные отношения с общинами, в которых родной язык консервируется и достигает однородности. Также важным является удовлетворение потребности в обучении языкам КМНС, что в свою очередь требует терпения, рефлексии, уважения и готовности найти время, чтобы узнать жизненные практики самих представителей культуры общин коренных жителей. К сожалению, на территории Магаданской области не проводилось исследований языковых ситуаций в общинах малых этносов. Нет данных о проблемах преемственности родного языка и факторах, влияющих на языковое функционирование внутри этих сообществ, не исследовано состояние языкового развития и уровень двуязычия коренных народов внутри их общин.

До сих пор вызывает вопросы степень сохранности родных языков на территории области в местах традиционного проживания коренных народов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, доля коренных жителей, считающих язык своего народа родным, составляла в 2010 году в среднем 23% (от 100% у камчадалов до 0,3% у ительменов). О владении родным языком при переписи населения заявили 100% камчадалов, 40% коряков, 22% эвенов, 20% юкагиров, 17% чукчей, 9% эскимосов, 0,3 % ительменов. Чуванцы и орочи указали владение только русским языком [5].

Магаданская область										
	Численность населения соответствующей национальности	Указавшие родной язык	в том числе назвали родным языком							Не указавшие родной язык
			русский	эвенский	корякский	чукотский	юкагирский	эвенкийский	другой язык	
Указавшие национальную принадлежность	152066	151963	145347	647	382	56	13	11	5507	103
Эвены (ламуты)	2635	2633	1980	642	-	-	-	10	1	2
Коряки	900	900	516	2	382	-	-	-	-	-
Ительмены	613	613	611	-	-	-	-	-	2	-
Чукчи	285	285	231	-	-	53	-	-	1	-
Камчадалы	280	280	280	-	-	-	-	-	-	-
Орочи	76	76	73	2	-	-	-	-	1	-
Юкагиры	71	71	58	-	-	-	13	-	-	-
Чуванцы	57	56	56	-	-	-	-	-	-	1
Эскимосы	33	33	32	-	-	-	-	-	1	-
Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше)	147116	147016	141510	1	-	3	-	1	5501	100
Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность	4930	1302	1260	3	-	1	-	-	38	3628

Рисунок 1. Владение языками населением коренных малочисленных народов Российской Федерации по отдельным субъектам Российской Федерации

Такие данные свидетельствуют о том, что процесс языкового сдвига у представителей коренных малочисленных народов Севера в сторону русского языка продолжается. Так что же влияет на такие процессы изменения языковой ситуации в регионе?

Функционирование языков коренных этносов во многом зависит от социальных условий, в которых эти языки существуют.

В социолингвистике к социальным или экстралингвистическим факторам относят демографические параметры населения (численность населения, говорящего на том или ином языке, способ расселения, возрастная дифференциация носителей языка и др.), социальную структуру общества, его культурно-языковые особенности (наличие письменных традиций, культурно обусловленные языковые контакты) и др. [6, с. 244].

Рассмотрим некоторые факторы, определяющие изменение языковой ситуации в Магаданской области.

Существуют определенные демографические факторы, характерные для коренного населения Магаданской области, влияющие на функционирование языка, например, миграция населения, которая повлияла на распространение языков коренных малочисленных народов Севера. В связи с закрытием поселков,

являющихся традиционно местами проживания КМНС, коренные жители переселились в крупные городские округа в поисках работы. Язык коренных народов в меньшей степени стал выполнять свою фатическую функцию, поскольку русский язык стал главенствующим в новых местах поселений малочисленных этносов.

Интенция улучшить свою материальную базу, условия для дальнейшего развития привела к росту числа горожан, что, определенным образом, изменило традиционный способ расселения населения КМНС.

Большое количество промышленных предприятий в поселках области не способствуют урбанизации местных коренных жителей. Многие представители КМНС работают в сфере промышленного производства в поселках. Безусловно, численность городского населения пока доминирует.

Таблица 2. Динамика численности населения по магаданской области (на начало года)

Годы	Все население, тыс. человек	в том числе		В общей численности населения, процентов	
		городское	сельское	городское	сельское
2010	159,0	151,4	7,6	95,2	4,8
2011	156,5	149,4	7,1	95,5	4,5
2012	154,5	147,8	6,7	95,7	4,3
2013	152,4	146,0	6,3	95,8	4,1
2014	150,3	143,3	7,0	95,3	4,7
2015	148,1	141,3	6,8	95,4	4,6
2016	146,3	139,8	6,6	95,5	4,5
2017	145,6	139,3	6,3	95,7	4,3
2018	144,1	138,2	5,9	95,9	4,1
2019	141,2	135,7	5,5	96,1	3,9
2020	140,1	134,6	5,5	96,1	3,9
2021	139,0	133,6	5,4	96,1	3,9

Согласно приведенным данным, численность сельского населения по всей области неуклонно сменялась с годами [2]. По всей области сельское население было вынуждено покинуть свои традиционные места проживания из-за отсутствия занятости и возможности зарабатывать на жизнь только тем видом деятельности, который характерен именно для сельского хозяйства. Некоторые коренные жители переехали в городские округа и ассимилировались с русским населением, другие остались в сельской местности и сохранили свою самобытность.

Вследствие отмеченной миграции коренных жителей в городские условия, где необходимо постоянное использование русского языка, знание родных языков сохраняют в основном лишь их представители, проживающие в сельских родовых

общинах. Для языкового функционирования данный фактор также считается положительным, ведь традиционно село является местом консервации состояния языка.

С 2010 года, миграция жителей из поселков в городские центры началась и продолжается сегодня. Тем не менее, существует высокая степень циркулярной миграции среди городских коренных жителей, поскольку многие сезонно возвращаются в свои поселки каждый год, чтобы заниматься традиционными видами деятельности. Закреплению коренных жителей в исторически сложившихся местах их проживания способствуют занятия традиционными видами деятельности, ведение которых возможно только в поселковых местностях.

Расселение коренных малочисленных народов Севера отличается дисперсностью, во многом благодаря сложившимся способам ведения отраслей традиционного хозяйства. Основным традиционным видом хозяйственной деятельности коренных народов, населяющих сельскую местность, является оленеводство. Выпас оленей возможен на разных участках местности в связи с особенностью данного кочевого вида деятельности, обладающего комплексным характером хозяйства.

Рыболовный промысел также является одним из ведущих видов деятельности, присущих коренным народам. Традиционное рыболовство осуществляется коренными жителями в местах их традиционного проживания, На территории Магаданской области сформированы по географическому и историческому принципу места традиционного лова для обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности всех граждан из числа КМНС Магаданской области. Ежегодно в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, выделяются квоты добычи (вылова) водных биоресурсов. Так, многие представители КМНС занимаются выловом лосося в п. Ола и Северо-Эвенском городском округе. Следует отметить, что Магаданской области представители малых этносов, несмотря на значительную долю смешанных браков, стремятся сохранить принадлежность к коренным малочисленным народам Севера и имеют высокий уровень этнического самосознания. Детей, родившихся в смешанных браках, родители определяют как коренных жителей, в том числе для получения ими прав на квоты вылова лосося.

По своему хозяйственно-экономическому укладу Магаданская области традиционно была регионом с развитой промышленной сферой, что задало

предпосылки для определения занятости населения, в том числе и представителей КМНС. Сегодня для региона характерны развитая отраслевая структура промышленного и обрабатывающего производства, в связи с чем, наибольшее число занятого населения из числа КМНС в городских округах трудится в отраслях производственной сферы. Коренные жители переходят на русский язык, так как он является единственным доминирующим средством общения в такой коммуникативной среде. В таких условиях коренные жители часто не говорят на родном языке, а оторванность от семьи и общины также означает, что существует еще меньше возможностей говорить на своем языке, который является основным маркером самобытности малых этносов.

Язык коренных малочисленных народов Севера – незаменимый носитель культурного и интеллектуального наследия малых этносов, хранящий историю многих тысяч лет его развития. Сохранение языкового разнообразия – это не сентиментальная дань некоему идеализированному прошлому, а часть содействия устойчивому, уместному и расширяющему возможности развитию. Лингвистическое разнообразие дает уникальные перспективы, поскольку оно раскрывает множество способов, с помощью которых люди организуют, классифицируют и передают свой опыт. Преимущества повышения осведомленности, понимания языковых угроз и возрождения исчезающих языков могут быть значительными, но именно понимание языковых проблем является ключом к поддержке усилий по сохранению и возрождению языков.

Сохранение языка и самобытности коренных народов, населяющих Магаданскую область, является одним из приоритетных направлений национальной политики, в этой связи важным является создание условий для сохранения родного языка коренных малочисленных народов Севера на территории региона. Значимым представляется дальнейшее изучение, рассмотрение рисков языкового сдвига и дальнейшее развитие языков малых этносов в условиях многоязычного региона.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.11.2021).
2. Динамика численности населения по Магаданской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://habstat.gks.ru/folder/25680> (дата обращения: 14.11.2021).
3. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам российской федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-23.pdf (дата обращения: 14.11.2021).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года N 631-р. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации] (с изменениями на 11 февраля 2021 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902156317> (дата обращения: 14.11.2021).
5. Релиз о коренных народах [Электронный ресурс]. – URL: habstat.gks.ru (дата обращения: 14.11.2021).
6. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 8

Пространственная ориентация явлений объективной действительности в немецком языке

Аухадиева Зауреш Жумабаевна

Кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, кафедра «Государственный и иностранные языки», факультет «Дизайн, технологии текстиля и одежды», Алматинский технологический университет, Алматы, Казахстан
ORCID (Open Researcher and Contributor ID) – 0000-0003-2543-3753
zauresh.59@mail.ru

Примжарова Раяш Хуванышовна

Лектор, кафедра «Государственный и иностранные языки», факультет «Дизайн, технологии текстиля и одежды», Алматинский технологический университет
Алматы, Казахстан
ra_primzharova@mail.ru

Spatial orientation of objective reality phenomena in German

Aukhadieva Zauresh Zhumabaевна

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of State and Foreign Languages, Faculty of Design, Textile and Clothing Technologies, Almaty Technological University (Almaty, Kazakhstan)

Primzharova Rayash Khuvanyshovna

Lecturer, Department of "State and Foreign Languages", Faculty of "Design, Textile and Clothing Technologies", Almaty Technological University (Almaty, Kazakhstan)

Аннотация. Предлагаемая статья посвящается комплексному изучению понятийной категории пространства и ее выражению в современном немецком языке. При детальном рассмотрении специфики выражения пространственных отношений в немецком языке с ономаσιологических позиций оправдывает выбор темы. Именно это обстоятельство определяет актуальность, теоретическую и практическую ценность данной исследовательской работы. Подобное описание представляет значительный научный интерес и дает, как нам кажется, необходимый материал для расширения нашего представления о понятийной категории пространства и ее связи с языком вообще. Категория пространства давно привлекала внимание ученых. Она рассматривалась с точки зрения философии, физики, астрономии, логики, геометрии и лингвистики [2, с.25].

Ключевые слова: лексема, семантика, категория, пространство, языковые средства, глаголы статики, трехмерное измерение

Abstract. The proposed article is devoted to the complex study of the conceptual category of space and its expression in modern German. With a detailed examination of the specifics of the expression of spatial relations in German from onomasiological positions justifies the choice of topic. It is this circumstance that determines the relevance, theoretical and practical value of this research work. Such a description is of considerable scientific

interest and provides, as it seems to us, the necessary material to expand our understanding of the conceptual category of space and its connection with language in general. The category of space has long attracted the attention of scientists. It was considered from the point of view of philosophy, physics, astronomy, logic, geometry and linguistics [2, p.25].

Keywords: lexeme, semantics, category, space, linguistic means, static verbs, three-dimensional dimension

Использование комплексного подхода при анализе языковых средств дает авторам широкую возможность, изучать синтагматические и парадигматические отношения языковых единиц определенной семантики, что несомненно является очень важной при исследовании языков в любой области выражения пространственных отношений, именно в этом заключается цель рассматриваемой статьи. В основу исследования была положена **гипотеза** о том, что лингвистический аспект категории пространства трактуется совокупностью способов ее выражения при помощи языковых средств. Человеческое мышление осуществляется при использовании языков различной структуры, существенно различающихся по своему фонетическому и грамматическому строю, по характеру языковых единиц и правил их функционирования в речи. Материалом для работы послужили примеры из текстов различной художественной литературы, словарей, энциклопедии на немецком языке. Для выражения пространственных значений немецкий язык выработал целый набор средств, в составе которых выступают нарицательные и собственные имена (топонимы), представляющие пространственную ориентацию явлений объективной действительности. В исследовании были применены следующие **методы:** лексико-семантический анализ, сопоставительный анализ, элементы компонентного, контекстуального анализа.

Надо отметить, что субстантивы, которые имеют в своем значении сему пространства, являются одним из в **наибольшей степени** часто используемых и коммуникативно значимых языковых единиц любого языка. Рассматривая весь комплекс пространственных значений, закрепленных за существительными, мы будем иметь дело со статикой, понимая пространство - как остановленное движение [2,5]. Именно поэтому некоторые ученые [3,7] связывают категорию пространства прежде всего с понятием местонахождение предметов в окружающем мире.

Следует акцентировать внимание, что характерной спецификой некоторых слов немецкого языка (Weltall-Welt-Raum-Gegend-Ort-Stelle) является то обстоятельство, что они имеют пересекающиеся семантические структуры, т.е. в зависимости от языковой ситуации выраженные ими значения могут замещать друг друга. Перечисленные слова имеют общую интегрирующую единицу значения, т.е.

пространственное значение, а также частные, дифференцирующие семы. Семантическая структура названных слов дается по словарю Вариха [7, 3000, 3557, 987, 953].

1. Weltall (Kosmos) - свет, пространство, местность, место;

2. Welt - вселенная, земля, жизненное пространство людей.

3. Raum - 1) простор, протяженность: длина, ширина, высота; 2) место, где что-нибудь вмещается; 3) вселенная, мировое пространство; 4) поверхность, земельная площадь.

4. Erde - 1) третья от солнца планета; 2) суша; 3) страна, государство; 4) территория.

5. Kontinent - обширное пространство земли, омываемое морями и океанами, суша.

6. Land - 1) государство; 2) местность, территория.

7. Territorium - земельное пространство с определенными границами.

8. Gegend - 1) край, область, территория; 2) городской квартал; 3) окрестность.

9. Ort - 1) место, местность; 2) свободное место, месторасположение; 3) населенный пункт; поселок.

10. Stelle - 1) место, свободное место, местоположение;

2) местность, окрестность.

11. Platz - 1) место различного назначения (строительная площадка, площадь, место для сиденья, спортивная площадка);

2) местность, город; пространство.

12. Landschaft - часть земной территории, вид земной поверхности, общий вид местности.

13. Gebiet - часть страны; большая территория.

14. Ortschaft - населенный пункт, община.

15. Stadt - крупно населенный пункт, обжитая территория, местность.

16. Dorf - малонаселенный пункт; обжитая сельская местность.

Если некоторые слова Weltall, Welt дают наиболее широкое представление о пространстве, то такие слова как Gegend, Ort, Stelle, Platz, Landschaft, Ortschaft и др. обозначают более конкретное и ограниченное определенными рамками пространственное понятие.

При выражении статических пространственных отношений в немецком языке по сравнению с элементами макрополя локативности используются так называемые метаслова (гиперотемы), передающие общее, не конкретизированное представление

о пространстве, которые также заслуживает всестороннего рассмотрения. Более четкая локализация реализуются набором других лексем или конструкций (гипонимах) данной микросистемы.

Поскольку количество существительных с пространственным значением огромно, мы разделили их на несколько групп в зависимости от типов выражаемых ими пространств:

1. Космическое пространство: 1) названия небесных тел (Planet, Neptun, Sonne, Stern и т.д.); 2) названия космических средств (Sputnik, Rakete),

2. Названия видов земного пространства : А) Воздушного пространство представляет следующие существительные, имеющие прямое отношение к этому виду пространств (Luft, Wolke, Himmel, Nebel); Б) Водное пространство: названия типов водной среды (Ozean, Meer, See, Fluss, Bach...); В) Земельное пространство: 1) названия стран света (Norden, Westen, Süden, Osten...); 2) названия континентов (Afrika, Asien, Europe, Amerika, Antarktis); 3) названия стран (USA, Frankreich, Deutschland, Kasachstan и др.);

4) названия частей открытых пространств (Feld, Wiese, Flur, Acker...); 5) названия видов ландшафта (Wald, Steppe, Gebirge); 6) названия мест проживания (Stadt, Dorf, Siedlung, Stadtbezirk, Stadtviertel, Wohnbezirk...), 7) названия конкретных населенных пунктов (Hamburg, London, Riga, Almaty, Ufa и др.); 8) названия путей сообщения (Weg, Chaussee, Strasse...); 9) названия жилых помещений (Haus, Wohnung, Küche, Zimmer); 10) названия различных жилых производственных, административных и учебных учреждений (Haus, Wohnung, Universität, Fabrik, Werk, Gebäude, Schule...); 11) названия частей помещений и сооружений (Tür, Fenster, Dach, Treppe...); 12) названия предметов домашнего обихода (Tisch, Stuhl, Geschirr, Fernseher, Kerb ...); 13) названия частей тела и одежды человека (Kopf, Bein, Nase, Bluse, Mantel...).

Учитывая широкое использование перечисленных существительных с пространственной семантикой, мы должны обратить внимание в ходе дальнейших рассуждений так же на их связь с глаголами, которые выражают локальность совместно с существительными, а так же иметь в поле зрения тот факт, что отношение между предметами осуществляется также через глагольное действие. По этому поводу справедливо отмечает Х.Бринкманн [6,154,155], что статический и динамический типы локального отношения следует рассматривать как обусловленной характером глагольного действия.

Следовательно, месторасположение всякого объекта или явления в пространстве в немецком языке может быть выражено при помощи взаимодействия с другими элементами, и в первую очередь с учетом особенностей семантики связанных с ними соответствующих глаголов. Это обстоятельство дает возможность выражать фактически бесконечное множество реальных видов пространственных отношений. Будучи объединенными значением существования глагольные предикаты описания вербализуют пространственную семантику [5,31], .

Характерной чертой глаголов статики является их способность указывать на местонахождение или расположение предметов в пространстве относительно ориентира. При выражении статических пространственных отношений большую роль играют группы глаголов со значением местонахождения, пребывания, учтанавливающие отношения между ориентиром и ориентируемым. К числу таких глаголов относятся: 1) глаголы со значением расположения на местности: *sich befinden, liegen, stehen* (о предметах), *sich aufhalten, sein, hangen*; 2) глаголы со значением размещения (о людях) в открытом и закрытом пространстве: *wohnen, hausen, residieren, siedeln, sich aufhalten, leben, weilen, einwohnen, bewohnen*; 3) глаголы со значением состояния людей *sitzen, stehen, liegen, hocken, ruhen, knien, schlafen...* 4) экзистенциальные глаголы: *stattfinden, geschehen, sich ereignen, existieren, leben, sich zutragen, sich abspielen, sein*.

Все перечисленные выше глаголы обладая семантической самостоятельностью, могут употребляться в тексте иногда даже без какого-либо пространственного уточнения. Пространственная характеристика статики заключена прежде всего в значении самого корня глагола, который выражает местоположение предмета или субъекта в пространстве в самом общем виде. Благодаря сочетанию с существительным это значение конкретизируется или уточняется.

Указание на нахождение в горизонтальном положении или расположение на поверхности ориентира в неподвижном состоянии (широкой в своей частью, горизонтального) выражается глаголами *liegen, ruhen, schlafen*: Например: *Der Kranke liegt ruhig. Das Kind schläft tief. Der Acker ruht im Winter*. В сочетании с существительными локальное значение этих же глаголов значительно усиливается и уточняется. Например: *Ihr Taschentuch liegt im Gras. Das Kind schläft in seinem Wagen. Das Buch liegt auf dem Tisch*. Выражение нахождения одушевленных предметов в положении, при котором туловище опирается на что-нибудь нижней своей частью реализуется глаголами статики *sitzen, bocken, kauern*. Например: *Die Wartenden sitzen dicht gedrängt. Das Mädchen kauerte schweigend. Der Junge hockt am Ofen*.

Месторасположение предмета в пространстве реализуется так-же глаголами *sich befinden, liegen, sein, sich aufhalten*. Данная группа глаголов несет в своем значении обобщенную семантику бытия, которая уточняется лишь в контексте. Например:

Das Institut befindet sich in einem sechsstöckigen Gebäude. Das Zimmer lag im dritten Stock. Das Kind war in der Stube. Sie halten sich unterwegs auf.

Для выражения местонахождения в вертикальном положении в неподвижном состоянии в немецком языке употребляется глаголы *stehen, hängen, herabhängen*. Например: Das Bild hängt an der Wand. Die Zuschauer stehen dicht gedrängt. Die Kleider hängen an seinen mageren Leib herab.

Указание на местонахождение предмета в объемном пространстве выражается в основном теми же глаголами статики, которые были рассмотрены выше, с той только разницей, что в этом случае уточнение в виде предложно-именных сочетаний или наречий является обязательным. Например: Der Mantel hängt im Schrank. Das Kleid liegt im Schrank.

Необходимо подчеркнуть, что при наличии уточнения пространственные значения могут приобретать глаголы, не имеющие в своем значении семы локативности. Например: Meine Mutter arbeitet in der Viehfarm. Er singt im Schulchor. Jemand lacht drinnen.

Отсюда можно сделать вывод, что доля пространственной семантики в структуре глагольного значения является незначительной с одной стороны, и довольно абстрактной и с другой. Ее усиление и конкретизация достигается при помощи пространственных уточнений в составе предложения. Если основным признаком имен существительных является их способность называть предметы и явления, то релевантной особенностью прилагательных является их способность выражать признаки, качества предметов и явлений.

Прилагательные характеризуют пространственный признак предметов и могут сочетаться с существительными, относящимся к разным рассмотренным выше семантическим группам.

Значение пространственных прилагательных в составе лексико-семантической группы локативности описывается специфическим набором сем, которые характеризуют горизонтальную или вертикальную протяженность и представляют понятия длины, ширины и высоты определяемых предметов.

Это обстоятельство находит свое отражение в специфическом наборе прилагательных, которые могут, выражать, соответственно от одного до трех

измерений, причем сама способность реализовать эти типы пространственных отношений зависит от объективных свойств предметов или явлений, выражаемых именами существительными. Например, можно сказать *eine lange, breite Strasse ....*, но нельзя сказать *eine hohe Strasse*, имеет двухмерное измерение /длина и ширина/, что находит свое отражение в способности данного существительного сочетаться с прилагательным соответствующей семантики. С точки зрения способности прилагательных они могут выражать: 1/одномерную протяженность; 2/ двухмерное пространство; 3/ трехмерные пространственные отношения в вертикальной, горизонтальной плоскости.

Трехмерность предметов, имеющих признак длины, ширины и высоты обозначается также прилагательными *gross* и *klein*. Например: *Die beiden Alten hatten ihr Leben in einem grossen Haus verbracht und wollten es hier beenden. Ludwig und Hermine bewohnten das kleine Zimmer bei Brentens.*

При помощи названных прилагательных может быть подчеркнута относительная величина артефактов (транспортных средств, предметов мебели и домашнего обихода). Например: *An einem schönen Morgen bestiegen sie ein grosses Flugzeug. Dem Schrank gegenüber stellt die Mutter den kleinen Fernseher.*

При внешней характеристике человека, животных и птиц используются эти же прилагательные. Например: *Mit grossem Kopf zottelt Hardekopf an diesem Tag nach Hause. Kleine Vögel sassen auf fremdartigen Blüten.*

Таким образом, лексическое поле пространства в немецком языке включает в себя те прилагательные, которые уточняют пространственный признак и метрические свойства денотата. Они обозначают обобщающий признак размера во всех трех измерениях, который может относиться к широкому классу конкретных предметов объективного мира.

В результате исследования пространственных отношений в немецком языке было установлено, что языковые особенности выражения статических пространственных отношений заключаются в отборе лексических единиц: существительные, глаголы, прилагательные.

Комплексно-семантическое исследование лексических средств показало, что статический тип пространственных отношений, в современном немецком языке определяется в первую очередь при помощи глаголов со значением "местоположение" в сочетании с различными классами локативных существительных. Например: *Das Haus stand vor der Schule.*

Исходя из трёхмерности пространства мы рассматривали в качестве "денотативной опоры" три понятия: линейное /одно измерение/плоскостное /двухмерное/ и объёмное /трехмерное/ измерение, а одномерные пространственные отношения выражаются антонимическими парами прилагательных /lang-kurz, breit-eng в горизонтальной и hoch-niedrig в вертикальной плоскости. Например: An meinem langen Tisch sass eine dicke Person.

б/Двухмерные отношения могут быть выражены только сочетанием прилагательных с одномерной семантикой. Например: Vor uns stand ein hoher und Baum. Трёхмерные отношения выражаются корневыми прилагательными gross и klein, а также сочетанием одномерных прилагательных: Ein langer, breiter und hoher Tisch steht in der Mitte des Zimmer, что, несомненно, встречается очень редко.

Язык каждого народа имеет свои средства и свою национальную систему способов для выражения пространственных представлений, однако эти языковые средства, выражающие семантические отношения пространственности, моделируются в каждом языке по-разному [1,33].

Список литературы

1. Аухадиева З. Ж. Категория локативности в разноструктурных языках. Монография. Алматы.: Роза, 2016. 151с.
2. Аухадиева З. Ж. Языковое моделирование категории пространства. Сборник материалов IX международной научно-практической конференции. Киев, Лондон. 28-04.10.2016. 141с.
3. Демидов Д.Г. Из истории непредметных имен существительных с пространственным значением: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Демидов Д.Г. - Ленинград, 1985- 180с.
4. Савинова Е.К. Ономаσιологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Савинова Е.К. -М., 1969- 20с.
5. Варфоломеева Ю.Н. Категоризация и централизация пространства в описательном тексте // Научный диалог.-2020-№4 С.27-39
6. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Düsseldorf, 1962.184s.
7. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München.: Mosaik Verlag,1980.4356 s.

УДК 811.11

К проблеме речевой агрессии в англоязычном академическом интернет-дискурсе

Новикова Людмила Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, РФ, г. Ижевск
l_novikova_17@mail.ru

Зернова Анна Юрьевна

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
РФ, г. Санкт-Петербург
ann_zernova@mail.ru

Problem of verbal aggression in English academic internet-discourse

Novikova Ludmila Anatolyevna

Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor of Foreign Language Department
Izhevsk State Agricultural Academy, Russia, Izhevsk

Zernova Anna Yurievna

Postgraduate, Herzen State Pedagogical University, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Цель исследования – раскрыть особенности и способы проявления речевой агрессии в англоязычном академическом интернет-дискурсе на основе анализа текстов комментариев к научным публикациям в области сельского хозяйства на образовательных, профессиональных, государственных сайтах. В статье рассматривается понятие дискурса и академического дискурса, приводятся особенности академического дискурса в интернет-коммуникации. В интернет-дискурсе комментарий представляет собой публичный полилогический коммуникативный акт, реализуемый в письменной форме с использованием речевых стратегий и тактик. На основе проведенного анализа были выявлены особенности проявления речевой агрессии и самые частотные стратегии и тактики: дискредитации, обвинения, иронии, оскорбления. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые были выявлены особенности проявления речевой агрессии в комментариях к научным публикациям в области сельского хозяйства и предложены методы и приемы для формирования умений противостоять речевой агрессии в сетевом академическом общении при обучении иностранным языкам в вузе. Полученные результаты задают вектор обучения англоязычному научному дискурсу в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: академический интернет-дискурс, речевая агрессия, комментарий, стратегия дискредитации.

Abstract. The study aims to reveal linguistic features of verbal aggression and its manifestation in English academic internet-discourse on basis of text analysis of comments on the scientific publications in Agriculture on academic, professional, government web-sites. The article considers the terms of discourse and academic discourse, the features of academic discourse on the internet are given. A comment in the internet-discourse is a public polylogical act of communication implemented in written form by means of speech strategies and tactics. The analysis conducted revealed the main linguistic features of verbal

aggression and its manifestation and also the most frequently used strategies and tactics: discreditation, accusation, irony, offence. Scientific novelty is the identification of specific features of verbal aggression in comments on scientific publications in Agriculture done for the first time, and recommendations for formation of skills of verbal aggression resistance in digital academic and professional net communication while studying foreign languages in university. Practical results should be taken into account in teaching English academic discourse.

Key words: academic internet-discourse, verbal aggression, comment, discreditation strategy.

Введение

Развитие новейших цифровых технологий является общемировым трендом, позволяющим, с одной стороны, объединять ученых и профессионалов разных стран, организуя виртуальные академические сообщества для плодотворного межкультурного взаимодействия. С другой стороны, свободное и открытое для полилога интернет-пространство не всегда способствует успешному академическому взаимодействию, а иногда таит опасность дезинформации, манипулирования, деструктивного поведения.

Актуальность темы исследования обусловлена сложившимся противоречием между увеличением случаев речевой агрессии как деструктивной речевой стратегии при взаимодействии в цифровой среде, в том числе в научной, деловой, профессиональной сферах, приводящей к непродуктивной научной полемике, и необходимостью безопасности цифрового коммуникативного пространства. В связи с этим, цель исследования состоит в выявлении лингвистических особенностей и способов проявления речевой агрессии в текстах комментариев в англоязычном академическом интернет-дискурсе. Основные задачи исследования заключаются, во-первых, в анализе комментариев пользователей к текстам научных публикаций в области сельского хозяйства, во-вторых, в определении лингвистических особенностей и способов проявления речевой агрессии, в-третьих, в разработке методов и приемов формирования умений плодотворной научной интернет-коммуникации, полемики и дискуссии в процессе обучения иностранным языкам студентов магистратуры и аспирантов сельскохозяйственного вуза.

Объектом исследования является англоязычный академический интернет-дискурс, представленный в комментариях к научным публикациям на научных, образовательных, государственных, профессиональных сайтах, содержащих проявления речевой агрессии. Предмет изучения – лингвистические особенности сообщений (комментариев) в англоязычном академическом интернет-дискурсе агрессивного характера.

В исследовании использовались методы классификации и систематизации языкового материала, дискурс-анализ, методы контекстуального, семантического анализа.

Специфика академического дискурса в интернет-коммуникации

Единицей общения, в том числе в виртуальной, сетевой коммуникации, является текст. Однако, текст не является единственным элементом коммуникации, и для правильной интерпретации и понимания текста необходимо рассматривать его в совокупности с коммуникативными (техническими), социальными, культурными, когнитивными, эмоциональными аспектами, т.е. с точки зрения дискурсивного анализа. Дискурс, как многоаспектное понятие, изучаемое разными науками, не имеет единого определения. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, погруженную в жизнь» [1, с. 137].

Анализируя различные понятия дискурса в англоамериканской, французской, немецкой школах дискурсивного анализа, а также в трудах отечественных ученых, В. Е. Чернявская приходит к выводу, что дискурс включает «текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим ... упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [16, с. 114].

Я.В.Трепак рассматривает дискурс как связный текст «с учетом экстралингвистических – прагматических, когнитивных, социокультурных, гендерных – и других факторов, а также социального контекста, в котором он образуется» [13, с. 17]. На основе различных классификационных критериев описания дискурса, автор приходит к выводу, что дискурс – это речевой акт с учетом определенных экстралингвистических категорий: коммуниканты, время и место общения, мотивы и стратегии общения, способы общения. [Там же, с. 21].

Анализ подходов к определению дискурса позволяет сделать вывод, что существующие точки зрения акцентируют связь дискурса с живой речью и с ситуацией речевого общения. Совокупность текстов и коммуникативных актов по содержательно-тематическому признаку определяет разные типы дискурса.

Академический дискурс, как один из разновидностей дискурса, это особая форма деятельности - чтения, письма, коммуникации, взаимодействия, мышления, осуществляемая в образовательной, академической, профессиональной сфере, поэтому его можно охарактеризовать как институциональный, научный, специализированный. Академический дискурс рассматривается учеными как интерактивное взаимодействие, где приобретает опыт коммуникативного поведения [4, 9, 12, 15]. К. Хайленд подразделяет академический дискурс на исследовательский, учебный, студенческий, популярный типы дискурса, связывая академический дискурс с процессом мышления и использованием языка в академическом сообществе [18]. По мнению ученого, академический дискурс не принадлежит исключительно научной области, проникая во все сферы человеческой деятельности, чему способствуют растущий интерес к науке в профессиональных сферах и в обществе в целом, а также использование английского языка как языка межкультурного научного общения. Академическое (научное) общение рассматривается как официальное, так и неофициальное диалогическое и монологическое общение в научных, учебных, профессиональных сообществах [15]. Цифровые технологии ускорили этот процесс и расширили горизонты общения. Интернет-коммуникация в академической среде имеет свои характерные особенности: электронный сигнал как канал общения, виртуальность, анонимность, дистантность, гипертекстуальность, высокая степень интерактивности, равноправие участников коммуникации и неограниченное их количество, комбинация различных типов дискурса, комбинация устной и письменной речи (при написании комментариев), сетевая этика. На данный момент в цифровой среде представлено огромное количество академических и профессиональных сообществ по различным направлениям, в том числе в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Данные сообщества используют разные формы интернет-коммуникации – веб-страницы, интернет-конференции, видеолекции и вебинары, веб-форумы, веб-чаты, блоги и т.д.

При анализе академического дискурса необходимо учитывать такие факторы как коммуниканты, хронотоп, цели и стратегии общения, способы общения [6]. В данной работе мы рассматриваем особенности академического дискурса в интернет-коммуникации на примере англоязычных текстов комментариев к научным публикациям, размещенным на образовательных, научных, профессиональных сайтах, как правило в разделе «Блог», поскольку в научных журналах нет возможности комментирования научной статьи. Коммуниканты – представители

научного и профессионального сообщества и все, заинтересованные проблемами сельского хозяйства. Цель общения – изложить результаты исследования, или осветить проблемы сельского хозяйства и окружающей среды в форме приемлемой для специалистов и неспециалистов. Цель авторских статей – информирование, поэтому данным текстам, открытым для комментирования, присущи все характеристики письменного академического дискурса – цель и логичность изложения, абстрактность суждений, объективность информации, терминологичность. Цель ответных постов-комментариев – выражение своего мнения, своего отношения к изложенному в статье.

Большинство ученых выделяют комментарий как отдельный жанр [10, 14]. Но в нашем случае речь идет не об обширных самостоятельных текстах, написанных как объяснение или толкование какого-либо научного текста, а о кратких замечаниях, пояснениях или рассуждениях к размещенному в интернете тексту научной статьи, поэтому в данной работе мы придерживаемся точки зрения, что данный вид комментария не является речевым жанром, а представляет собой полилогический коммуникативный акт, реализуемый с помощью речевой стратегии [3, 5, 7].

Изучение агрессии как деструктивного поведения началось в русле психологии, на современном этапе данный феномен изучается также социологией, лингвистикой, культурологией, межкультурной коммуникацией, педагогикой. С точки зрения психологии речевая агрессия – это проявление негативных эмоций по отношению к чему-либо или к кому-либо, выраженное в речи [2, с. 29]. Несмотря на разнообразие подходов, большинство исследователей считают, что речевая агрессия – это «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манеру речи, оскорбляющую чье-либо самолюбие, достоинство» [11]. Рассматривая речевую агрессию с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода, Т. А. Воронцова определяет её как деструктивное конфликтогенное речевое поведение, характеризующееся, во-первых, сознательной ориентацией адресанта на субъектно-объектный тип отношений, во-вторых, выражением негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи [3, с. 115].

Стратегии и тактики речевой агрессии в англоязычном академическом интернет-дискурсе

Практическим материалом для анализа послужили 410 текстов постов-комментариев к публикациям на 11 сайтах за 2019-2021 г.г.:

<https://www.usda.gov/>

<https://www.iied.org/blogs/theme/food-and-agriculture>

<https://www.agweb.com>

<https://ucanr.edu/>

<https://www.naae.org/teachag/>

https://blog.feedspot.com/agriculture_blogs/

<https://ag.purdue.edu/stories>

<https://ucanr.edu/blogs/food/>

<https://phys.org>

<https://www.dairyherd.com>

<https://www.ncei.noaa.gov>

Читательские комментарии представлены в авторском варианте, с сохранением авторской орфографии и пунктуации. На всех рассматриваемых сайтах размещены правила сетевого этикета при опубликовании комментариев, и модераторы удаляют откровенно агрессивные и оскорбительные комментарии. Поскольку цель интернет-комментария – представление своего мнения, то можно проследить в текстах признаки неформального общения, разговорной речи, отклонение от нормы. Стоит отметить, что грамотных сообщений, соответствующих нормам сетевого этикета и письменного академического дискурса, было больше половины от общего количества проанализированных текстов. Как правило, это комментарии с положительной оценкой прочитанного материала.

При анализе комментариев с негативной оценкой нами были выявлены следующие лингвистические особенности проявления речевой агрессии:

1) лексические средства проявления речевой агрессии - слова негативной семантики, ненормативная лексика, оскорбительные слова и выражения: *greedy; crazy; a toilet-network; ignorance; lying psychopath; Bull Shit RUSE; lost puppy bonehead; arrogant buffoon; foolish; stupid mentally ill person; uneducated; Criminal Socialist liars; brainless thinking; spraying out sverdrups of bullshit.*

2) использование намеренно искаженных слов (эпративов): *sockpuppetz; Yea; kinda; yer.*

3) использование аббревиатур и акронимов, характерное как для коммуникации в научной и профессиональной сферах, так и для интернет-коммуникации в целом: *gm crop; LOL; yada yada; OMG; ИМНО; bs; obuz.*

4) использование графических средств (заглавных букв (либо их отсутствие), междометий, повторений букв, слогов, знаков препинания): *Woah; absolute NO*

EXCUSE deal!; multifaceted PROBLEM; Let's see – ahaaa; QUICK!; But... does... such... technology... exist?!

Речевая агрессия реализуется через речевые действия с использованием стратегий дискриминации (выражение превосходства по какому-либо признаку), дискредитации (подрыв авторитета), диффамации (распространение порочащих кого-либо сведений). В академической интернет-коммуникации при анализе собранного нами материала было выявлено, что в основном коммуниканты использовали стратегию дискредитации как научных исследований и их результатов, так и авторов данных исследований. Отмечены единичные случаи использования стратегии дискриминации (по религиозному и национальному признаку), использования стратегии диффамации не выявлено. Стратегии дискредитации реализуются через различные тактики: обвинения, компрометации, оскорбления, иронии, угрозы, издевки и др. [5]. Следует отметить, что самыми употребительными были следующие тактики:

1) Обвинение

- Of course France and all the agricultural EU economies are animal product insecure. They have to import- at what environmental cost?- all their gm_crop animal feed because they refuse to grow it. Crazy and an insult to European farmers;

- We don't hate free-speech we hate stupid and you and the other deniers are stupid. Worse, you are representative of a significant portion of our population. Not just stupid but so stupid you actually think your uneducated opinions should be heard and actually matter. Maybe you are right, maybe you shouldn't have the freedom of speech to voice opinions about things you know absolutely nothing about;

- Their findings must be wrong, indigenous peoples would never do that, no matter how many times it is proven. Come on and wake up you foolish scientists, stop spreading hurtful findings;

2) Ирония / Издевка

- Lets have Prof Peres and Dr. Nunes start eating 'sustainable' monkey meat for their meals instead of beef, pork and chicken. I would like to see how long their opinions last then;

- If you can't read a whole article, can you read a comic strip?

- you should know that your argument is weak when you have to rely on the insistence of existence of a straw in a straw man;

- What kind of gibberish was this article.

3) Оскорбление

- *This troll barakn... follows me like a lost puppy;*

- *lol, what a total bonehead. It's a fact you arrogant buffoon. Coastal real estate values are higher than ever, making your claims: wrong, insane or foolish at minimum;*

- *It's a basic fact, not a lie you stupid mentally ill person.*

Анализ лингвистических способов выражения речевой агрессии в англоязычном интернет-дискурсе и используемых стратегий и тактик позволяет утверждать, что коммуниканты в комментариях к научным статьям часто используют лексические единицы негативной семантики, нелитературные слова, разговорную лексику, оскорбительные выражения, слова с субъективной оценкой. В данных сообщениях также можно проследить признаки устной речи, спонтанности: короткие грамматические структуры, риторические вопросы, восклицания, аббревиатуры и акронимы, нарушение правил правописания, пунктуации, что свидетельствует о тенденции к языковой экономии, неформальности, эмоциональности. Превалирующая стратегия – стратегия дискредитации научных фактов, изложенных в статьях, и авторов статей, зачастую авторов обвиняют в некомпетентности и отсутствии знаний, в оторванности от жизни.

Развитие цифровых технологий и цифровизация всех сфер деятельности современного человека, в том числе и системы образования, приводит к необходимости развития навыков цифровой безопасности, цифровой грамотности и культуры в процессе обучения в вузе. Создание на основе цифровых технологий единого академического и профессионального пространства акцентирует необходимость овладения студентами способностью использовать коммуникативные технологии для академического взаимодействия, способностью осуществлять деловую коммуникацию, социальное и межкультурное взаимодействие в научной, академической, профессиональной среде (универсальные компетенции выпускника вуза) [8]. С этой целью, в рамках вузовских гуманитарных дисциплин, в частности, в процессе обучения иностранным языкам, необходимо обучать студентов основам англоязычного академического дискурса, в тесной связи с обучением цифровому этикету и цифровой грамотности, с развитием умений конструктивного научного диалога. В условиях смещения общения в виртуальную среду особое внимание следует уделять развитию умений противостоять речевой агрессии, манипуляции в сетевых академических и научных сообществах; умений этичного, аргументированного, корректного речевого поведения; развитию способности эффективно взаимодействовать в поликультурной среде интернета.

В связи с этим, в образовательном процессе по иностранным языкам в магистратуре вуза необходимо включать модульные курсы или подразделы, направленные на развитие данных умений, такие как «Цифровой этикет», «Научная полемика», «Цифровая безопасность». Приемы защиты от речевой агрессии разнообразны: игнорирование, переключение внимания, использование безличных форм выражения отрицательной оценки, убеждение на основе веских доводов и логичных аргументов, использование «Я-сообщений» вместо «Ты-сообщений» и др. [17]. Данные приемы также необходимо включать в методические комплексы при обучении иностранному языку. Например, ниже представлены задания для развития умений академического дискурса, а также умений противостояния речевой агрессии в обсуждениях результатов научного исследования в сетевых сообществах:

- Проанализируйте статью по теме вашего исследования. Выделите структуру статьи. Выпишите термины и клише. Найдите лексические и стилистические средства, позволяющие проследить логику изложения автора.

- Запишите вопросы к автору, которые у вас возникают в процессе чтения статьи и в конце прочтения.

- Прочтите комментарии к научным статья на научно-образовательных, профессиональных сайтах. Проанализируйте лексико-грамматические особенности каждого индивидуального стиля. Проследите какие способы проявления речевой агрессии наиболее часто встречаются.

- Напишите два вида комментария к статье, следуя правилам сетевого академического этикета, - один отрицательный с использованием тактик вежливого несогласия и совета, второй – положительный с использованием тактик комплимента и похвалы. В отрицательном комментарии в вежливой форме обоснуйте свою точку зрения 2-3 аргументами, приведите причины вашего несогласия с автором. В положительном комментарии выделите 2-3 позиции автора, с которыми вы согласны, дополните своим аргументами.

- Напишите ответ на комментарии к статье в академическом сетевом сообществе (на примеры из нашей подборки комментариев в авторском варианте).

Безусловно развитие умений противостоять речевой агрессии зависит от общей культуры человека, от развития таких личностных качеств как рефлексия, эмпатия, толерантность. Становление студента как профессионала, компетентного в своей области, должно опираться на развитие данных умений и социально-значимых качеств личности.

Заключение

Анализ текстов комментариев к сетевым научным публикациям в области сельского хозяйства свидетельствует о том, что большинство коммуникантов следуют правилам сетевого этикета и академического дискурса. Данным текстам присущи все характеристики письменного академического дискурса – логичность изложения, объективность, лексико-грамматическая и стилистическая выдержанность. Однако, немало и сообщений, содержащих проявления речевой агрессии. Цель данных сообщений – не только выражение своей точки зрения, но, чаще всего, компрометация авторов и результатов исследования, которая реализуется посредством речевого воздействия. Как показал анализ лингвистических особенностей и способов проявления речевой агрессии, коммуниканты чаще всего в своих комментариях используют сниженную, разговорную, оценочную, нецензурную лексику, - как безаргументативную негативную оценку компетентности авторов и научных фактов, так и самих коммуникантов; аббревиатуры, акронимы, графические средства, - как выражение эмоциональности и языковой экономии в сетевом общении; грамматически неправильные конструкции, опечатки, - как свидетельство небрежного отношения к прочитанному и к самому процессу комментирования, либо как средство привлечения внимания. Коммуниканты в основном использовали стратегию дискредитации и тактики обвинения, оскорбления, иронии, издевки.

Бесспорно, конструктивная критика необходима для плодотворной научной дискуссии, однако речевая агрессия недопустима в любом виде общения. Вероятнее всего, увеличение случаев речевой агрессии в последний год можно объяснить ростом масштабов взаимодействия в цифровой среде, когда можно анонимно, безнаказанно, бездоказательно выразить свое мнение, хотя у коммуникантов есть достаточно времени, чтобы логично и ясно выразить свою позицию в соответствии с нормами этикета.

В современной образовательной системе особое значение приобретает формирование у выпускников вуза умений противостоять речевой агрессии в академическом интернет-дискурсе. Необходимо обучать студентов не только основам научного дискурса, но и основам конструктивного диалога, который предполагает аргументированность, информативность, корректность, этичность, поэтому в процессе обучения англоязычному общению в магистратуре необходимо включать формирование умений кооперации, аргументирования, формирования положительного эмоционального настроя, что будет способствовать искоренению

разрушительного языка вражды в цифровом пространстве, достижению цифровой безопасности и становлению цифровой культуры.

Перспективы дальнейших научных изысканий, на наш взгляд, заключаются в более детальном рассмотрении лингвистических особенностей проявления речевой агрессии в межкультурной академической интернет-коммуникации, в исследовании этнокультурных характеристик академического дискурса для плодотворного межкультурного научного диалога.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1998. С. 136-137.
2. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2001.
3. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. История. Филология. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 109-116.
4. Гейхман Л. К. Дискурс научного текста – взаимодействие автора с идеями других людей // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 97-110.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 7-е / О. С. Иссерс – М.: Издательство УРСС, ЛКИ, 2015. – 304 с.
6. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия ВГПУ. 2015. № 1 (96). С. 73–79.
7. Леонтьев В. В. Стратегии невежливой коммуникации в компьютерном дискурсе // Человек. Язык. Культура. Киев, 2013. С. 714-723.
8. Малетова М. И., Новикова Л. А. Цифровая грамотность студентов вузов: вызовы и возможности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Педагогика. Психология. 2020. Т. 30. № 2. С. 195-203.
9. Попова Т.П. Некоторые особенности академического дискурса // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – 2015. – № 7 (102). – С. 85–92.
10. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. Саратовский нац. исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского. 2014. № 1-2 (9-10). С. 81- 87.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М. Н. Кожинной. 2003. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/87/rechevaya-agressiya.htm> (дата обращения: 25.11.2021).
12. Сухомлинова М. А. Современный англоязычный академический дискурс: генезис и жанровая специфика : монография / М. А. Сухомлинова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. – 208 с.
13. Трепак Я.В. Лингвостилистические и когнитивно-прагматические характеристики дискурса академической блогосферы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – М., 2016. – 231 с.
14. Фаломкина И. П. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @Kuzbass_news) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2020. № 8. С. 101-105.
15. Хутыз И. П. Академический дискурс: культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 176 с.
16. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учебное пособие. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 200 с.
17. Щербинина Ю. В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией: Неолит; Москва; 2017. – 177 с.
18. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. L. : Continuum, 2009. 215 p.

УДК 811.111-26

Роль фразеологизмов с компонентом «флороним» в языковой картине мира

Роговая Юлия Сергеевна

магистрант кафедры иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, РФ, г. Белгород
1414196@bsu.edu.ru

Колесников Алексей Анатольевич

доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент Белгородский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Белгород
kolesnikov@bsu.edu.ru

The role of phraseological units with the component "floronym" in the language picture of the world

Rohova Yuliia Sergiyivna

Master's Degree student of the Department of Foreign Languages
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Kolesnikov Aleksei Anatolyevitch

PhD, Associate Professor, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod
kolesnikov@bsu.edu.ru

Аннотация. Языковая картина мира представляет собой совокупность объективных знаний человечества об окружающей действительности. При этом, чем устойчивее языковые компоненты, тем древнее культурная история, которая за ними скрывается. В этом отношении фразеологизмы представляют особый интерес для исследования, так как они отражают в себе специфику мышления народа, а также описывают традиции, многие из которых уже не существуют в современности, но продолжают функционировать в составе устойчивых выражений. Отдельного внимания заслуживают те компоненты фразеологизмов, которые выступают в качестве лингвокультурологических концептов. В английском языке среди таких компонентов фразеологизмов особо выделяются флоронимы – наименования объектов растительного мира. В нашем исследовании мы обратимся к анализу наиболее значимых флоронимов в английском языке, которые находят свое выражение в идиоматических выражениях и несут в себе отпечаток древней истории. Подобное исследование позволит обогатить имеющиеся представления о языковой картине мира англоязычных народов.

Ключевые слова: языковая картина мира, английский язык, флоронимы, фразеологизмы, концепты, лингвокультурология.

Abstract. The linguistic picture of the world is a set of objective knowledge of mankind about the surrounding reality. At the same time, the more stable the linguistic components, the more ancient the cultural history behind them. In this respect, phraseological units are of particular interest for research, since they reflect the specifics of the thinking of the people, and also describe traditions, many of which no longer exist in

modern times, but continue to function as part of stable expressions. Special attention should be paid to those components of phraseological units that act as linguistic and cultural concepts. In the English language, among such components of phraseological units, floronyms are especially distinguished - the names of objects of the plant world. In our study, we turn to the analysis of the most significant floronyms in English, which find their expression in idiomatic expressions and bear the imprint of ancient history. Such a study will enrich the existing ideas about the linguistic picture of the world of the English-speaking peoples.

Key words: linguistic picture of the world, English, floronyms, phraseological units, concepts, cultural linguistics.

Введение

Язык является наиболее ярким выразителем как индивидуальных, так и культурных особенностей человека. Языковая система настолько тесно связана с жизнью, что, как справедливо отмечает Ю.М. Лотман, «человек перестает отличать предмет от названия, пласт действительности от пласта ее отражения в языке» [2, с. 35]. Именно поэтому многие современные исследователи в своих работах поднимают вопрос о тесной связи мышления и языка, посредством которого находят свое выражение практически все области человеческого знания. Отражая способы концептуализации человеком окружающего мира, язык формирует уникальную языковую картину мира, в которой отражается объективный опыт человечества и его субъективная рефлексия. Остановимся на этом подробнее.

Под языковой картиной мира понимается прием структурирования знаний человека о действительности. Впервые этот термин был использован Л. Вайсгербером, однако до этого данное понятие получило разъяснения в работах В. Гумбольдта, который первым указал на то, что «языки представляют собой всемирную историю мыслей и чувств всего человечества» [1, с. 345].

Языковая картина мира меняется с развитием самого человека и его представлений об окружающей его действительности. Для того чтобы изучить особенности мышления человека прошлого, можно обратиться к анализу тех языковых единиц, которые обладают особой устойчивостью и практически не меняются на протяжении многих веков. В этой связи особую роль играют фразеологизмы, так как в них отражается древнейшая материальная и духовная культура народа. Подробное исследование фразеологизмов позволит составить комплекс наиболее значимых для той или иной культуры лингвистических концептов.

Исследование отдельных компонентов, входящих в состав фразеологических выражений, позволит более основательно подойти к изучению культурологического

аспекта языковой картины мира. В качестве примера мы выбрали объектом своего изучения флоронимы в идиоматических выражениях английского языка.

Новизна исследования заключается в интерпретации лингвокультурологических концептов запечатленных во фразеологизмах с компонентом «флороним» в языковой картине мира англоговорящей личности.

Основная часть

Как известно, растительный мир, а в особенности цветы, издревле входят основу многих культурно-бытовых реалий, воззрений и ритуалов. Более того, с цветами у всех народов связано множество интересных легенд, сказаний и преданий. Немаловажное значение цветы играют и среди англоязычных народов. В частности, особое почтение англичане издревле оказывали розе, лилии, ромашке, маргаритке, фиалке. Многие из этих флоронимов входят в состав фразеологических выражений, в которых они способствуют выражению какой-либо бытовой или общественной реалии. Так, флороним «violet» встречается в составе фразеологизма «shrinking violet» со значением «робкий человек». В основе данного образного сравнения лежат особенности внешнего вида цветка (маленький размер, небольшой бутон), а также символика фиолетового цвета, который у многих европейских народов интерпретировался как «угасший красный» [3, с. 67], олицетворение скромности.

Здесь стоит отметить, что интерпретация многих флоронимов тесно связана с символикой их цвета. При том, что в каждом народе тот или иной цвет воспринимался по-разному, при изучении лингвокультурного аспекта флоронимов, следует обратиться к исследованию семантики цвета этого цветка. Например, флороним «lily» (лилия) во многих фразеологических выражениях английского языка выступает в качестве символа непорочности и честности, так как белый цвет данного цветка во многих европейских культурах, в том числе и в английской, являлся символом чистоты, верности и доброты. Об этом свидетельствуют такие фразеологизмы, как «as pure as a lily» (чистый как лилия – в значении непорочный, честный); «to gild the lily» (позолотить лилию – в значении «сделать что-то ненужное, бесполезное», так как лилия сама по себе красива и не нуждается в дополнительных украшениях).

Говоря о значимости наименований цветов в языковой картине мира англичан, нельзя не отметить розу – один из наиболее распространенных мифопоэтических образов в западной, а в особенности, в английской, культурной традиции. За образом розы скрывается идея свободы, честности, мужества, рыцарства и всего прекрасного, а потому этот флороним встречается во многих фразеологизмах английского языка,

большинство из которых, несмотря на свое древнее происхождение, активно используются и в современной речи: «no rose without a thorn» (дословный перевод – нет розы без шипов, значение – нет человека без изъянов), «to gather life's roses» (срывать цветы удовольствия, то есть наслаждаться жизнью); «to have roses in one's cheek» (дословно – иметь розовый румянец во всю щеку, значение – человек пышет здоровьем); «to born under the rose» (дословный перевод – родиться под розами, значение – быть незаконнорожденным). Каждый из этих фразеологизмов имеет за собой длительную культурную традицию, связанную с мифологией и языческим мышлением древнего человека.

Многие фразеологические выражения, в составе которых встречаются флоронимы, отражают не только древние культурные традиции, но и репрезентируют современную языковую картину мира. Ярким примером тому является флороним «daisy» (ромашка), с которым современные носители английского языка связывают такие фразеологические обороты, как «push up the daisies» (разговорное выражение – отправиться на тот свет), «under the daisies» (дословный перевод «под ромашками», а в некоторых интерпретациях – «под маргаритками», что в метафорическом контексте означает «находиться в могиле»). Несмотря на то, что данные выражения относятся к современному английскому языку, сама идея взаимосвязи флоронима «daisy» с концептом смерти восходит к древним обрядовым традициям захоронения и жертвоприношения. Другими словами, даже в относительно недавно образовавшихся фразеологизмах можно проследить древнюю языковую картину мира народа.

Отдельного внимания заслуживают не только номинации конкретных цветов, но и сам флороним «flower», который в английском языке представлен широким спектром идиоматических выражений. При этом, в большинстве случаев этот флороним обладает положительными коннотациями, что указывает на специфику мышления англичан, издавна восхищавшимися красотой цветов. Примером тому могут служить такие распространенные фразеологизмы, как «as welcome as (the) flower in May» (долгожданный, желанный); «the flowers of speech» (красноречивые фразы), «in the flower of life» (в расцвете сил).

Такой широкий подход к изучению специфики языковой картины мира позволяет выделить огромное количество концептов в составе фразеологизмов. Так, в английском языке в качестве отдельных образов-символов можно выделить такие флоронимы, как «grass» (трава), «tree» (дерево), «berry» (ягода): «a snake in the grass» (дословный перевод – змея в траве, значение, эквивалентное русскому

фразеологизму «змея подколотная»); «to bark up the wrong tree» (дословно – лаять не на то дерево, в значении – обратиться не по адресу); «to be as brown as a berry» (дословно – быть коричневым, как ягода, значение – зардеться, стать румяным). Важно отметить, что содержательную специфику каждого фразеологизма с компонентом «флороним» необходимо рассматривать в контексте – несмотря на то, что фразеологические выражения являются устойчивыми единицами языка, в зависимости от ситуации они могут приобретать разные коннотации.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что языковая картина мира строится на основе отдельных компонентов – лингвокультурологических концептов, запечатленных в лексемах. Изучение таких концептов представляется возможным благодаря сохранившимся фразеологизмам, которые в силу устойчивости своей семантики, позволяют рассмотреть специфику того или иного слово-образа в разные исторические эпохи. Более того, активное использование фразеологизмов в современной речи свидетельствует о том, что идея, заложенная в них, не утрачивает своей актуальности. Для каждого народа свойственны свои уникальные концепты, которые в совокупности представляют единую языковую картину мира. Так, например, многие флоронимы указывают на символическое значение того или иного растения для народа. В проведенном исследовании мы увидели, что для англичан особое значение играют образы розы, лилии, ромашки, а потому номинации этих цветов сохранились во многих фразеологических выражениях, а также продолжают использоваться современными носителями языка для создания новых идиом.

Таким образом, проведенное исследование показало, что исследование отдельных языковых компонентов, входящих в состав фразеологизмов, позволяет более глубоко рассмотреть лингвистические и культурологические аспекты языковой картины мира.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2015 – 396 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 2008. – 412 с.
3. Пастуро М. Красный. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 443 с.

УДК 811-11

Критерии дифференциации сокращённых лексических форм – алфabetизмов и акронимов – в английском языке

Санников Игорь Вениаминович

ст. преподаватель кафедры иностранных языков неязыковых направлений
Вятский государственный университет, РФ, г. Киров
sannikovi@yahoo.com

Четвериков Борис Анатольевич

ст. преподаватель кафедры иностранных языков неязыковых направлений
Вятский государственный университет, РФ, г. Киров
chetverikov@vyatsu.ru

Differentiation Criteria of the Shortened Lexical Forms – Alphabetisms and Acronyms – in the English Language

Sannikov Igor Veniaminovich

senior teachers, Department of Foreign Languages for Non-linguistic Majors
Vyatka State University, Russia, Kirov

Chetverikov Boris Anatolyevich

senior teachers, Department of Foreign Languages for Non-linguistic Majors
Vyatka State University, Russia, Kirov

Аннотация. В данной статье предпринята попытка систематизации двух видов сокращённых лексических образований: акронимов и алфabetизмов – в английском языке. Разграничиваются понятия «инициализм», «акроним» и «алфabetизм». Рассматриваются проблемы, связанные с дифференциацией алфabetизмов и акронимов, детально исследуется их оппозиция, интерпретируются спорные случаи, до сих пор остававшиеся без объяснения в литературе. Авторы анализируют три различные модели дифференциации алфabetизмов и акронимов. Раскрываются новые аспекты, затрагивающие явления лексикализации, продуктивности, конверсии и синтаксических связей. Предлагается модель комплексного сравнительного анализа алфabetизмов и акронимов, позволяющая объяснить и систематизировать образование и функционирование данных видов лексических сокращений в языке.

Ключевые слова: акроним, алфabetизм, сокращение, лексикализация, словообразование, конверсия

Abstract. This article represents an attempt to systematize two types of reduced lexical formations: acronyms and alphabetisms – in the English language. Distinction is made between the concepts of "initialism", "acronym", and "alphabetism". Problems associated with the differentiation of alphabetisms and acronyms are studied, their opposition is investigated in detail, and some controversial cases that remained unexplained in the literature are interpreted. The authors analyze three models of differentiation between alphabetisms and acronyms. New aspects are revealed that concern the phenomena of lexicalization, productivity, conversion, and syntactic links. A model for a comprehensive comparative analysis of alphabetisms and acronyms is proposed that makes it possible to

explain and systematize the formation and functioning of these two types of lexical abbreviations in the language.

Keywords: acronym, alphabetism, shortening, lexicalization, word-formation, conversion

Целью данной работы является подробный обзор некоторых вопросов, возникающих при описании двух родственных классов сокращённых лексических форм в английском языке: акронимов и алфabetизмов. Ни в англоязычной, ни в русской литературе на данный момент не наблюдается чёткого разграничения между терминами “initialism”, “alphabetism” и “acronym”. Частично это можно объяснить историческим фактором. Согласно словарю “Merriam-Webster”, слово “initialism” в значении «аббревиатура, образованная из начальных букв фразы», употребляется с конца 19 в. [1], в то время как первое известное упоминание слова “acronym” относится к 1940 г. [2]. В большинстве случаев, термины «алфabetизм» и «инициализм» являются полными синонимами, но некоторые лингвисты используют «инициализм» применительно как к акронимам, так и к алфabetизмам [3, с. 120]. Слово “alphabetism” в значении, касающемся сокращённых лексических форм, пока ещё не вошло в большие словари, но его можно найти в некоторых онлайн словарях: [4], [5], [6]. “Glottopedia” приводит даже русские эквиваленты данного термина: «буквенная аббревиатура», «буквенное сокращение» [7]. Во избежание неправильной интерпретации, в данной работе мы будем пользоваться только терминами «алфabetизм» и «акроним».

В ходе работы был проведён анализ имеющейся англоязычной литературы по данному вопросу, поиск дополнительных примеров, подтверждающих выводы авторов, и отбор критериев для комплексной модели дифференциации алфabetизмов и акронимов.

Предварительное изучение литературы выявило ряд проблем в определении данных лексических явлений. Проблемы возникают при первой же попытке отнести рассматриваемые явления к той или иной категории, либо дать их определение. Так, несмотря на то, что все лингвисты единодушно указывают на родственность обоих классов и на необходимость определять их, учитывая их оппозицию друг к другу, не все учёные интерпретируют их одинаково. Некоторые берут за основу формальные особенности, характеризующие оба класса и объединяют акронимы и алфabetизмы в общий надкласс сокращений: П. Лопес Руа [8, с. 46], Г. Джексон и Э. Амвела [9, с. 63], другие рассматривают, прежде всего, словообразовательный процесс и называют их “нерегулярными формами”: Ф. Катамба [10, с. 59], “непредсказуемыми образованиями”: Л. Бауэр [11, с. 210], “второстепенным словообразовательным

процессом”: Р. Хаддлестон и Г. Пуллэм [12, с. 1685]. Ещё больше проблем при описании таких структур возникает в связи с размытостью границ категорий, стилистической маркированностью, явлениями лексикализации и, для некоторых подклассов, даже в вопросах синтаксиса.

В нашей работе мы попытаемся системно рассмотреть данные вопросы, что позволит иметь более полное представление об этих лексических формах. Мы попытаемся также обсудить некоторые проблемы, связанные с синтаксическим поведением некоторых подклассов акронимов и алфаветизмов, которые впервые были отмечены Р. Хаддлестоном и Г. Пуллэмом [12, с. 1657] и в дальнейшем исследованы Г. Харли [13, с. 355]. Мы полагаем, что совокупность характеристик, используемых для определения и категоризации акронимов и алфаветизмов, следует дополнить и расширить с целью улучшения понимания их характерных особенностей и поведения.

Одной из отличительных особенностей как акронимов, так и алфаветизмов является то, что они представляют собой сокращённые формы, созданные коммуникантами с целью речевой компрессии для краткой номинации объекта вместо длинной фразы. У Дж. Алджео и К. Бучер акцент делается на прагматической эффективности и краткости таких форм [14, с. 216]. Во-вторых, отмечается заместительная функция и тот факт, что сокращённая форма замещает полную в целях «экономии» и, в конечном итоге, может полностью вытеснить нередуцированный вариант. К подобным примерам можно отнести акроним radar (< Radio Detecting And Ranging) и алфаветизм ОК (< All Korrect), полностью вытеснившие исходные формы. В литературе описано достаточно много таких примеров.

Определение акронимов и алфаветизмов обычно строится на оппозиции их характеристик. Самым распространённым отличительным критерием является произношение. Акронимы представляют собой сокращённые формы, в которых начальные буквы исходной фразы произносятся слитно, как в обычном слове (AIDS /eidz/ < Acquired Immune Deficiency Syndrome), алфаветизмы же характеризуются произнесением по буквам (BBC /bi: bi: si:/ < British Broadcasting Corporation, DOA /di: ou ei/ < Dead On Arrival). Как видим, данное различие имеет фонологическую основу.

Как и во всех типах классификации, вне зависимости от выбранного критерия или параметра, категории определяются не совсем чётко, границы часто размыты противоположными примерами. Вероятно, этим объясняется наличие исследований, сосредоточенных на процессе словообразования таких форм. Их целью является объяснение наличия подобных примеров. Л. Бауэр, например, указывает на

непредсказуемость акронимов и алфаветизмов. По её мнению, эти формы следует объединить с усечениями, словами-гибридами, искусственно созданными словами и формами, созданными с помощью обратного словообразования – и не столько потому, что эти классы создаются путём сокращения, сколько из-за непредсказуемости их форм. “Несомненно, прогнозировать форму данных языковых единиц без учёта столь малоизученного явления, как благозвучие, невозможно” [11, с. 232]. Она утверждает, что существуют две причины такой непредсказуемости акронимов.

Во-первых, исходная форма предоставляет начальные буквы для акронима по-разному. Рассмотрим, например, акроним BASIC (< Beginners’All-purpose Symbolic Instruction Code), в котором только одна первая буква сложного прилагательного “all-purpose” участвует в словообразовательном процессе. Сравним с WASP (< White Anglo-Saxon Protestant), где участвуют уже две первых буквы “A” и “S”. Таким же образом GRAS (< Generally Recognized As Safe) включает в себя букву наречия “as”, а FIST (< Federation of Inter-State Truckers) игнорирует предлог “of”.

Во-вторых, фонологические правила не позволяют прогнозировать, почему некоторые формы – такие как OD (< Over-Dose) или BO (< Body Odour) – не являются акронимами несмотря на то, что их можно произнести как обычное слово. Интересный случай также представляет собой пара JAL /dʒei ei el/ (< Japanese Airlines) и IJAL /ai dʒæɪl/ (< International Journal of American Linguistics), где “JAL” произносится по-разному. Следует также упомянуть гибридную форму JPEG /dʒeɪpeg/ (< Joint Photographic Experts Group), где произношение не позволяет однозначно определить тип.

Интересную гипотезу предлагает Ф. Катамба [10, с. 228], согласно которой акронимы являются любопытным видом ролевой реверсии – в том смысле, что они изначально представляют собой устные словоформы, производные от слов письменной речи. Давно сложившиеся и закрепившиеся в языке акронимы обычно пишутся строчными буквами (например, “radar”, “scuba”), появившиеся недавно – прописными (например, SAT < Standard Attainment Tests) [15]. Это подтверждает тот факт, что коммуниканты всё ещё помнят исходную фразу. Рассмотрим ситуацию с NATO (< North-Atlantic Treaty Organization) или AIDS (< Acquired Immune Deficiency Syndrome), которые уже сейчас иногда пишутся строчными буквами: “nato”, “aids”. На следующей стадии акроним окончательно утрачивает связь с исходной фразой – как в случае с “scuba”, “radar”, “laser”. Никто уже не помнит, что “scuba” является сокращением от “self-contained underwater breathing apparatus”. И это, фактически,

является доказательством лексикализации акронима, того, что он стал полноценной лексемой.

В качестве другого наглядного примера можно привести слово pin (< Personal Identification Number), об исходной форме которого многие не помнят, в результате чего даже образовалась фраза, содержащая избыточную лексическую информацию: “pin number”.

Как отмечают Р. Хаддлестоун и Г. Пуллэм [12, с. 1659], акронимы с написанием прописными буквами часто используются наряду с полной исходной фразой в одних и тех же контекстах, а акронимы со строчным написанием – нет.

На данном этапе складывается впечатление, что основной чертой, отличающей акронимы от алфabetизмов, является произношение. В то же время, существует некоторая степень неопределенности в отношении их образования, так как согласно доказательствам Л. Бауэр, только употребление в речи служит объяснением выбора одного из вариантов. Например, VAT (< Value Added Tax) может произноситься и как акроним, и как алфabetизм [11, с. 255]. Акронимы представляются классом сокращённых форм, легко подверженных лексикализации, в то время как алфabetизмы сопротивляются такому процессу. Это, вероятно, вызвано стремлением акронимов к лексической автономности, обусловленной их слитным произношением.

Рассмотрим три предложенные разными авторами модели дифференцирования акронимов и алфabetизмов. Каждая из них содержит релевантную информацию и представляет собой попытку провести различие между двумя исследуемыми формами сокращений.

Модель Р. Фишер

Анализ сокращений, проведённый Р. Фишер, достаточно глубок и систематичен [16, с. 97-122]. Она методично создает чёткую модель, полностью интегрируя акронимы и алфabetизмы в более общую картину, которую мы воспроизводим в Таблице 1 в слегка адаптированной форме.

Таблица 1. Дифференциация редуцированных лексических конструкций по Р. Фишер

Тип	Исходная форма	Произношение	Примеры
аббревиатура	одно слово	алфавитное или соответствующее исходной форме	Dr.
усечение	одно слово или более	орфоэпическое	enviro
алфabetизм	два слова или более	алфавитное	SOS
слово-гибрид	два слова	орфоэпическое	brunch
акроним	три слова или больше	орфоэпическое	AIDS

Как можно заметить, в модели Р. Фишер есть некоторые вариации в отношении отличительных характеристик, представленных в выше. Например, аббревиатуры (которые она называет сокращениями) читаются не только в исходной форме, но и алфавитно. Однако они отнесены к редуцированным формам только одного слова (из чего следует, что согласно данной модели, “e.g.” или “p.m.” должны быть отнесены к алфabetизмам).

Важная картина отличий акронимов и алфabetизмов представлена Р. Фишер в Таблице 2., где она в наглядной форме суммирует результаты исследований Г. Кэннон [17, с. 99-127].

Таблица 2. Дифференциация акронимов и алфabetизмов по Г. Кэннон

Критерий	Алфabetизм	Акроним
Произношение	алфавитное; ударение на последнем слоге; преимущественно гласные звуки /i/, /e/ дифтонг /ei/	орфоэпическое; ударение преимущественно на первом слоге
Написание	1 - 5 букв	3 - 9 букв
Исходная форма	не менее 2 слов	не менее 3 слов
Продуктивность (словообразовательный потенциал)	редко	ограниченно
Сфера применения	в основном, наука	в основном, наука, бизнес, политика
Семантика	–	часто омонимия

Значение данной модели для лучшего определения акронимов и алфabetизмов заключается в том, что произношение больше не является ключевой отличительной характеристикой эти классов. Особое внимание уделяется написанию, длине исходной фразы (2 или 3 слова) и расширенной семантике. Остановимся кратко на некоторых аспектах, представленных в Таблице 2.

Вне всяких сомнений, результаты исследований Г. Кэннон претерпели некоторые изменения. Например, в продуктивности, под которой мы понимаем способность класса породить производные формы, за последние несколько десятилетий произошли изменения: оба класса стали более продуктивными, причём, акронимы в большей степени. Например, YUP (< Young Urban Professional), от которого было создано много производных: yuppie, to yuppify, yuppification, yuppiedom, to de-yuppify, yur-speak. Следует упомянуть и то, что Ф. Катамба называет «словообразовательными кальками» – а именно, формы, созданные по аналогии с yuppie: “woppies” (< Wealthy Older Professional Persons), “yummies” (< Young Upwardly-

Mobile Marxists), “dinkies” (< Double-Income-No-Kids), “nilkies” (< No-Income-Lots-of-Kids) [10, с. 116].

Не следует также забывать о таких примерах, как lol (< Laughing Out Loud), парадигма которого в результате лексикализации значительно расширилась, продуцировав глагольные и именные формы, или OD (< Over-Dose), который часто используется как глагол (She OD-ed in my backyard.). Точно в таком же ключе следует рассматривать формы “dinkdom”, “WASPish”, “AIDS baby”, “AIDS virus” и др.

Свои особенности имеются в функционировании сокращённых лексических форм в специализированных областях. Так, М. Коанча отмечает, что стимулом к употреблению алфаветизмов и акронимов в деловом дискурсе является их точность и моносемантичность (например, PPP < purchasing power parity, L/C < letter of credit). В специальных текстах они выступают в роли кодов, понятных лишь людям, обладающим соответствующими знаниями. Характерна ситуация, когда в названии статьи приводится сокращение, а в тексте, для неспециалистов, даётся исходная фраза [18]. Специальные знания требуются для понимания алфаветизмов и акронимов также в юридическом дискурсе. Н. Юдина указывает на преобладание алфаветизмов в данном дискурсе [19].

Сфера исследования также расширилась благодаря появлению множества алфаветизмов и акронимов в области Интернет-коммуникации. Следует упомянуть например “imho” (< In My Humble/ Honest Opinion), “rofl” (< Rolling On The Floor Laughing), “rtfm” (< Read The Fucking Manual), “ykwm” (< You Know What I Mean), и т.д. В. Кулкарни и У. Ян Ванг представляют алфаветизмы и акронимы (при этом объединяя оба вида в понятие «алфаветизмы») как одну из четырёх морфологических категорий интернет-сленга [20].

Следует отметить ещё некоторые моменты в сфере семантики. Г. Кэннон признаёт тот факт, что акронимы могут иногда создаваться как омонимы некоторых уже существующих в языке лексических единиц. Это реверсивные акронимы – т. е., акронимы, созданные путём инверсии процесса словообразования, когда полная форма создаётся, отталкиваясь от сокращённой. Так были образованы, например, WASP (< White Anglo-Saxon Protestant; “wasp” – «оса», что придаёт отрицательный оттенок), MADD (< Mothers Against Drunk Driving; “mad” – «сумасшедший», и это вызывает юмористические ассоциации), SAD (< Singles’ Awareness Day; “sad” – «грустный»).

Сама Р. Фишер упоминает метафорический перенос значения, происходящий при словообразовании, когда значение существующего обычного слова передаётся

акрониму. В качестве примера приводятся BASIC (< Beginners'All-purpose Symbolic Instruction Code; "basic"- «базовый, простой»), WIMP (< Weakly Interactive Massive Particle; "wimp" – «слабак»), или даже WIN (< Whip Inflation Now; "win" – «побеждать»), причём, последнее интерпретируется как имплицитный речевой акт. В то же время, NOW (< National Organization of Women; "now" – «сейчас»), может интерпретироваться как акроним, обладающий прагматическим значением.

Ни Г. Каннон, ни Р. Фишер не упоминают об интересном свойстве алфabetизмов с точки зрения их семантики. Дж. Алджео и К. Бучер отмечают их тенденцию функционировать как эвфемизмы, иллюстрируя её следующими примерами: BO (< Body Odor) и VD (< Venereal Disease). Цепочку подобных примеров легко продолжить: STDs (< Sexually Transmitted Diseases), SOB (< Son Of a Bitch), OD (< Over-Dose), BS (< Bull Shit), и т. д. [14, с. 270]

Следовательно, и акронимы, и алфabetизмы могут употребляться в стилистически маркированном значении – либо путём метафорического переноса (реверсивные акронимы), либо как эвфемизмы (некоторые алфabetизмы). Фактически такое коннотативное применение также служит подтверждением гипотезы лексикализации, рассмотренной нами выше.

Таким образом, складывается впечатление, что данные семантически нагруженные сокращённые формы представляют собой новые лексемы, а не просто новые звуковые/графические) формы (т.е., алломорфы) исходной фразы [21, с. 116]. Как утверждают Р. Хаддлестон и Г. Пуллэм, в таком неологизме как "dinky" (< married couple with [double income but no kids yet]), акроним содержит значение фразы большей, чем исходная, и это может служить доказательством того, что перед нами новая лексема, а не алломорф исходной фразы.

Модель П. Лопес Руа

Это одна из наиболее комплексных моделей. Её целью является систематизированный учёт металингвистических категорий, используемых при описании сокращённых форм, которые в лексической морфологии зачастую игнорируются. С этой целью автор берёт за основу переработанную теорию прототипов, которая позволяет глубже изучить и лучше объяснить предмет, чем это можно сделать с помощью классической теории. Из-за недостаточной гибкости классической теории целый ряд «странных» примеров остаётся без объяснения. Это, например, "Carisform" (< Carribbean Institute of Social Formation) – «периферийная» форма, которую никто из предшествующих исследователей не смог отнести к какому-либо определенному классу. Следует отметить, что подход П. Лопес Руа исключает

один из ключевых отличительных критериев, которые использовались в предыдущих исследованиях – «непредсказуемость», благодаря которому Л. Бауэр объединила акронимы и алфаветизмы в один класс «непредсказуемых форм».

П. Лопес Руа подчёркивает большие объяснительные возможности своего подхода. Он особенно удобен для описания акронимов и алфаветизмов, характеризующихся разнообразием и сложностью и не поддающихся комплексному описанию с помощью классического подхода.

Для осуществления комплексного описания необходим ряд параметров. П. Лопес Руа отобрала следующие 6 параметров [8, с. 35]:

1. *Количество и тип исходных форм* (т.е., морфо-синтаксических единиц, от которых образуются сокращённые формы): одна или более, слово или фраза. Например, “Mon” (< Monday), “motel” (< ‘motor’ + ‘hotel’), “Inbucon” (< International Business Consultants).

2. *Произношение производной формы*: нерасширенное (слово или произношение по буквам) или расширенное (соответствует исходной форме): Zip/ZIP (< Zone Improvement Plan), NY (< New York).

3. *Орфография, или написание*: строчные или заглавные буквы или же и те, и другие: SALT (< Strategic Arms Limitation Talks/Treaty), “Genie” (< General Electric Network for Information Exchange).

4. *Степень сокращения*: от максимальной (одна – две начальные буквы для замены одного слова исходной фразы) до средней и минимальной, когда сокращённая форма содержит части исходных слов или целые слова исходной фразы – например, “TriBeCa” (< Triangle Below Canal Street) или “Eximbank” (< Export Import Bank).

5. *Степень фонетической интеграции составных частей*: высокая (наложение звуков), средняя (объединение звуков), или низкая (группировка звуков). При высокой интеграции происходит ассимиляция идентичных или сходных звуков в сокращённых формах (например, фонемы /b/ and /d/ в “bomdron” < bombardment squadron). При средней степени интеграции ассимиляции звуков не происходит – они соединяются, образуя слог или произносимую слитно последовательность в образованной форме (например, “br-“ и “-unch” в “brunch” < breakfast + lunch; или начальные буквы акронима “radar”). При низкой степени интеграции звуки просто группируются, образуя новый элемент, например, “Nabisco” (< National Biscuit Company). Низкая степень интеграции также типична для алфаветизмов – таких как BBC (< British Broadcasting Corporation).

6. Способ выражения: устный и письменный или только письменный.

Необходимо подробнее остановиться на параметрах П. Лопес Руа. Если сравнить их с тем, что предлагает Р. Фишер, то мы заметим, что последние 3 параметра (степень сокращения, степень фонетической интеграции составных частей и способ выражения) заменили продуктивность, сферу применения и семантику. В комплексном формальном анализе сокращённых форм параметры П. Лопес Руа выглядят, безусловно, более релевантно. Например, последний параметр – способ выражения – используется для разграничения между простыми (только письменные формы, представленные аббревиатурами) и комплексными сокращениями (как письменными, так и устными, представленными всеми другими классами сокращений). Попытаемся интегрировать наблюдения, сделанные Ф. Катамба о формообразовании, с инверсией ролей (о том, что письменный вариант является основой для устных форм), в эту модель и оценим результат.

Используя данные параметры, П. Лопес Руа предлагает любопытный набор характерных показателей для каждого класса сокращённых форм. Мы ограничимся акронимами и алфabetизмами и лишь кратко упомянем другие сокращения, когда речь пойдёт о пограничных случаях и об их включении в новую модель, обладающую большими возможностями для объяснения. Эти характерные показатели приведены в Таблицах 3 и 4.

Таблица 3. Иерархия характерных показателей акронимов (“laser”, “radar”)

Параметры	Характерные показатели
Произношение	орфоэпичное
Степень сокращения	максимальная (1-2 начальных буквы из слова)
Степень фонетической интеграции	средняя
Исходная форма (исходные формы)	одна фраза
Орфография	строчные буквы
Способ выражения	как в устной, так и в письменной речи

Таблица 4. Иерархия характерных показателей алфabetизмов (“BBC”)

Параметры	Характерные показатели
Произношение	алфавитное
Степень сокращения	максимальная (1 начальная буква из слова)
Степень фонетической интеграции	низкая
Исходная форма (исходные формы)	одна фраза
Орфография	заглавные буквы
Способ выражения	как в устной, так и в письменной речи

Таблицы 3 и 4 показывают характерность примеров “laser” и “BBC” для своих классов и выявляют важные отличия одного от другого. Как и в предыдущих моделях, чёткое различие наблюдается в плане произношения, орфографии и исходной фразы. Степень сокращения и степень фонетической интеграции также способствуют улучшению дифференциации этих двух классов. Модель Лопес Руа, действительно, обладает большими возможностями для объяснения. Попробуем проанализировать различные гибридные формы:

а) VAT (< Value Added Tax), произносится как алфаветизм при написании заглавными буквами и проявляет свойства акронима при написании строчными буквами – “vat”, в этом случае он произносится слитно;

б) гибрид акронима и алфаветизма “IBMulation” (< IBM + eMULATION, т. е., “emulation of International Business Machines”), “Echovirus” (< ECHO + virus; ECHO < Enteric Cytopathogenic Human Orphan);

в) акроним/алфаветизм/усечение, к примерам которого можно отнести CLAB (< Custom LABoratories Inc.), coth (< Hyperbolic COtangent), BOPS (< Bomber OPerationS), DSAT (< Defensive SATellite), E-Spec (< Equipment SPECification).

Мало говорится о продуктивности и о расширенной семантике, которые упоминались в моделях Р. Фишер и Г. Кэннон, хотя, как мы отметили, последний параметр можно использовать в качестве отличительного критерия. Явление лексикализации также не упоминается, даже если её можно использовать для противопоставления классов. В целом модель П. Лопес Руа характеризуется систематичным описанием изучаемых явлений, даёт более полную картину и, в отличие от предыдущих исследований, позволяет дать объяснение гибридных классов.

Модель Х. Харли

Некоторые алфаветизмы образуются от фразы, представляющей собой достаточно чёткое описание чего-либо – например, организации, СМИ, образовательного учреждения. Интересно отметить, что артикль для этих фраз сохраняется даже после замены исходной фразы на алфаветизм: the UN (< the United Nations), the BBC, the CIA (< the Central Intelligence Agency), the FBI (< the Federal Bureau of Investigation). Исключением является поведение ограниченного класса алфаветизмов, образованных от названий образовательных учреждений: UCLA (< University of California Los Angeles), MIT (< Massachusetts Institute of Technology), NYU (< New York University).

Интересная картина возникает при рассмотрении акронимов, производных от фраз, обозначающих конкретные объекты, которые ведут себя так же, как и алфаветизмы с названиями учебных заведений. В своей работе Х. Харли отмечает, что подобные акронимы уподобляются именам собственным – т. е., теряют артикль, присутствующий в исходной фразе. Рассмотрим несколько примеров, приведённых Х. Харли: RADA (< The Royal Academy of Dramatic Art), UNESCO (< The United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization), UNICEF (< The United Nations International Children’s Emergency Fund) [13, с. 388-389].

Поведение акронимов отличается от поведения алфаветизмов (кроме производных от фраз, обозначающих учебные заведения). В то время как акронимы, подобно именам собственным, теряют присутствующий в исходной фразе артикль, алфаветизмы обычно сохраняют его. Это происходит даже при лексикализации алфаветизмов, таких как the GOP (< The Grand Old Party), когда исходная фраза более не известна молодому поколению коммуникантов. Х. Харли изучает это различие в синтаксическом поведении акронимов и алфаветизмов и находит в нём определённую закономерность. Она утверждает, что алфаветизмы, образованные от исходной фразы, обозначающей учебное заведение, являются исключениями. Они ведут себя аналогично названиям мест, употребляемых без артикля. Известно, что в английском языке имеется класс существительных, представляющих собой названия мест, которые ведут себя как имена собственные (употребляются в единственном числе и без артикля) – например: *School was fun today. I want to go to camp. I’m going on break.*

Если мы согласимся с Х. Харли, то у нас будет ещё одна оппозиция. В заключение приведем следующее:

Таблица 5. Синтаксическое поведение акронимов и алфаветизмов, обозначающих определённые объекты

Акронимы	Алфаветизмы
как имена собственные: NATO/John Smith	именные группы, обозначающие определённый объект: the BBC/ the boy

Таким образом, с помощью анализа литературы мы выявили различные тенденции в классификации и организации акронимов и алфаветизмов. Объединив их в единое целое, получим комплексную картину, представленную в Таблице 6.

Таблица 6. Комплексный сравнительный анализ акронимов и алфabetизмов

Критерий	Алфabetизмы	Акронимы
Произношение	алфавитное; ударение на последнем слоге	орфоэпическое; ударение на первом слоге
Написание	1-5 заглавных букв	3-9 строчных букв
Степень сокращения	1 начальная буква на слово	1-2 начальн. букв на слово
Степень фонетической интеграции	низкая	средняя
Расширенная семантика	эвфемизмы	омонимы уже существующих лексем
Продуктивность в результате лексикализации	редко	выражена
Синтаксис (когда исходная фраза обозначает определённый объект)	поведение как у именных групп	поведение как у имён собственных
Конверсия	возможна при отсутствии фонологических препятствий	невозможна

Как можно заметить, мы удалили некоторые критерии, присутствовавшие в отдельных моделях – такие, как «сфера применения» – поскольку данный параметр потерял актуальность в связи с широким употреблением как акронимов, так и алфabetизмов в самых разных сферах. Мы также убрали «исходную фразу», так как и акронимы, и алфabetизмы являются сокращением фразы. «Способ выражения» из модели П. Лопес Руа тоже исключён нами, поскольку он позволяет проводить разграничения между простыми и комплексными сокращениями (аббревиатурами и всеми другими вариантами), что не актуально для данного исследования.

Мы сохранили критерий «продуктивность», который ассоциируется с лексикализацией, и которому можно было бы посвятить отдельное исследование. Из нашего исследования вытекает, что акронимы имеют тенденцию к лексикализации, а алфabetизмы демонстрируют её только после конверсии (после их превращения в акронимы). А это означает, что продуктивность и лексикализация ограничены лишь теми алфabetизмами, которые не имеют фонологических препятствий для конверсии. Данный интересный, но пока недостаточно подтверждённый вывод требует научной проверки, которую мы надеемся предпринять в будущих исследованиях.

В заключение, можно отметить что модель, подобная представленной в Таблице 5, позволяет объяснить большинство примеров, которые были приведены ранее как исключения. Так, например, объясняется предрасположенность к конверсии у VAT/vat (< Value Added Tax). Точно так же, благодаря расширенной семантике, объясняется невозможность конверсии SOB (< Son of a Bitch), OD (< Over-

Dose), BO (< Body Odor): поскольку такие единицы создаются как эвфемизмы (а не только ради сокращения), они не конвертируются, ибо акронимы не обладают подобной семантикой. Мы полагаем, что составленная нами новая модель даёт возможность более полно объяснить и систематизировать образование и функционирование акронимов и алфabetизмов.

Список литературы

1. Initialism // Merriam-Webster.com Dictionary. – Merriam-Webster. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/initialism> (Дата обращения: 21.11.2021)
2. Acronym // Merriam-Webster.com Dictionary. – Merriam-Webster. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/acronym> (Дата обращения: 21.11.2021)
3. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / David Crystal. – Cambridge University Press, 2018. – 582 pp.
4. Alphabetism. Режим доступа: <https://en.wiktionary.org/wiki/alphabetism> (Дата обращения: 21.11.2021)
5. Meaning ALPHABETISM. Режим доступа: <https://dictionary.university/ALPHABETISM> (Дата обращения: 21.11.2021)
6. Literary Terms and Definitions: A. Режим доступа: http://web.cn.edu/kwheeler/lit_terms_A.html (Дата обращения: 21.11.2021)
7. Alphabetism. Режим доступа: <http://www.glottopedia.org/index.php/Alphabetism> (Дата обращения: 21.11.2021)
8. López Rúa, P. On the Structure of Acronyms and Neighbouring Categories – a Prototype-Based Account / Paula López Rúa // English Language and Linguistics. – Cambridge University Press 6 (1), 2002, pp. 31-60.
9. Jackson, H., Amvela, E. Z. An Introduction to English Lexicology: Words, Meaning and Vocabulary / Howard Jackson, Etienne Zé Amvela. – Bloomsbury Academic, 2021. – 272 pp.
10. Katamba, F. English Words. Structure, History, Usage / Francis Katamba. – Routledge, 2005. – 352 pp.
11. Bauer, L. English Word-Formation / Laurie Bauer. – Cambridge University Press, 1983. – 328 pp.
12. Huddleston, R., Pullum, G. The Cambridge Grammar of the English Language / Rodney Huddleston, Geoffrey Pullum. – Cambridge University Press, 2002. – 1860 pp.
13. Harley, H. Why Is It the CIA but not *The NASA? Acronyms, Initialisms and Definite Descriptions / Heidi Harley // American Speech, vol. 79, 4, 2004, pp. 368-399.
14. Algeo, J., Acevedo Butcher, C. The Origins and Development of the English Language / John Algeo, Carmen Acevedo Butcher. - Cengage Learning, 2013. – 384 pp.
15. Abbreviations, initials and acronyms // Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/abbreviations-initials-and-acronyms> (Дата обращения: 21.11.2021)

16. Fischer, R., *Lexical Change in Present-Day English: A corpus-based study of the motivation, institutionalization, and productivity of creative neologisms (Language in performance)* / Roswitha Fischer. – Tübingen : G. Narr Verlag, 1998. – 209 pp.
17. Cannon, G. *Abbreviations and Acronyms in English Word-Formation* / Garland Cannon // *American Speech*, vol. 64, No.2. – Duke University Press, 1989. – pp. 99-127.
18. Coancă, M. *Linguistic Features Of Business Acronyms And Abbreviations In English* / Mariana Coancă // *Romanian Economic and Business Review*, 2017. Режим доступа: <https://www.rebe.rau.ro/RePEc/rau/journal/SP18/REBE-SP18-A2.pdf> (Дата обращения: 21.11.2021)
19. Udina, N. *Pragmatic and cognitive aspects of abbreviations and acronyms in law discourse* / Natalia Udina // *Abstracts & Proceedings of INTCESS 2021- 8th International Conference on Education and Education of Social Sciences*, 18-19 January, 2021. Режим доступа: https://www.ocerints.org/intcess21_e-publication/papers/127.pdf (Дата обращения: 21.11.2021)
20. Kulkarni, V., Yan Wang, W. *TFW, DamnJina, Juvie, and Hotsie-Totsie: On the Linguistic and Social Aspects of Internet Slang* / Vivek Kulkarni, William Yan Wang. – December 2017. Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/1712.08291.pdf> (Дата обращения: 21.11.2021)
21. Plag, I., *Word-Formation in English* / Ingo Plag. – Cambridge University Press, 2018. – 245 pp.

УДК 811.111

Противопоставления английских пространственных предлогов как способ актуализации их грамматической семантики

Хрисонопуло Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики
Санкт-Петербургский государственный институт культуры, РФ, г. Санкт-Петербург
katherine0824@gmail.com

The oppositions of English spatial prepositions as a way of expressing their grammatical semantics

Khrisonopulo Ekaterina Yurievna

PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Linguistics, Saint-Petersburg State University of Culture, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. В статье анализируются факторы выбора английских пространственных предлогов *in*, *at* и *on* при обозначении сходных либо идентичных пространственных отношений. Парные противопоставления предлогов *in – at* и *at – on* свидетельствуют в пользу того, что факторами анализируемых противопоставлений служат как особенности осмысления денотатов знаменательных слов, входящих в предложное словосочетание, так и когнитивно-дискурсивные операции, которые лежат в основе установления взаимосвязи между главным и зависимым членами словосочетания. В статье обосновывается тезис о том, что противопоставления предлогов, обусловленные разграничением когнитивно-дискурсивных операций, служат выражением их грамматической семантики.

Ключевые слова: предлог, словосочетание, семантика, противопоставление, когнитивно-дискурсивная операция

Abstract. The paper analyzes the factors behind the choices of the English spatial prepositions *in*, *at* and *on* in the descriptions of similar or identical spatial relations. As evidenced by contrastive uses of the prepositions in the pairs *in – at* and *at – on*, the distinctions are motivated both by the construal of the denotation of content words that constitute prepositional phrases and by the nature of cognitive-discursive operations that underlie the establishment of a relationship between the head-word and the adjunct within a phrase. The paper substantiates the claim that the oppositional relationships between the prepositions that are motivated by the distinctions between cognitive-discursive operations manifest their grammatical semantics.

Key words: preposition, phrase, semantics, opposition, cognitive-discursive operation

1. Введение

Предлоги входят в класс служебных слов, которые играют важную роль в оформлении взаимосвязи знаменательных слов в структуре словосочетания. В современном английском языке, не имеющем развитой системы флексий для выражения семантической связи знаменательных слов, предлоги приобретают

особую значимость и во многих случаях, как отмечают авторы (см., напр.: [1, с. 122 – 123; 2, с. 116]), становятся функциональными аналогами флексий во флективных языках. Вместе с тем, соотношение грамматических форм, оформленных с помощью различных флексий, рассматривается в грамматике в качестве выражения грамматической оппозиции, составляющей основу определенной морфологической категории. Что касается соотношения словосочетаний, в состав которых входят различные предлоги, можно отметить две основные трактовки. Во-первых, употребление различных пространственных предлогов связывается с выражением их собственно лексического значения при номинации расположения объектов относительно друг друга в пространстве: *on the table* – *under the table* [3, с. 149 – 150; 4, с. 92 – 93]. С другой стороны, выбор различных английских пространственных предлогов при оформлении словосочетаний связывается с дифференцированным осмыслением денотатов именных групп, которые предлоги соединяют [5], топографическим и/или функциональным осмыслением именуемых предложным словосочетанием объектов [6], той ролью, которую предлоги играют в активации образных схем, фреймов и концептов [7; 8]. При этом трактовка собственно лексических противопоставлений предлогов основана на примерах, отражающих объективно различные виды пространственного расположения объектов (*on the table* – *under the table*). Напротив, трактовка выбора пространственного предлога на основании осмысления денотатов знаменательных слов иллюстрируется примерами, описывающими сходное либо идентичное пространственное расположение: *in the market* – *at the market*. На вопрос о том, реализуется ли в подобного рода корреляциях предлогов их лексическое либо грамматическое значение, однозначного ответа, как правило, не дается. С точки зрения британского лингвиста В. Эванса [9], то или иное осмысление денотата (концептуализация) предложного словосочетания связано с активацией собственно лексического концепта либо модели. С другой стороны, по мнению О.Н. Селиверстовой [10, с. 241], в различного рода пространственных употреблениях предлогов «лексические компоненты ... вплетены в ткань грамматического значения, создавая его варианты».

Целью настоящей работы является выявление специфики противопоставлений английских пространственных предлогов *in*, *at* и *on* при обозначении сходных либо идентичных пространственных связей объектов. Для решения поставленной цели в работе решаются две основные задачи: (1) идентификация тех аспектов семантики предлогов, которые выходят на первый план при их выборе в конкретном контексте; (2) определение устойчивости компонентов семантической структуры предлогов при

их контрастивном функционировании в составе словосочетаний с различными классами знаменательных слов.

При решении задач исследования в работе впервые предпринимается попытка выявить собственно грамматическую составляющую в общей семантической структуре английских пространственных предлогов. Поскольку грамматическое значение характеризуется регулярностью и обязательностью выражения при употреблении языковой единицы в речи, результаты исследования будут способствовать выявлению инвариантного значения предлогов, что послужит полноте их описания и выявления их семантической и структурной роли в оформлении высказывания.

Дальнейшее изложение материала будет строиться в следующей последовательности. Сначала будет сделана общая характеристика теоретико-методологической основы исследования. Затем — в основной части статьи — будет представлен анализ факторов выбора пространственных предлогов в парах *in – at* и *at – on*. В заключительной части работы содержатся выводы о специфике семантической структуры пространственных предлогов и особенностях актуализации их грамматической семантики при описании сходных пространственных ситуаций.

2. Теоретические предпосылки и методика исследования

В плане семантических и формальных особенностей предлоги определяются в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [11, с. 394] как разряд служебных слов, «выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения». В словаре также отмечается, что в значениях предлогов «отражается семантическое взаимодействие служебного слова и соединяемых им самостоятельных слов». Приведенное определение предполагает, что собственно грамматическую составляющую в семантике предлога будут составлять разновидности подчинительной связи: объектная, атрибутивная либо обстоятельственная (ср., напр.: [12, с. 77 — 116; 13, с. 265]). Вместе с тем, выполнять одну и ту же функцию могут словосочетания, вводимые различными предлогами. Например, анализируемые в настоящей работе пространственные предлоги вводят обстоятельственную именную группу: *he was staying at / in a hotel*. Получается, что в собственно грамматическом отношении предлоги *at* и *in* выступают в качестве синонимических показателей обстоятельства места. Синонимия имеет место в грамматике, как и в лексической системе языка, однако если связывать семантику языковой единицы в целом с различным осмыслением денотативной ситуации (а

значит и обозначаемых предлогом отношений между элементами ситуации), то следует признать справедливость тезиса о несовпадении семантики синонимов (см. [14, с. 80; 15, с. 89]). С когнитивной точки зрения, здесь следует говорить о семантической дифференциации языковых единиц, обусловленной когнитивной способностью человека осуществлять «мыслительное конструирование» (*mental construal*), т. е. «осмыслять или изображать одну и ту же ситуацию различными способами» [16, с. 249].

Выше уже упоминалось, что различное осмысление денотатов соединяемых предлогами знаменательных слов связывается в ряде работ с различиями между лексическими концептами. Вместе с тем, следует отметить, что подобного рода осмысление обладает значительной степенью регулярности и распространяется на целый ряд знаменательных слов, представляющих лексический концепт. Свойства регулярности и охват целых групп лексических единиц свойственно в основном именно грамматическому значению, а не лексическому. Как отмечает Н.Н. Болдырев [17, с. 145], «увеличение степени условности и обобщения в отражении и интерпретации реальных или мыслимых и отношений между ними обеспечивает ... **переход от аналоговой (лексической) к собственно языковой (грамматической) категоризации ...**» (выделено в цитируемом источнике. - Е.Х.).

Грамматический аспект семантики предлогов, связанный с осмыслением денотата предложных словосочетаний, отмечается в исследовании Д.А. Штелинга [18, с. 134 — 149], где речь идет о противопоставлении английских предлогов в конструкциях с причастием прошедшего времени. В аналогичном ключе именно как противопоставление, а не синонимическая вариация выражаемой английскими предлогами семантики рассматривается соотношение предлогов *by* и *with* в статье А.С. Кириченко [19].

Сказанное выше дает основание охарактеризовать семантику предлогов, связанную с осмыслением денотатов знаменательных слов, как лексико-грамматическую по своей природе. Лексический аспект передаваемой семантики обусловлен лексическим значением знаменательных слов, в то время как грамматический аспект выражаемого при этом содержания связан с его дифференциацией в регулярных противопоставлениях предлогов.

Собственно грамматическим в семантике предлогов будет также указание на наличие взаимосвязи между определенным образом осмысленными денотатами. В соответствии с определением М.Я. Блоха [20, с. 64], категориальное грамматическое

значение предлогов заключается в выражении «зависимостей и взаимозависимостей субстантивных референтов». Специфика взаимосвязи трактуются авторами по-разному. Выше уже упоминалось, что конкретные пространственные взаимосвязи, выражаемые предлогами, в большинстве случаев понимаются как основа лексического значения предлогов. Вместе с тем, при обозначении с помощью предлогов сходного либо идентичного пространственного отношения дифференциальные аспекты предложной семантики могут связываться с различиями в осмыслении отношений, которые, в свою очередь, понимаются как «свойства самих объектов, проявленные ими по отношению друг к другу (относительные свойства)» [21, с. 11]. Иначе говоря, речь идет о выражаемом предлогом отношении как содержании, связанном с осмыслением денотата знаменательных слов.

В нашем исследовании, проведенном на материале противопоставлений английского предлога *of* [22], показано, что выражаемое этим предлогом отношение может рассматриваться как отдельный содержательный аспект в его семантике, который формируется на основе когнитивно-дискурсивных операций, т.е. мыслительных действий, осуществляемых в процессе установления взаимосвязи между референтами соединяемых предлогом знаменательных слов.

Не исключено, что содержание мыслительных действий, равным образом как и определенный способ осмысления предмета либо явления, может составлять важный аспект грамматической семантики не только абстрактного по своему значению предлога *of*, но и английских пространственных предлогов.

В дальнейшем анализе языкового материала будет обосновываться рабочая гипотеза о том, что противопоставления английских предлогов *in*, *at* и *on* выявляют как лексико-грамматический аспект их семантики, связанный с осмыслением денотатов знаменательных слов, так и грамматическую семантику предлога, обусловленную содержанием мыслительных действий, которые регулярно производятся при установлении соответствующего пространственного отношения. Методика исследования основана на теоретической предпосылке о семантическом противопоставлении (а не синонимической вариации) формально различных пространственных предлогов и, соответственно, включает оппозиционный анализ, который интегрирует в себе дистрибутивную характеристику или сочетаемость предлогов с определенными семантическими классами знаменательных слов, а также контекстуальный анализ, предполагающий идентификацию случаев согласованности исследуемого аспекта семантики предлога со смыслами, выражаемыми в контексте.

3. Факторы выбора пространственных предлогов в парах противопоставлений *in* – *at* и *at* – *on*

Материалом для исследования послужили примеры из художественных произведений современных британских писателей Фредерика Форсайта (Frederick Forsyth) и Дилис Роуз (Dilys Rose). Общее количество примеров составило около тридцати пар соотносимых друг с другом сочетаний с различными предлогами, которые вместе с тем указывают на идентичное либо сходное расположение объектов в пространстве. Примеры в дальнейшем будут приводиться без ссылки на авторов, так как жанрово-стилистические различия между произведениями упомянутых авторов для целей настоящего исследования существенной роли не играют.

3.1. Противопоставление предлогов *in* и *at*

Вариативное употребление предлогов *in* и *at* наблюдается в текстах в словосочетаниях с наименованиями учреждений (*in/at the hotel*), географическими названиями (*in/at the city*), а также с номинациями понятия центра (*in/at the heart of some place*). Например, в одном случае пространственное расположение в гостинице (*Progress Hotel*) описывается при использовании предлога *in*: *He assigned me...a billet in the old Progress Hotel and said I could go anywhere and see anything I wanted*. В другом случае аналогичное локативное отношение передается словосочетанием с предлогом *at*: *Back at the Progress Hotel to change, I discovered there were over a score of other expatriates...in residence*. Различия в употреблении предлогов в первую очередь объясняются тем, что в первом примере гостиница осмысляется как замкнутое пространство, в котором предполагается размещение гостя (*a billet in the hotel*). Во втором примере понятия замкнутости, вмещенности и наличия границ отходят на второй план, и гостиница осмыляется как некая точка или координата, в которой фиксируется местоположение персонажа в результате выполненного действия возвращения (*back at the hotel*). Наряду с различиями в осмыслении денотата именной группы (наименования гостиницы), которую вводят предлоги *in* и *at*, можно отметить также и разницу в характере мысленно устанавливаемой взаимосвязи между этим денотатом и референтами знаменательных слов, которые предшествуют предлогу. В первом случае существительное *billet* («размещение») предполагает место, в которое — в самом общем смысле — включается объект. Во втором примере наречие *back*, за которым стоит имплицитная предикация (*returning to* - «по возвращении»), предполагает место, относительно которого объект ориентируется. Таким образом, выбор предлогов *in* или *at* в рассматриваемом случае

мотивируется как различным осмыслением денотата вводимой ими именной группы, так и разграничением **когнитивно-дискурсивных операций** пространственного **включения** и **ориентации**, соответственно.

Предлоги *in* и *at*, как правило, составляют основу комплементарного отношения между соответствующими словосочетаниями в рамках высказывания. Если предлог *in* указывает на включение объекта в более обширное пространство, то *at* имплицитно ориентирует объект относительно той или иной координаты в рамках этого пространства. Например, в следующем предложении предлог *in* вводит название города (*London*), а предлог *at* указывает на конкретную координату в городе (*Alexandra Palace*): *Then I secured a transfer to TV news, based way up **in** north London **at** Alexandra Palace.* В другом примере название города (*Aburi*) вводит предлог *at*, в то время как своего рода включение города в пространство страны (*Ghana*) маркируется предлогом *in*: *At the one single meeting... **at** Aburi **in** Ghana, Gowon had conceded a withholding of Federal oil taxes.* Вместе с тем, в случае совместной встречаемости словосочетаний с предлогами *in* и *at* в пределах одного высказывания предлог *in* не всегда вводит наименование более обширного пространства по сравнению с «координатой», вводимой предлогом *at*. Например, в следующем предложении наименование города вводится предлогом *at* (*at Cottbus*), в то время как словосочетание с *in* обозначает местонахождение в военном гарнизоне (*in the garrison*), который располагался в этом городе: *She claimed she was married to a corporal... who... was permanently based **in** the garrison **at** Cottbus, far away on the Czech frontier.* Приведенный пример демонстрирует тот случай, когда указание на когнитивно-дискурсивные операции включения и ориентации доминируют в качестве факторов выбора предлогов *in* и *at*, соответственно. Использование *in* с существительным *garrison* является вполне естественным в контексте предиката *be based*. Последний требует включения референта именной группы (*corporal*) в пространственно осмысляемый объект (*garrison*). Далее этот объект уже не включается в другое пространство, а ориентируется относительно географической системы координат, чем и мотивируется употребление предлога *at* с наименованием города (*at Cottbus*). Аналогичным образом указание на когнитивные операции играет ведущую роль при выборе предлогов *in* либо *at* с наименованием центральной части того или иного пространства (*in/at the heart of*). Употребление первого сигнализирует включение объекта в центральную часть пространства: *These two ministries **in** the heart of Whitehall covered all British foreign affairs.* Данное высказывание взято из описательного фрагмента текста, в котором описываемые объекты включаются в

центральную пространственную область. В свою очередь, когда высказывание представляет собой (воображаемый) диалог автора и читателя, в котором первый пытается сориентировать второго относительно пространственного расположения объекта, в составе словосочетания употребляется предлог *at*: *If you lived in New York all your life, you might never know a place like this existed, right at the very heart of it all*. В приведенном высказывании предлог *at* как бы задает поисковую область, где можно найти объект.

Из сказанного о противопоставлениях предлогов *in* – *at* следует, что при трёх различных семантических классах существительных — наименованиях учреждений, городов и центральной части того или иного пространства — неизменным и достаточно регулярным остается содержание когнитивно-дискурсивных операций, производимых субъектом мыслительной деятельности (автором соответствующих высказываний) при установлении пространственной взаимосвязи с объектами, называемыми этими существительными. При этом предлог *in* указывает на операцию включения в пространство, в то время как предлог *at* указывает на ориентацию относительно пространственно осмысляемого объекта. В следующем пункте в центре внимания будет вопрос о том, сохраняется ли связываемая с предлогом когнитивно-дискурсивная операция в случае его соотнесенности не только с каким-то одним конкретным предлогом, но и с другим предлогом, выражающим пространственную семантику.

3.2. Противопоставление предлогов *at* и *on*

Предлоги *at* и *on* достаточно далеки друг от друга в плане передаваемого ими лексического значения. В то время как предлог *at* указывает на нахождение вблизи чего-то (*at the table*), словосочетания с предлогом *on* описывают положение на поверхности объекта (*on the table*). В то же время оба предлога могут указывать на максимально сходное пространственное расположение, и именно в этих случаях ориентационный смысл в значении предлога *at* выходит на первый план. Довольно иллюстративным в этом отношении является выбор предлогов *at* или *on* в сочетаниях с существительным, обозначающим перекресток (*at a crossroads* – *on the crossing*). Употребление предлога *at* предполагает, что автор повествования ориентирует описываемое лицо (*fur-capped soldier*) относительно его местонахождения (*a crossroads*) в рамках представляемой читателю пространственной сцены: *Ten streets further on it happened again. Another fur-capped soldier at a crossroads, arms spread, barring traffic from crossing*. Иначе представлено местонахождение «на перекрестке»,

когда соответствующее словосочетание вводится предлогом *on*: *The third time, the slowly rumbling traffic **on** the crossing involved more low-loaders but carrying mobile bridges.* В приведенном примере предлог *on* указывает на **операцию соотнесения динамического признака объекта** (*rumbling traffic* - «грохочущий транспорт») **с предметной основой проявления этого признака** (перекрестком, по которому с грохотом движется транспорт).

В тех случаях, когда предложное сочетание входит в состав глагольной предикации (а не именных фраз, как в примерах выше), использование предлогов *at* либо *on* аналогичным образом обуславливается указанием на соотнесение действия с пространственной областью. В глагольно-именных словосочетаниях предлог *at* эксплицирует смысл «направленность на пространственную область» и профилирует конкретный объект в этой области: *The man is tugging **at** his hair which is grey and tangled... A blackbird... hops up to the head and begins pecking greedily **at** an ear.* В данном примере действия «дергать» (*tugging*) и «клевать» (*pecking*) представлены со стороны внешнего наблюдателя как направленные на объекты или — в более общих терминах - как ориентированные относительно пространственных областей, в которые эти объекты входят. Сочетание *tugging at one's hair* означает «дергать, направляя свое действие в то место, где находятся волосы» (т. е. «дергать за волосы»). Аналогичным образом сочетание *pecking at an ear* значит «клевать, направляя клюв в то место, где у человека находится ухо» («клевать за ухо»). В тех случаях, когда во многом сходное глагольно-именное сочетание оформляется при использовании предлога *on*, происходит указание на операцию соотнесения процессуального (глагольного) признака с предметной основой его реализации. Глаголы при этом обозначают осуществление той или иной деятельности, как в следующем примере: *A Dr. Bannerjee worked **on** the ear. This was long before micro-surgery... A Mr. Lang, a dental surgeon roused from his bed, worked **on** the mouth.*

Обусловленность употребления предлога *on* указанием на когнитивно-дискурсивную операцию соотнесения глагольного признака с предметной основой его реализации, предположительно, актуализируется и в противопоставлениях этого предлога с предлогом *in* в таких сочетаниях, как *on / in the train, on / in the street, on / in the list*. Исследование этих противопоставлений на материале примеров из текстов способствовали бы выявлению степени устойчивости, регулярности, а следовательно, и степени грамматичности выражения содержания когнитивно-дискурсивных операций в семантике предлогов.

4. Выводы

Проведенный в работе анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что факторами противопоставлений английских предлогов *in*, *at* и *on* при обозначении пространственного отношения служат как особенности осмысления денотатов знаменательных слов, входящих в предложное словосочетание, так и когнитивно-дискурсивные операции, которые лежат в основе установления взаимосвязи между главным и зависимым членами словосочетания. При этом указание на когнитивно-дискурсивную операцию является достаточно устойчивым и регулярным семантическим признаком, который актуализируется не только в бинарных противопоставлениях предлогов с однородными семантическими классами знаменательных слов, но и в противопоставлениях одного предлога с несколькими другими. Сказанное свидетельствует в пользу тезиса о том, что когнитивно-дискурсивные операции составляют основу грамматической семантики предлогов, которая актуализируется в рамках их противопоставлений при описании сходных либо идентичных референтных ситуаций.

Список литературы

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учебник. 5-е изд., испр. и доп. - Дубна: Феникс+, 2016. - 248 с.
2. Левицкий Ю.А. Морфология английского языка: Учебное пособие. - М.: ЛКИ, 2016. - 136 с.
3. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка (на английском языке). - Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1971. - 366 с.
4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. - М.: Высшая школа, 1981. - 285 с.
5. Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. - Munchen: Verlag Otto Sagner, 1998. - С. 43 — 228.
6. Herskovits A. Spatial expressions and the plasticity of meaning // Topics in cognitive linguistics / Ed. By B. Rudzka-Ostyn. - Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins, 1988. - P. 271 – 298.
7. Tyler A., Evans V. The semantics of English prepositions: spatial scenes, embodied meaning, and cognition. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - 268 p.
8. Coventry K.R., Garrod S.C. Saying, seeing and acting: the psychological semantics of spatial prepositions. - Hove and New York: Psychology Press, 2004 – 216 p.
9. Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев и др. - М.: Языки славянской культуры, 2015. - С. 350 — 387.
10. Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога на // Исследования по семантике предлогов: сб. ст. / Отв. ред. Д. Пайар, О.Н. Селиверстова. - М.: Русские словари, 2000. - С. 189 — 242.
11. Репина Т.А. Предлог // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред.

- В.Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 394 — 395.
12. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. - М.: ЛКИ, 2019. - 200 с.
13. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка: Учебник. - М.: ЛЕНАНД, 2021. - 424 с.
14. Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. К вопросу о методике дискурсивного анализа // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Отв. ред. О.А. Сулейманова. - М.: ЛЕНАНД, 2018. - С. 62 — 82.
15. Сулейманова О.А., Фомина М.А. Тивьяева И.В. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020. - 352 с.
16. Langacker R.W. Ten lectures on the basics of cognitive grammar / Ed. by F. Li. - Leiden: Brill, 2017. - 445 p.
17. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. - М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. - 480 с.
18. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учеб. пособие. - М.: МГИМО; ЧеРо, 1996. - 254 с.
19. Кириченко А.С. Семантика предлогов: от геометрии к психоанализу // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб статей к юбилею О.А. Сулеймановой. - М.: ФЛИНТА, 2016. - С. 108 — 115.
20. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. 7-е изд., перераб. и доп. - Дубна: Феликс+, 2017. - 460 с.
21. Бойкова И.Б. К проблеме адекватного описания семантики предлогов // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография / под общ. ред. О.А. Сулеймановой. - М.: ФЛИНТА, 2018. - С. 10 — 19.
22. Khrisonopulo E.Yu. The cognitive-discursive oppositions of English prepositions in the text of an official document // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 4 (24). - P. 42 – 47.

УДК 8. 81'11

**Особенности немецкоязычного терминообразования:
на материале авиационной терминологии**

Чучупалова Ирина Петровна

старший преподаватель кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта (МИИТ), РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
i.chuchupalova@yandex.ru

Черникова Елена Олеговна

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта (МИИТ), РУТ (МИИТ), РФ, г. Москва
elenach328@mail.ru

**Certain features of the German-language term formation:
on the material of aviation terminology**

Chuchupalova Irina Petrovna

senior lecturer of the Linguistics Department
Russian University of Transport (MIIT), RUT (MIIT), Russia, Moscow

Chernikova Elena Olegovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Linguistics Department
Russian University of Transport (MIIT), RUT (MIIT), Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные аспекты немецкоязычного терминообразования. На материале авиационной терминологии описываются основные источники и способы терминообразования, характерные для современного немецкого языка. Установлено, что ранний этап формирования авиационной лексики отличается конкуренцией мотивирующих основ. Доказано, что наиболее распространёнными источниками пополнения терминологии авиации выступают интернационализмы и заимствования. Наряду с использованием интернациональных и заимствованных слов, термины описываемой сферы научных интересов могут образовываться за счёт употребления национальных вариантов немецкого языка, что свидетельствует о проявлении общих и специфических характеристик когнитивности немецких ученых, выражающейся в разных подходах к номинации общих понятий. Определено, что основосложение выступает наиболее продуктивным способом терминообразования в авиационной отрасли.

Ключевые слова: авиационные термины, основосложение, заимствования, национальный термин, немецкий язык

Abstract. The article examines some aspects of the German-language terminology. On the basis of aviation terminology, the main sources and methods of term formation typical for the modern German language are described. It was found that at the early formation stage aviation vocabulary is characterized by competition of motivating bases. It has been proven that internationalisms and borrowings are among the most common sources of terms enrichment in the modern aviation vocabulary. Along with the usage of international words and borrowed ones the terms of the described sphere of scientific interests can be formed through the use of national variants of the German language. This

fact indicates the manifestation of general and specific characteristics in the cognition of German scientists expressed in the different approaches to the nomination of general concepts. It has been determined that the stem formation is the most productive method of term formation in the aviation industry.

Keywords: aviation terms, stem formation, borrowings, national term, the German language.

В век всемирной глобализации, когда каждый индивидуум представлен в международной сети как неотъемлемый компонент национального и межкультурного взаимодействия, важнейшим пунктом объединения наций является язык и его понимание. Без общего осмысления природы языкового барьера не строился бы новый постиндустриальный мир, в котором мы сейчас существуем. Любой человек так или иначе предпринимает попытки для понимания другого человека – того, кто не говорит на его родном языке. Кроме того, адекватное донесение информации способствует развитию взаимовыгодного сотрудничества между странами и континентами, а также служит подспорьем для более гармоничной деятельности, направленной на борьбу за общие идеалы человечества.

Выше обозначенное утверждение справедливо и для терминологий конкретных отраслей знания, где, как в зеркале, отражается исторический, культурный и профессиональный опыт того или иного государства.

В данной статье предпринята попытка описания терминологии транспортной области, при переводе которой переводчик сталкивается с весьма непростой задачей, связанной с предоставлением достоверной и правдивой информации, в особенности, когда речь идет о быстрой и отлаженной работе в режиме just-in-time.

При описании авиационной сферы научного познания стоит заметить, что данное направление является едва ли не главной отраслью, которая нуждается в общемировых стандартизованных и согласованных правилах и положениях. Как и в любом другом виде профессиональной деятельности общий язык служит средством общения и функционирования авиационного персонала. Отметим, что в социальном отношении любой язык является неоднородным, поскольку способен варьироваться по-разному. Например, могут существовать возрастные особенности языка: речь маленького ребенка всегда отличается от речи взрослого человека, речь старшего поколения, как правило, отличается речи молодёжи. Следует учесть, что уровень образования человека также влияет на вариативность [1].

Развитие авиационной терминологии происходит параллельно с развитием авиационной техники. Под терминологией в данном случае понимается систематизированная совокупность терминов, обеспечивающих коммуникацию

между специалистами определенной области науки и техники: эффективность специальной коммуникации достигается путем отбора языковых средств, отвечающих требованиям общения в специальных сферах и способствующих рождению новых идей.

В этой связи, постоянно растущая потребность в именовании новых специальных понятий, обуславливает высокую продуктивность и повторяемость определённых терминообразующих элементов, другими словами, появляется необходимость в формировании собственно терминологического информационно-словообразовательного фонда.

Как известно, путем селекционного отбора сохраняется только то, что способствует дальнейшему развитию человека и общества. В частности, формирование любой терминологии осуществляется на базе продуктивных моделей конкретного языка. В немецком языке одним из самых продуктивных способов словообразования (соответственно – терминообразования) является основосложение [2].

Для достижения системности и четкой структурированности профессионально-научной терминологии, возникает необходимость в построении мотивированных терминов с предсказуемой семантикой. На ранних этапах становления конкретной терминологии нередко выявляется конкуренция мотивирующих основ. Одно и то же понятие может обозначаться разными терминами.

Так, в сфере немецкой авиационной терминологии можно отметить следующие случаи выше описанного явления (см. рис.1).

Понятие	Flug-	Luft-
воздушное судно	<i>Flugapparat</i> <i>Flugmaschine</i> <i>Flugzeug</i>	<i>Luftfahrzeug</i>
сопротивление воздуха	<i>Flugwiderstand</i>	<i>Luftwiderstand</i>

Рисунок 1. Примеры несовпадения мотивирующих основ

Как видно из примеров, данное явление наблюдается среди определяющих основ. Однако существует немало терминов, в которых варьируется определяемая основа (см. рис.2).

пилот	<i>Flugpilot</i> <i>Flugführer</i>	–
-------	---------------------------------------	---

Рисунок 2. Примеры варьирования определяемой основы

Таким образом, на примере конкуренции основ *Flug-* ('полет') и *Luft-* ('воздух') можно проследить процесс выбора оптимального признака номинации в определении того или иного понятия.

Интернациональная основа *aero-* (см. рис. 3), имеющая латинское происхождение, также участвовала в формировании немецкой авиационной терминологии на ранних этапах ее развития, но не получила широкого распространения и в большинстве случаев была вытеснена ее национальным эквивалентом.

Понятие	Интернациональная основа	Национальная основа
воздушное такси	<i>Aerotaxi</i>	<i>Lufttaxi</i>

Рисунок 3. Примеры использования национального варианта

Другим распространенным способом терминообразования является формирование терминов путем использования греко-латинских основ, имеющих агглютинативный характер (см. рис. 4):

Понятие	Греко-латинская основа	Национальная основа
аэропорт	<i>Aerodrom</i> (устар.)	<i>Flugplatz/Flughafen</i>
пилот	<i>Aeronaut</i> (устар.)	<i>Flieger</i> <i>Flugführer/ Flugpilot</i> <i>Luftschiffer</i>

Рисунок 4. Примеры формирования терминов за счет греко-латинских основ

Стремление к отсутствию полисемии и синонимии в терминологии приводит к тому, что по мере развития терминологической системы изначально равнозначные термины могут претерпевать следующие изменения:

1) полное вытеснение одного термина другим (*Luftwiderstand* полностью вытеснил прежний синоним *Flugwiderstand*);

2) закрепление нескольких терминов, обозначающих одно понятие, в разных национальных вариантах немецкого языка (*Flugwaffe* считается швейцарским вариантом немецкого термина *Luftwaffe*);

3) сужение или специализация значения одного из терминов (в настоящее время термин *Luftfahrzeug* используется для обозначения всех типов летательных аппаратов, в то время как термином *Flugzeug* обозначается только самолет);

4) переход одного из терминов в разряд разговорной лексики (например, термин *Maschine*);

5) вытеснение всей группы терминов другим, более подходящим для обозначения соответствующего понятия (национальные термины *Flieger* и *Flugführer* были заменены интернациональным термином *Pilot*) [3].

В современный период все большее значение приобретает заимствование – распространенный способ пополнения фондов национальных терминологических систем (см. рис. 5):

Понятие	Заимствование
реактивный самолет	Jet/Jetliner
турбореактивный самолет	Turbojet

Рисунок 5. Примеры заимствований как источника пополнения терминологии

Кроме двухкомпонентных отмечается небольшое количество трехкомпонентных и четырёхкомпонентных сложных терминов. Но хотя такие композиты состоят их трех или четырёх компонентов, по терминологической структуре они двухкомпонентны, так как также состоят из опорного слова (которое может быть сложным) и определяющего слова: *Flughöhenbereich* – «область высоты полёта», *Flugabwehrführung* – «командование ПВО», *Flugführungsbefehle* – «приказы командования», *Flugbereichsradarsystem* – «радиолокационная система слежения за малыми высотами полета», *Flugabwehraufklärung* – «зенитная разведка», *Flugabwehraufklärungsmittel* – «средства зенитной разведки» [5].

Рассматривая сложные термины следует отметить, что в качестве первого компонента могут выступать основы разных частей речи, при этом последним компонентом всегда является существительное, что подчеркивает их пригодность для использования в терминологической системе. Заинтересованное «погружение» в процесс исследования и осмысления взаимосвязей и взаимозависимостей в структуре поля словосложения немецких терминов по специальности военного вуза показало множество словообразовательных моделей.

На первом месте мы выделили сложные термины типа С + С, например, *Flugwaffe* – «военно-воздушные силы», *Flugwarnung* – «предупреждение центра управления полётом», *Flugzeug* – «самолёт», *Flugverkehr* – «воздушное сообщение».

На втором месте – компоненты, образованные по типу П + С, например: *Tiefflug* – «бреющий полёт», *Fernflug* – «полёт на дальность», *Nahflug* – «полёт на ближнее расстояние», *Großraumjet* – «стратегический самолёт» [4].

Лишь отдельные термины имеют первым компонентом наречие или числительное: *Zwischenflug* – «промежуточный полёт», *Erstflug* – «опытный полёт», *Außenbehälter* – «внешний контейнер», *Großflug* – «вылет тяжёлых самолётов» [3].

Первые компоненты в составе субстантивных композитов соответствуют словообразовательной модели корневого слова (*Flugbahn, Fluggeschoss, Flugbetankung, Flügelwurzel, Flugzeugträger, Flugzeughersteller, Fluggerät, Luftschiff*), суффиксального слова (*Hochleistungsflugzeug, Flugifomationssammlung, Aufklärungsdrohnen, Reaktionstriebwerk, Satellitenpositionierungssystem*), префиксального слова (*Vorflügelantenne, Gebrauchsflugzeug, Ersatzverband, Einsatzflug*) [5].

Формирование любой терминологии осуществляется, как правило, на базе продуктивных моделей конкретного языка. В немецком языке одним из самых продуктивных способов словообразования (соответственно –терминообразования) является основосложение.

Благодаря значительному количеству заимствований в немецком языке появляется обширное число профессиональных слов, связанных так или иначе с транспортной инфраструктурой, в частности, в авиации. Список данных слов достаточно велик и каждый раз пополняется новыми единицами профессиональной лексики.

Список литературы

1. Harris I. ICT in multimodal transport and technological trends: Unleashing potential for the future / I. Harris, Y. Wang, H. Wang. International Journal of Production Economics. 2015. V.159, Pp. 88-103.
2. Loos E. The Role of Mobility Digital Ecosystems for Age-Friendly Urban Public Transport: A Narrative Literature Review / E. Loos, M. Sourbati, Fr. Behrendt. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. 17, 7465. Pp. 2-16.
3. Бубнова Г.В., Левин Б.А. Цифровая логистика – инновационный механизм развития и эффективного функционирования транспортно-логистических систем и комплексов // International Journal of Open Information Technologies. 2017 Т. 5, № 3. С. 72-77.

Список источников

4. Краткий немецко-русский авиационный словарь / сост.: О.Н. Мартынова, Е.С. Клочкова. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2017. 344 с.
5. Шарафутдинова Н.С. Немецко-русский синонимический словарь авиационных терминов / Н.С. Шарафутдинова. Ульяновск : УлГТУ, 2016. 196 с.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133

Телескопия как самостоятельный способ словообразования в современном французском языке

Ан Екатерина Донгиновна

канд.филолог.наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Академия «Bolashaq», г.Караганда
yekaterina.an@gmail.com

Telescopy as an Independent Way of Word Formation in Modern French

An Yekaterina Donginova

PhD in Philology, Docent, Associate professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of Karaganda «Bolashaq» Academy

Аннотация. Исследователи, затрагивающие тему телескопии, изучают преимущественно особенности формальной структуры телескопных слов. При таком подходе отграничение телескопных слов от других типов лексических единиц представляет определенные сложности, так как границы между внешне сходными с телескопными, например, аффиксальными, сложнокращенными, сложными словами трудно установить. Основное содержание исследования составляет анализ телескопных терминов, как лексических единиц синтаксической природы. Особое внимание уделено анализу телескопных слов, образованных в результате объединения фрагмента первого усеченного слова и полной формы второго слова, в которых второй компонент доминирует в семантическом плане. На основе изучения структурно-семантических и функциональных особенностей телескопных слов, выделяются и описываются специфические признаки этих лексических единиц, позволяющие отграничить их от, внешне сходных с ними, сложных слов и определить статус телескопии как самостоятельного способа словообразования в современном французском языке.

Ключевые слова: телескопия, телескопные слова, сложные слова, синтаксический уровень, словообразование

Abstract. Researchers that touch on the subject of telescopy predominantly study the special features of the formal structure of the words being studied. With this approach, distinguishing telescopic words from other types of lexical units presents certain difficulties, as the boundaries between the externally similar to telescopic words, for example, the affix words, the words with complex abbreviations, the complex words are difficult to establish. The main content of the study is analysis of telescopic terms as lexical units of syntactic nature. Special attention is paid to the analysis of telescopic words, formed as a result of combining a fragment of the first truncated word and the full form of the second word, in which the second component semantically dominates. Based on the research of the structural, semantic and functional features of telescopic words, specific features of these lexical units are highlighted and described, which make it possible to distinguish them from their otherwise externally similar complex words and to determine the status of telescopy as an independent way of word formation in modern French.

Keywords: telescope, telescopic words, complex words, syntax level, word formation

Введение. Последние два десятилетия отличаются резким ростом количества телескопных образований и, соответственно, появлением интереса со стороны лингвистов к телескопическому способу словообразования.

Анализ работ, посвященных изучению этого феномена в современных английском и французском языках, показывает признание учеными телескопии как эффективного способа обогащения словарного состава данных языков. Однако телескопия продолжает оставаться одним из сравнительно мало изученных до настоящего времени способов словообразования, в частности, во французской лингвистике. Термин *телескопные слова* понимается весьма широко. В эту категорию включаются различные типы лексических единиц, создаваемых в результате объединения фрагментов усекаемых слов. Исследователи, затрагивающие проблему телескопии, останавливаются преимущественно на особенностях формальной структуры исследуемых слов. Во внимание принимается, в основном, характер усечения и/или характер соединения составляющих слово компонентов. При таком подходе отграничение телескопных слов от других типов лексических единиц представляет определенные сложности.

Актуальность обращения к избранной теме исследования вызвана отсутствием устойчивой теоретической базы, продолжающимися среди лингвистов спорами относительно природы данного явления, расхождениями ученых в решении вопроса о лингвистическом статусе телескопных образований в лексических системах современных языков. Определение природы телескопных слов и места их в словообразовательной системе современного французского языка стало *основной целью* настоящей работы. Для достижения этой цели поставлена *задача*: на основе сопоставительного и структурно-функционального *методов анализа* выявить специфические признаки телескопных образований, создающихся в области научной терминологии, для установления наиболее точных критериев отграничения телескопных слов от, внешне сходных с ними, лексических единиц, в частности, сложных слов.

Научная новизна работы заключается в том, что, основываясь на постулате о наличии определенной связи телескопных слов с синтаксическим уровнем, они рассматриваются не как морфологические образования, а как лексические единицы, создающиеся на синтаксической основе. Именно с этих позиций раскрывается сущность телескопического способа словообразования.

В настоящей работе к разряду *телескопных слов* относятся лексические единицы, образующиеся на основе объединения двух, связанных определительным отношением, полнозначных слов с одновременным усечением одного из них или обоих: *synderme* /m/ - "*Derme qui est synthétique*"; *mobilette* /f/- "*Bicyclette qui est mobile (motorisée)*".

Материалом исследования послужили данные энциклопедических и терминологических словарей различных отраслей науки и техники.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут способствовать дальнейшей теоретической разработке телескопического способа словообразования, как во французском языке, так и в других языках, а также представлять научный интерес для лингвистов, специализирующихся в области изучения терминологии, словообразования и перевода.

Результаты исследования. Сложность определения места слов, состоящих из двух усеченных слов или одного усеченного слова и полной формы другого слова, в системе словообразования способствовала тому, что за последние годы увеличилось число исследований, посвященных телескопии. Но, несмотря на возросший интерес к проблеме, сущность телескопии до конца не раскрыта. Анализ лингвистических работ, как общетеоретического характера, так и специальных исследований, посвященных телескопии, показывает, что расхождения ученых вызваны различным пониманием лингвистической сущности телескопии как способа образования новых слов. Это подтверждается существующими попытками классификации телескопных слов и принципиальными расхождениями ученых в использовании терминов для обозначения исследуемых типов лексических единиц. Отсутствие единства взглядов лингвистов в используемой ими терминологии [1, с.101] связано с тем, что во внимание принимаются, главным образом, внешние характеристики механизма словообразования телескопных единиц.

Нет единства взглядов ученых и относительно того, источником пополнения какого словарного фонда являются телескопные образования. Одни авторы считают, что телескопия представляет собой продуктивный способ пополнения терминологической лексики [2]. Однако продолжает бытовать мнение о том, что телескопное словообразование представляет окказиональный способ создания новых лексических единиц (лишь некоторые телескопные слова давно перешли в разряд узувальных слов) [3], и поскольку широкое применение способа скрещения двух и более словоформ/лексических единиц отмечается в художественном словотворчестве для создания эмоционально-окрашенных окказиональных слов, телескопия служит,

в основном, для обновления и пополнения экспрессивно-стилистической лексики языков [4,5].

Неоднозначно толкование ученых вопроса об определении статуса телескопии в системе словообразования современного французского языка. Разногласия ученых наблюдаются в предлагаемых авторами критериях отграничения телескопных единиц от, внешне сходных с ними, аффиксальных производных, сложносокращенных слов и единиц, образованных на базе греко-латинских элементов, а также сложных слов.

Анализ материалов, посвященных телескопии, показал, что продолжает существовать точка зрения, согласно которой телескопия не является самостоятельным способом словообразования, а представляет собой один из видов словосложения.

Телескопию рассматривают, как способ "виртуального" словосложения. По мнению отдельных авторов, телескопные слова являются результатом *паронимической неологии* и *паронимического словообразования* (как разновидность словосложения).

Так, к особому паронимическому способу **словосложения** относит телескопию И.Н. Кузнецова, суть которого заключается в том, что из двух (или более) исходных слов (путем частичной модификации одного или обоих исходных компонентов), благодаря механизму *наложения* или *вклинивания* одного из них в другой с появлением *общей* квазиморфемы, образуется телескопное слово [6, с.8].

Так же Л. В. Эрстлинг, указывает на то, что *наложение* с помощью общего звукового сочетания является основным признаком механизма телескопии, который позволяет рассматривать телескопию особым паронимическим способом словообразования (*franglais -fran(çais) +(an)glais*) **среди способов словосложения**. Подчеркивая, что телескопные слова отличаются от сложных и сложносокращенных слов типа *surdi-mutité*, к числу важных отличий телескопии от других видов словосложения автор приводит то обстоятельство, что при образовании телескопных слов происходит соединение не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов исходных слов, а при образовании сложных слов соединяются две автономные лексемы: *jupe-culotte* 'юбка-брюки' [7, с.134-5].

Из-за частичной выраженности формы сложного слова в телескопном образовании, как особую **разновидность словосложения** рассматривает телескопию А.Н. Шевелева [8]. Вместе с тем, автор считает, что такой факт, как наложение и вставка морфов, а также сохранение акцентно-слоговой структуры

одного из исходных слов, позволяет отграничить телескопные слова от сложносокращенных единиц.

Действительно, в основе телескопического словообразования, как и при образовании сложных слов, заложен механизм словосложения. Однако, на наш взгляд, формальный подход к изучению телескопных единиц, а именно: принимаемый во внимание, главным образом, характер объединения фрагментов усекаемых слов (*словосложение с усечением, словослияние, вдвижение, вхождение, вкладывание* двух слов друг в друга, а также *нагромождение, наложение* одних элементов слов на другие), недостаточен для определения природы телескопных слов и места телескопии в словообразовательной системе современного французского языка.

В настоящей работе телескопные образования рассматриваются не на морфологическом, а на синтаксическом уровне и, в качестве телескопных, рассматривается особый тип слов, образующихся на синтаксической основе по модели: *определяющее/определяемое*, где *определяющее* представляет усеченную часть полнозначного слова: *immunotolérance /f/ - "Tolérance qui est immunitaire"; collosol /m/ - "Sol au sens colloidal"* [9].

Обнаруживая некоторое сходство со сложными словами, телескопные слова обладают, однако, специфическими признаками, позволяющими отграничить их от этих слов.

Анализ специальной литературы, посвященной проблеме сложного слова, показал, что сложные слова делятся на различные группы, в зависимости от структурно-функционального и логико-семантического их толкования. В настоящей работе сравнительный анализ телескопных слов проводится с *собственно сложными словами*, представляющими собой результат преобразования определенных типов синтаксических единиц в лексические путем исключения всех признаков предикативности, и не сравниваются с другими разновидностями сложных лексических единиц, создающихся на основе полнозначных слов, например, *конгломератами* - лексикализованными целыми синтаксическими конструкциями с беспредложной связью компонентов (*rendez-vous*), являющимися результатом семантического способа словообразования [10, p.9].

К собственно сложным словам в лексической системе французского языка относятся слова, характеризующиеся синтаксико-семантическими отношениями компонентов, *определятельного* и *сочинительного* типа, когда в структуре сложного слова выделяется а). сам объект обозначения */определяемое/* и его отличительный

признак /определяющее/: *acteur-auteur* /m/ - "*Acteur qui est auteur*" или б). только его отличительный признак *определяющее*, а *определяемое* остается структурно не выраженным (сложные слова - *бахуврихи*): *porte-plume* /f/ - [*celui qui*] *porte plume* [10, p.15-31].

Сходство телескопных слов со сложными словами состоит в том, что оба класса слов представляют результат преобразования исходных синтаксических единиц в лексические. Как и сложные слова типа: *ballon-zonde* /m/ - "*Ballon qui sert de zonde*", телескопные слова образуются на синтаксической основе:

carburéacteur /m/ - "*Réacteur qui utilise le carburant*" - *carburant* + *réacteur*
Однако формирование структуры сложного слова *определяющего типа* происходит с полным сохранением основ знаменательных слов исходной синтаксической конструкции, а также поступательного порядка следования ее компонентов: *определяемое/определяющее*: *oiseau-mouche* /m/ - "*Oiseau qui est mouche*"

Специфика телескопии, как способа словообразования, состоит в том, что образование телескопного слова представляет собой сложный механизм одновременного процесса *слияния*, *усечения* одного или двух компонентов синтаксической единицы и *изменения порядка следования*, связанных определительным отношением, компонентов: *capacitance* /f/ - "*Réactance qui est capacitive*" - *capacitive* + *réactance* /f/. В структуре морфологически целостной единице *определяемое* и *определяющее* меняются местами (*определяющее / определяемое*), а наличие синтаксической связи между компонентами телескопных образований, например, типа *gélule* /f/ и *héligare* /f/, в отличие от сложных слов, оказывается скрытым, что в формальном плане сближает их с другими типами слов, например, аффиксальными производными и сложносокращенными словами. Однако, следует отметить, что, несмотря на внешнее сходство со словом *capsule* /f/, слово *gélule* /f/ является не суффиксальным производным, а телескопным словом, так как - *ule* представляет собой не суффикс, а усеченную часть полнозначного слова *capsule*: *gélule* /f/ - "*Capsule allongée en matière gélatineuse qui contient un médicament*" - *gélatineuse*+*capsule*. Слово *héligare* /f/, имея внешнее сходство со сложносокращенной лексической единицей, так же является телескопным образованием: *héligare* /f/ - "*Gare qui est destinée aux passagers d`hélicoptères*"- *hélicoptères*+*gare*. Именно процесс *слияния*, одновременный с процессом *сокращения* компонентов исходной синтаксической единицы в процессе номинации, раскрывает, на наш взгляд, сущность телескопии и природу телескопного слова, в отличие от словообразовательной структуры не только аффиксальных и сложных слов, но и

сложносокращенных единиц, в которых *сокращение*, вызванное необходимостью передачи сложного понятия в минимально краткой форме, представляет процесс вторичный: Argénie - **Arrondissement du génie**.

Кроме того, телескопию неправомерно, на наш взгляд, считать не только способом словосложения или его разновидностью [11], но и тематическим способом *основосложения*, характерным для процесса создания лексических единиц с помощью, заимствованных из древних языков, греко-латинских корневых элементов. Речь идет о словах - *рекомпозидах* типа: *télégramme* /m/. *Телескопное слово autogramme* /m/ не является словом-рекомпозитом. Оно образуется телескопическим способом на основе двух полнозначных лексических единиц *automobiliste* и *télégramme*, в результате преобразования синтаксического сочетания в лексическую: *autogramme* /m/ - "*Télégramme envoyé à des automobilistes en déplacement et affiché sur des tableaux, près de certains postes d'essence*".

Следует отметить, что телескопные слова по своей функциональной природе - это лексические единицы или выделяющие обозначаемое из класса предметов /явлений/, или включающие его в класс однородных предметов /явлений/. Связь обозначаемого с данным классом предметов или явлений /классифицирующая функция/ выполняет второй структурный компонент телескопного слова - *определяемое*: "*varistance* /f/ - "*Résistance* (d'un élément semi-conducteur) qui est *variable*"- *variable* + *résistance*. Безусловно, грамматическое оформление категории рода телескопного слова происходит по второму структурному компоненту (*определяемое*): *électrovanne* /f/) - "*Vanne commandée par un électro-aimant*" - *électro-aimant*/m/+*vanne*/f/; *avisurface* /f/ - "*Surface* qui est pour *avions*"- *avion*/m/ + *surface*/f/; *dentonium* /m/ - "*Ammonium* qui est pour les *dents*"- *dent* /f/ + *ammonium* /m/. Особенностью, например, сложных слов-бахуврихи является то, что, несмотря на отсутствие выраженности в структуре слова обозначаемого, они всегда приобретают грамматическое оформление мужского рода: [Celui qui] *brise* (**la**) *glace* - *brise-glace* /m/.

Устойчивое место определяемого в конечной позиции в процессе одновременного слияния и сокращения хотя бы одного из компонентов телескопного слова способствуют распространению модели. В процессе номинации создаются многочисленные, семантически связанные, слова-термины, выражающие разновидности того или иного обозначаемого предмета /явления, процесса/: *solistor* /m/ - "*Transistor* qui utilise comme source d'énergie *le soleil*", *photistor* /m/ - "*Transistor* qui a l'effet *photo-électrique*",

naphtamide /m/ - "Amide qui est de l'acide *naphténique*",

lactamide /m/ - "Amide qui est de l'acide *lactique*"

Выводы. Анализ работ, посвященных проблеме телескопии в языкознании, показал, что предлагаемые авторами критерии выделения структурных типов телескопных слов, основанные, главным образом, на одностороннем /формально-описательном/ изучении этих единиц, не дают возможности раскрыть лингвистическую сущность телескопных образований.

Основное сходство телескопных и сложных слов состоит в том, что оба класса слов создаются на базе полнозначных слов в результате преобразования синтаксического сочетания в морфологическую структуру. Однако от сложных слов телескопные единицы отличаются тем, что сложное содержание телескопного слова передается в монолитной структуре, в которой синтаксическое отношение (предикативность) полностью скрыто. В отличие от сложных слов, являющихся результатом синтаксико-семантического способа словообразования [12], телескопные слова представляют результат синтаксико-морфологического способа словообразования.

Сравнение телескопных слов со сложными словами со стороны их структурно-семантических и функциональных характеристик показывает, что телескопные слова обладают рядом специфических признаков, которые позволяют отграничить их как от аффиксальных единиц, сложносокращенных слов, так и от собственно сложных слов. Благодаря наличию этих специфических признаков, телескопию неправомерно рассматривать в качестве разновидности словосложения, но следует полноправно считать самостоятельным способом словообразования в современном французском языке.

Список литературы

1. Скоробогатова Т. И., Суралева О.Ю. Об истории изучения телескопных образований и определении их статуса в современном французском языке // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 4. - С.100-103.
2. Гавришина И.Н., Яковлева Н.В. Телескопные термины во французском языке: типология моделей образования и способы перевода // Филологические науки: МГИМО. 2019. № 17. - С.5-12.
3. Сухова Е. А. Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы) [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-vidov-leksicheskoi-kompressii-v-istorii-funktsionalnykh-stilei-frantsuzskogo-yaz> (дата обращения: 30.05.2018).
4. Баженова Т. М. Телескопия как один из способов словообразования современного французского языка. Лингвистическая природа телескопии //

- Проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. 2012. № 9. - С.12-27.
5. Ярмашевич М.А. Телескопия как модель осложнённого усечения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. Вып. №3 (35).- С.71-88. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teleskopiya-kak-model-oslozhnennogo-usecheniya> (Дата доступа 23 апреля 2018 г.).
  6. Кузнецова И.Н. Паронимическая неология во французском языке [Электронный ресурс]URL:http://www.philol.msu.ru/~fraphil/bibliothequeenligne/kouznetsova.i.n._paronimicheskaya2008.pdf (Дата обращения: 11.06.2018).
  7. Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета // Филология. Серия III. 2010. № 4 (22). - С.132-142.
  8. Шевелева А.Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб. 2003. -17 с.
  9. Ан Е.Д. Словообразовательная природа телескопных слов и аббревиатур в современном французском языке // Научный альманах. 2020. № 12-2(74). - С.190-194.
  10. Benveniste E. Fondements syntaxiques de la composition nominale. In: Bulletin de la société de linguistique de Paris, 1968. P.15-31.
  11. Maurice Grevisse. Le Bon usage - reference de grammaire française (French Edition). 2017.-1600 p.
  12. Zwanenbourg W. La classification des mots composés en français moderne. Lingua, 2 (25), 1970. P.128-141.

Список источников

13. Французско-русский химико-технический словарь. Под ред. Д.М. Сандомирского. М.: Сов.энциклопедия. 1969.- 736 с.
14. Энциклопедия Larousse в электронной версии. Электронный адрес издательства: Larousse: <http://www.larousse.fr/>.21.05.2008.
15. Gilbert P. Dictionnaire des mots contemporains. Paris-Hachette, 1971.- 572 p.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'44

Компоненты ситуации движения с участием глаголов движения в английском языке

Кривенко Ольга Александровна

Ассистент кафедры зарубежной филологии
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», РФ, г. Магадан
northmagadansevere491@yandex.ru

Components of a Motion event with motion verbs in the English language

Krivenko Olga Aleksandrovna

Assistant of the Department of Foreign Philology, North-Eastern State University
RF, Magadan

Аннотация. В статье рассматривается характеристика английских глаголов движения с позиций типологии моделей лексикализации семантических компонентов События движения в английском языке. Отмечается трактовка семантических компонентов События движения, выделенная разными исследователями. Отмечается роль сателлитов как специальных лексем, приносящих новое значение движения в определенном направлении, рассматриваются некоторые специфические особенности глаголов движения на уровне сем, анализируется семантика глаголов движения в зависимости от разных языковых ситуаций.

Ключевые слова. Событие движения, глаголы движения, сателлиты, компоненты События движения, направленность движения, пространственное движение.

Abstract. The article examines the characteristics of English motion verbs from the standpoint of the typology of models of lexicalization of motion event`s semantic components in the English language. The author notes the interpretation of the semantic components of the motion events, highlighted by various researchers. The role of satellites as special lexemes that bring a new meaning of movement in a certain direction is noted, some specific features of the verbs of movement at the level of semes are considered and semantics of motion verbs is analyzed depending on different linguistic situations.

Keywords. Motion event, motion verbs, satellites, motion event components, motion direction, spatial motion.

Лексико-семантическая группа глаголов движения представлена во всех языках, так как движение является универсальной категорией, соответственно глаголы движения, вне всякого сомнения, входят в ядро системы языковых средств, обозначающих пространственные отношения, и принадлежат к числу наиболее значимых лексических единиц любого естественного языка.

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к исследованию языков глаголов движения в английском языке, что позволяет установить особенные,

уникальные свойства, характерные только для данного языка. За рубежом было опубликовано множество работ по лингвистике, посвященных исследованию лексико-семантической группы глаголов движения в английском языке и принадлежащих таким авторам, как Б. Левин, У. Чейф, В. Кук, Р. Лонгакр, З. Вендлер, Ч. Филлмор, Г. Миллер, Ф. Джонсон-Лэрд, М. Мёрфи, У. Фолей, К. Тенни, К. Киппер, С. Стивенсон, Л. Талми и др. Ученые описывают черты семантики глаголов движения в английском языке, рассматривают характеристику английских глаголов движения с позиций типологии моделей лексикализации семантических компонентов События движения в английском языке.

Так, например, Леонард Талми, занимаясь изучением семантической типологии языков и универсалиями, исследуя когнитивную семантику в общем и семантику движения в частности, рассматривает модели лексикализации семантических компонентов События движения.

Рассмотрим определение События движения согласно интерпретации Л. Талми. Основная разновидность События движения состоит из четырех базовых внутрисобытийных компонентов: *Фигура (the Figure)* – объект, перемещающийся или локализованный относительно другого объекта – опорного объекта, или Фона. *Фон (the Ground)* – опорный объект, относительно которого осуществляется перемещение или определяется местонахождение объекта, названного Фигурой. *Путь (the Path)*, или Маршрут – маршрут, по которому перемещается Фигура, или местонахождение Фигуры относительно Фона. Следует отметить, что понятие Фигуры и Фона были взяты из гештальт-психологии, Л. Талми в дал четкую интерпретацию данным понятиям. Еще одна составляющая – *Движение (Motion)* – компонент, характеризующий наличие в Событии собственно движения или статической локализации. Помимо внутренних компонентов, Событие движения может быть связано с внешним сопутствующим событием (an external Co-event), которое выступает чаще всего в качестве Способа (Манеры) или Причины по отношению к Событию движения [7, с. 25–27]. В качестве примера Л. Талми приводит следующие предложения:

	Manner	Cause
Motion	The pencil rolled off the table – <i>Карандаш скатился по стола.</i>	The pencil blew off the table - <i>Карандаш улетел со стола.</i>
Location	The pencil lay on the table – <i>Карандаш лежал на столе.</i>	The pencil stuck on the table (after I glued it) - <i>Карандаш застрял на столе (после того, как я его приклеил).</i>

Во всех четырех предложениях «карандаш» играет роль Фигуры, а «стол» – Фона. «Off» и «on» выражают Пути (соответственно путь и место). Глаголы в верхних строчках выражают движение, а глаголы в нижних – местоположение. В дополнение к этим состояниям движения, Способ движения передается в «rolled» и «lay», тогда как Причина – в «blew» и «stuck» [7, с. 26].

М. Мёрфи также рассматривает семантические компоненты События движения и называет следующие его составные элементы:

Фигура (Figure) – тот предмет, местоположение которого подлежит обсуждению. *Фон (Ground)* – (другое название Landmark – ориентир) – то, относительно чего распознается место/движение фигуры. *Позиция (Position)* – (конечная) локация Фигуры по отношению к Фону. *Способ (Manner)* – то, как Фигура двигается/располагается. *Путь (Path)* – направление перемещения Фигуры по отношению к Фону. Так, в предложении *Sheryl went into town on foot* – *Шерил пошла в город пешком*, глаголом движения является *go* – *ходить*, фигурой является *Sheryl* – *Шерил*, фоном выступает *town* – *город*, путь – *to*, позиция – *in* (в), манера – *on foot* *пешком*. В данном предложении глагол *go* подразумевает использование дополнительной информации, которая поможет идентифицировать саму ситуацию движения [5, с. 180]. В отличие от этого употребления глагола *go*, глагол *leave* – *уходить* в предложении *Wilma left* – *Вилма ушла*, включает в себе большую часть компонентов События движения. Что касается Фона, упоминание места, откуда Вилма ушла не является излишним, например *Wilma left a place* – *Вилма покинула место*. Но излишним является сказать, что путь был от точки, как в предложении *Wilma left from a place* – *Вилма ушла от места*. Информация о Пути заключена в самом глаголе *leave*. Однако в нем не содержится упоминания о том, как именно кто-

то ушел, поэтому можно предположить, что в данном предложении *leave* не подразумевает *Способ* движения [5, с. 181-182].

Вслед за Л.Талми, М. Мёрфи называет *Способ* сопутствующим событием (*an external Co-event*) по отношению к Событию движения, но не каждое Событие движения может иметь *Способ*. Так, например, в предложении *Sheryl went into town on foot* – Шерил пошла в город пешком, «*being-on-foot*» является *Способом* движения [5, с. 182].

В типологических исследованиях, по мнению Л. Талми, можно использовать две перспективы: «в первом случае можно принимать за основу конкретный формально-поверхностный элемент (например, глагольный корень или элементы, располагающиеся за пределами глагольного корня) и рассматривать то, какие те или иные семантические элементы выражает данный формально-поверхностный элемент, либо за основу принимать конкретный семантический элемент (например, Маршрут или *Способ* перемещения) и рассматривать то, какими теми или иными конкретными формальными (морфосинтаксическими) средствами выражается данный семантический компонент [7, с. 22]».

Согласно второй перспективе за основу принимается семантический компонент Маршрут и предлагается типология, имеющая бинарный характер. Языки разделяются на языки «глагольного типа (*verb-framed*)» и языки «сателлитного типа (*satellite-framed*)» – русские эквиваленты терминов Л. Талми предложены Т. А. Майсаком [1, с. 105–106].

Л. Талми определяет сателлит как неизменную грамматическую составляющую, которая относится к глаголу, т.е. любой тип глагольного модификатора кроме флексий, вспомогательных глаголов и именных аргументов [7, с. 102].

«Языки глагольного типа отображают Маршрут в глагольном корне (романские, семитские, японский и др.), а языки сателлитного типа отображают Маршрут в сателлитах (большинство индоевропейских языков, финно-угорские и др.). По сути, в соответствии с первой типологической перспективой языки глагольного типа соответствуют языкам, в которых глагольный корень выражает семантические компоненты Движение + Маршрут, а языки сателлитного типа – языкам, в которых корень выражает Движение + *Способ* [7, с. 105–106]».

Согласно классификации Л. Талми русский и английский языки входят в число «языков сателлитного типа». По определению автора, языками сателлитного типа являются те, «в которых траектория перемещения выражается в сателлитах (большая

часть индоевропейских, русский, финноугорские, валбири, китайский и т.д.) [7, с. 92]».

В целом, «предложения с компонентами движения – это предложения, описывающие движение передвигающегося по траектории относительно земли (источника, цели или другой точки отсчета). Языки мира делятся на две большие категории в отношении предложений движения: они либо кодируют путь в глаголе, как хинди, турецкий, японский и романские языки, либо они кодируют его вне самого глагола, как в германских и славянских языках [9, с. 225]».

Л. Талми утверждает, что «сателлиты связаны с глагольным корнем в качестве модификаторов и глагольный корень вместе с сателлитами образует «глагольный комплекс» (verb complex) [7, с. 102]». Сателлиты разделяют на несколько видов, основываясь на том, какой семантический материал в них отражен (путь; путь+фон; фигура/фон; способ; причина и др.).

Немецкий исследователь А. Стефанович замечает, что «при описании События движения, английский язык обычно называют «сателлитным», где путь движения кодируется в некоторой составляющей вне корня глагола, в то время как корень глагола кодирует либо само движение (идти, двигаться) или какой-либо аспект способа движения (ходить, плавать, ездить на велосипеде и т. д.)». Хотя это доминирующий паттерн выражения Событий движения, английский также имеет значительное количество глаголов, которые выражают путь (часто заимствованных из романских языков, таких как enter, ascend, входить, восходить и т. д.), в таких глаголах Путь уже содержится в корне глагола [9, с. 223].

В английском языке – сателлитного типа – направление движения может отражаться непосредственно в сателлитах (модификаторах, постпозитивных адвербиальных частицах, глагольных префиксах), сателлиты могут указывать на движение, являясь специальными лексемами, обозначающими направление, выраженные в английском языке лексико-семантическим способом.

Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд в своих работах рассматривают разные темы в рамках изучения когнитивной лингвистики, например, тезис о первичности пространственных отношений для человеческой когниции; интерпретацию способов языкового выражения темпоральных, причинно-следственных и других отношений через значение соответствующих локативных конструкций; восприятие движения в качестве источника формирования у ребенка представлений о пространстве и времени и пр. Так, Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд утверждают, что организующая роль понятий пространства, времени и причины отчетливо проявляется в структуре

семантических полей глаголов, о чем свидетельствует анализ четырех глагольных полей: глаголов движения (*motion*), глаголов обладания (*possession*), глаголов зрительного восприятия (*vision*) и глаголов речевого общения и сообщения (*communication*) [10, с. 526]. В целом, свое обращение к анализу глагольной лексики авторы мотивируют стремлением как можно шире охватить те лексические ресурсы английского языка, которые составляют его костяк, являются наиболее частотными в повседневной речи и выражают важные для всех носителей языка понятия.

Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лерд отмечают, что глаголы движения, представляют собой лишь часть базовых глагольных понятий и не покрывают всех важных для среднего человека аспектов мироустройства, отраженных в его картине мира [11, с. 667-674].

По мнению К. Тенни, некоторые глаголы направленного действия, выделенные Б. Левин, такие как *arrive* – прибывать, *come* – приходиться или *depart* – отправляться, описывают ограниченные временные события, предположительно благодаря заданному направлению, которое подразумевает ограниченное событие. По мнению автора, сема «направление» указывает на направление движения к конечной точке движения, которой соответствует Фон [8, с. 69].

М. Раппапорт Ховав определяет глаголы по шкалам, к которым они относятся. Глаголы направленного движения английского языка (например, *enter*, *exit*, *cross* – входить, выходить, переходить) содержат в себе «шкалу пути» («*Path scale*»). Шкала пути, к которой относятся глаголы направленного движения, лексикализируются только определенными глаголами. Если глагол обозначает движение к определенной точке, Б. Левин и М. Раппапорт Ховав утверждают, что эта часть речи выражает «шкалу пути». Если же нет определенного пространственного перехода, то глагол считается «*non-scalar*» «нешкальным» и шкала составляется производно (*compositionally derived*) [6, с. 91].

М. Раппапорт Ховав и Б. Левин отмечают особенности некоторых глаголов движения и выражения ими направления. По мнению авторов, глаголы «*cross*» и «*traverse*» лексически определяют движения по пути, заданном определенной осью, направление движения по этому пути лексически не выражено и, следовательно, они не упорядочивают точки в этом пути. Например, глагол «*cross*» одинаково применим в случае с пересечением английского канала из Англии во Францию или из Франции в Англию, сам глагол может сочетаться с движением в оба направления. Таким образом, данные глаголы выражают ненаправленное изменение в определенном измерении [6, с. 194].

Глаголы движения – большой и важный лексико-семантический класс, согласно классификации Б. Левин, он включает в себя глаголы направленного движения *inherently directed motion* (например, *arrive* – прибывать, *come* – приходить, *go* – идти) и подкласс глаголов способа движения *manner of motion* (например, *jump* – прыгать, *run* – бегать, *trot* – идти рысью, *skip* – скакать) [4, с. 57].

Некоторые глаголы способа движения не всегда означают перемещение (например, бегать на месте). Однако, глагол движения *run* – бегать и глаголы «оформления звука» *whistle* – свистеть, более похожи друг на друга, чем глаголы «*run*» – бегать and «*come*» – приходить, хотя оба являются глаголами движения. Глаголы «*run*» и «*whistle*» проявляют похожее распространительное значение: оба могут быть использованы в качестве глаголов направленного движения при наличии устойчивых выражений с предлогами направления (*The bullet whistled through the window* – Пуля пронеслась через окно, *The man ran into the room* – Человек вбежал в комнату), «*whistle*» содержит в себе компонент движения, который лексикализируется с помощью предлога направления «*through*» – через [6, с. 15].

Такое понятие, как *направленность* движения, применяется Р. Лангакером не только по отношению к предложениям, описывающим движение, но и к случаям отражения статичных конфигураций, например:

«*The hill falls gently to the bank of the river*» (Холм плавно спускается к реке) и «*The hill rises gently from the bank of the river*» (Холм плавно поднимается от берега реки) [2, с. 80];

По мнению Р. Лангакера, разница в этих двух предложениях заключается в направлении мысленного сканирования. Концептуализатор, выстраивая полную концепцию профессиональных отношений, конструирует образ холма, прокладывая мысленный путь вдоль него в восходящем или нисходящем направлении. Однако направление сканирования определяется не порядком, в котором слова встречаются, а скорее их значениями: «подъем» вызывает мысленное сканирование вверх, а «спуск» – сканирования вниз. Автор отмечает, что «подъем» и «спуск», основные смыслы которых относятся к пространственному движению, используются здесь для описания ситуации, которая объективно полностью статична. Хотя движение действительно присутствует, оно субъективно истолковано. В случае объективно сконструированного движения (например, *It fell* – Оно упало) объект движется по пространственной траектории через задуманное время. В отличие от этого движущая сила в первых двух примерах – отстраненный концептуализатор, который

прослеживает мысленный путь в пространстве через время. Мысленное сканирование не ограничено пространством [2, с. 82].

По мнению Р. Лангакера, противопоставление субъективного и объективного восприятия ситуации отражает асимметрию между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом. Максимальная объективность достигается тогда, когда объект имеет четкие границы, отделен от наблюдателя и полностью расположен в поле его зрения, а наблюдатель, сам того не осознавая, всецело поглощен наблюдением. Максимальная субъективность, наоборот, связана с введением наблюдателя внутрь ситуации вплоть до отождествления его с объектом наблюдения. Большая же часть случаев располагается на шкале между этими двумя крайними точками [3, с. 316-317].

Рассмотрим некоторые предложения, приведенные автором, чтобы отметить, как показывает разницу между объективным и субъективным конструированием ситуации говорящим:

«*Vanessa jumped across the table*» (Ванесса перепрыгнула через стол) и «*Vanessa is sitting across the table from Veronica*» (Ванесса сидит за столом напротив Вероники) [3, с. 325];

В предложении «Ванесса перепрыгнула через стол», «через» обозначает сложную вневременную связь, то есть последовательность локативных конфигураций, в которых задействованы одни и те же траектория и ориентир. Траектория занимает непрерывную серию положений относительно неподвижного ориентира, таким образом, определяя путь, ведущий от одной стороны ориентира к другой. Профилируемые отношения лежат полностью вдоль *объективной оси*. Роль говорящего / слушающего максимально субъективна, ограничиваясь ролью концептуализатора в конструктивном отношении [3, с. 326].

В предложении «Ванесса сидит за столом напротив Вероники», «*across*» указывает, что траектория лежит на противоположной стороне ориентира от контрольной точки, которая ассоциируется с Вероникой. Использование «*from*» указывает на то, что Вероника задумывается как начало пути, конечной точкой которого явно является траектор; физическое движение по этому пути приведет от местоположения Вероники к Ванессе. Единственное «движение» по этому пути является *субъективным*, поскольку концептуализатор мысленно отслеживает его, чтобы определить местонахождение траектории относительно контрольной точки. Это мысленное сканирование является проявлением перестроенных отношений

вдоль субъективной оси. Автор также отмечает, что оно субъективно, потому что возникает только как часть процесса концептуализации [3, с. 327].

«*We strolled past the pet shop*» (Мы прошли мимо зоомагазина) и «*The camera store is well past the pet shop*» (Магазин, где продают фотоаппараты, находится за зоомагазином).

В первом предложении пространственное движение объективно истолковано, направление задано соответственно.

Во втором предложении пространственное движение заменяется субъективным движением (то есть мысленным сканированием вдоль пути, ведущего от опорной точки к статическому местоположению траектории), и эта опорная точка отождествляется с землей, что субъективно истолковывается [3, с. 329].

Приведенные примеры демонстрируют возможность употребления одних и тех же локативных выражений для объективного и субъективного отражения ситуаций. Так, в первых членах рассмотренных пар предложений ситуация перемещения изображена **конкретно и объективно**; предмет мысли физически движется по конкретному пути, причем как предмет, так и его путь отделены от наблюдателя (говорящего).

В предложениях, являющихся вторыми членами пар, речь идет не о перемещении, **а о положении в пространстве неких объектов** – (Ванессы и магазина соответственно), которое конструируется говорящим как осуществляемое им самим **мысленное передвижение по абстрактной траектории**. Говорящий помещает себя в начальную точку траектории и мысленно проходит весь путь как последовательность определенных точек или стадий.

В процессе анализа семантики английских глаголов движения были рассмотрены некоторые специфические особенности глаголов движения на уровне сем. Проведенный обзор литературы позволил отметить, что семантика глаголов движения по-разному проявляется в зависимости от языковой ситуации, где есть глагол, например, направление относительно Фона, может изменяться в зависимости от взаимоотношений всех компонентов ситуации направленного движения, включая говорящего.

В целом следует отметить, что описание компонентов ситуации движения и многоплановость пространства по-разному концептуализируется в сознании носителей английского языка и тем самым формирует определенную самобытную картину мира.

Список литературы

1. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т.А. Майсак. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 С.
2. Langacker R.W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction / R.W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 573 p.
3. Langacker R.W. Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar / R.W. Langacker. – Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 406 p.
4. Levin B. English verb classes and alternations: a preliminary investigation / B. Levin. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1993. – 366 p.
5. Murphy M.L. Lexical Meaning / M.L. Murphy. – Cambridge [et al.]: Cambridge University Press, 2010. – 276 p.
6. Rappaport Hovav, Malka & Beth Levin. 1998. Building verb meanings. In Miriam Butt & Wilhelm Geuder (eds.), The projection of arguments: Lexical and syntactic constraints, 97–134. Stanford, CA: CSLI Publications.
7. Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 2. Typology and process in conceptstructuring / L. Talmy. – Cambridge [et al.]: The MIT Press, 2000. – 504 p.
8. Tenny C. How motion verbs are special: The interaction of semantic and pragmatic information in aspectual verb meanings / C. Tenny. – Pragmatics & Cognition. – 1995. – Vol. 3 (1). – PP. 31–73.
9. Variation and Change in the Encoding of Motion Events / ed.: J. Goschler, A. Stefanowitsch. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2013. – 262 p.
10. Internet   Archive: website.   –   URL:
https://archive.org/details/languagepercepti00mill/mode/2up?q=refine (accessed:
15.05.2021)
11. Internet   Archive: website.   –   URL:
https://archive.org/details/languagepercepti00mill/mode/3up?q=refine (accessed:
15.05.2021)

УДК 372.881.111.1

Интерактивные и активные формы обучения на уроке иностранного языка в высшей школе

Пешкова Дарья Юрьевна

Старший преподаватель кафедры романо-германских языков и перевода
ЕГУ им. И.А. Бунина
Daryanewreality@yandex.ru

Interactive and Active Forms of Teaching in a Foreign Language Lesson in Higher Education

Peshkova Darya Yuryevna

Senior Lecturer of the department of Roman and Germanic languages and translation
Bunin Yelets State University

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос использования интерактивных и активных форм обучения. Автор перечисляет психолого-педагогические условия, необходимые для проведения занятий в интерактивном режиме. В статье представлены основные правила организации и стадии интерактивного обучения. Особое внимание уделено таким интерактивным формам работы на уроке иностранного языка как четыре угла, перекрестная ассоциация, аквариум, аллитерация, рефлексия по кругу, алфавит, метаплан, мастерская будущего, ключевое слово, закончи предложение.

Ключевые слова: активные формы обучения, интерактивные формы обучения, четыре угла, перекрестная ассоциация, аквариум, аллитерация, рефлексия по кругу

Abstract. The use of interactive and active forms of learning is discussed in the article. The psychological and pedagogical conditions necessary for conducting classes in an interactive mode are mentioned. The article presents the basic rules for the organization and stages of interactive learning. Particular attention is paid to such interactive forms of work in a foreign language lesson as four corners, cross association, aquarium, alliteration, reflection in a circle, alphabet, metaplan, workshop of the future, keyword, finish a sentence.

Key words: active learning, interactive learning, four corners, cross association, aquarium, alliteration, reflection in a circle

Выпускник, освоивший программу бакалавриата по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», должен быть способен выявлять и формировать культурные потребности различных социальных групп (ПК-13), разрабатывать и реализовывать культурно-просветительские программы (ПК-14) [13]. Кроме того, одной из задач, поставленных «концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года», является формирование готовности обучающихся к творческой деятельности, сотрудничеству, а также навыка самостоятельной деятельности. Для достижения поставленных задач

рекомендуемыми формами организации учебной деятельности на уроке иностранного языка являются парная, групповая, коллективная работа, которые позволяют уделить больше времени речевой тренировке обучающихся за счет параллельной работы нескольких групп, способствуют овладению умениями согласованного взаимодействия с речевыми партнерами, вовлекают в активный учебный процесс.

Несмотря на использование межкультурного, личностно-ориентированного и коммуникативного подходов, можно констатировать недостаточное использование в педагогической практике современных технологий развивающего обучения, таких как метод проектов, технологию обучения в сотрудничестве, метод кейса, ролевые, деловые игры, дебаты и т.д. Кроме того, отечественная педагогическая литература не дает исчерпывающего определения и классификации интерактивного обучения, которое детерминируется как «активное социально-психологическое обучение» [7, с. 92].

Анализ научной литературы позволил обобщить понятие «интерактивное обучение» («inter» - это взаимный, «act» - действовать) и дать следующее определение: обучение, основанное на психологии человеческих взаимоотношений и взаимодействии преподавателя и студентов. способности решать проблемы, максимально приближенные к профессиональным задачам. В ходе совместной деятельности обучающиеся получают бесценный опыт работы в команде, развития креативности, обыгрывания жизненных ситуаций. (С. Е. Родионова, Т. С. Панина, М. В. Кларина, Б. Ц. Бадмаев, В. К. Дьяченко) [6, с. 22], [1], [4], [11], [15].

Для активных методов обучения, берущих свои истоки от технологии совместного обучения в малых группах в рамках прагматического подхода к образованию в философии Дж. Дьюи, характерна практикоориентированность, доброжелательная атмосфера равенства и поддержки активная познавательная деятельность обучаемых, рефлексия.

Учитывая, интерактивное обучение базируется на принципе интеракционизма, согласно которому человек должен быть способным «принимать роль другого», обладать эмпатией и в соответствии с этим конструировать собственные действия; а также на теории коммуникативного подхода в отечественной и зарубежной лингводидактике (М. Вугам, Fleming, L. Harbon, A. Liddicoat, R. Moloney, W. Nieke, J. LeLoup, D. Вугам и др., И. Л. Бим, Р. П. Мильруд, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, А. А. Миролюбов, Г. А. Китайгородская, Л. Л. Супрунова, Е. И. Пассов, В. В. Сафонова, Е. Н.

Соловова, И. П. Иванов, В. Н. Карташова, Т. Б. Лаврова, Т. М. Ромашева и др.), активные методы обучения делятся на два типа:

1. Активные методы обучения, ориентированные на самостоятельную деятельность обучаемого и проблемность, включают в себя разные варианты проблемных лекций, семинары, дискуссии, дебаты и т.д.

2. Активные методы обучения (имитационные):

- неигровые методы обучения, моделирующие реальные объекты и ситуации, не предполагающие свободную игру с ролевыми функциями, включают метод анализа конкретных ситуаций; коллективную мыслительную деятельность; имитационные упражнения на нахождение известного решения;

- игровые (деловые (управленческие)) игры подразумевают ситуации инсценирования, деловые и ролевые игры, решение педагогических ситуаций и задач [17].

Помимо активных методов существуют еще и интерактивные методы обучения, которые также подразумевают взаимодействие в режиме диалога с другими учениками и с учителем, причем именно учащиеся проявляют доминирующую активность в процессе обучения. В федеральных государственных стандартах высшего профессионального образования представлены следующие виды интерактивных форм обучения:

- деловые и ролевые игры;
- групповая, научная дискуссия, диспут;
- дебаты;
- кейс-метод;
- метод проектов;
- мозговой штурм;
- портфолио;
- семинар - диалог;
- круглые столы;
- презентации на основе современных мультимедийных средств;
- интерактивные лекции, лекция пресс-конференция;
- лекция с заранее запланированными ошибками;
- проблемная лекция.

Активная технология предполагает, что студент становится субъектом обучения, который вступает в диалог с преподавателем и решает проблемные задания, что, несомненно, стимулируют его познавательную деятельность. Обычно

такая технология имеет место на семинарских (практических) занятиях, которые направлены на развитие творческого мышления обучающегося, на активизацию прослушанного на лекции учебного материала в ходе совместного обсуждения преподавателем и студентами [9], [10].

При подготовке и проведении занятий в интерактивном режиме необходимо обеспечить психолого-педагогические условия, которые будут способствовать организации интеллектуальной коллективной деятельности, ситуации успеха, сотрудничества и взаимопонимания, рефлексии [16], [18]:

1. Организационные условия: диагностика уровня подготовки учащихся и содержания учебного материала; обеспечение материально-технической базы; обеспечение психологического комфорта, создание атмосферы успеха, способствующей повышению мотивации и конструктивному межличностному диалогу.

2. Педагогические условия: постановка и осознание целей обучения педагогом и обучающимися; интегрированное использование интерактивных методов, форм и средств обучения; речевая и психологическая готовность [5, с. 99].

Основные правила организации интерактивного обучения включают в себя следующее:

- вовлечение всех участников;
- психологическая подготовка участников;
- количество обучающихся;
- соответствующее помещение для работы. Участники должны иметь возможность легко пересаживаться для работы в больших и малых группах;
- чёткое закрепление процедур и регламента;
- деление участников семинара на группы - на основе добровольности или по принципу случайного выбора [2, с. 126].

Основу обучения интерактивным методам составляют три стадии:

1. Проблемно-целевой этап, на котором обучающиеся делают прогнозы относительно содержания новой информации, объединяются в творческие группы и выбирают главные проблемы изучаемого содержания и средства, позволяющие реализовать цель;

2. Проектно-поисковый этап, базирующийся на изучении нового материала и интеграции идей. Осуществляются пути решения индивидуальных и коллективных задач, получения точного прогнозируемого результата;

3. Рефлексивный этап, подразумевающий закрепление нового материала, а также размышление над полученной информацией. Необходимо задать себе вопрос о том, насколько полно представлено решение; верна ли логическая последовательность принятого решения; оригинально ли предложенное решение [8].

Интерактивные формы работы на уроке иностранного языка:

1. *Аллитерация* - подбор слова и словосочетаний, связанных по смыслу с новым понятием. Например, "Cinema": cinema-goer, interesting films, noisy atmosphere, enjoy oneself, meaningful, amusing.

2. *Алфавит* – форма работы аналогична аллитерации, но слова подбираются на каждую букву алфавита - "character": amiable, belligerent, careful, decent, efficient, furious, gregarious, humorous, indulging, jealous.

3. *Четыре угла*. Учитель готовит 7-10 вопросов, имеющих по 4 варианта ответа. В четырех углах комнаты размещаются буквы с указанием варианта ответа на вопрос. По каждому вопросу участникам необходимо выбрать вариант ответа и, переместившись в соответствующий угол, представить свои аргументы.

4. *Перекрестная ассоциация*. Учащиеся подбирают слова-ассоциации по перекрестной ассоциации: 1 строка - одно слово, 2 строка - делится на две ассоциации, 3 строка - каждое из двух слов делится на две ассоциации (4 слова на строке), 4 строка - на основе двух крайних ассоциаций образуется одна слева, а на основе двух внутренних ассоциаций образуется одна справа (2 слова), затем на основе двух ассоциаций образуется одна (1 слово).

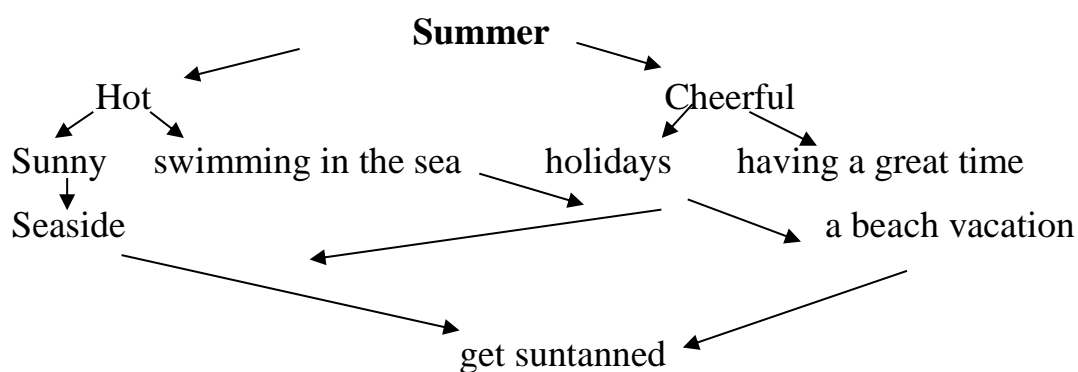

Схема 1

5. *Метаплан*. Участники в течение 3-5 минут продумывают несколько вопросов по теме, среди которых педагог выбирает три основных. Например: *What is a dress-code? When is it important to stick to it? Do you like your school uniform? Why (not)?*

Проблемы записывают на листах бумаги. Участники в течение 10 минут письменно отвечают на вопросы, а затем они по кругу знакомят всех со своими

ответами. После обобщения результатов группа распределяется на 3 микрогруппы, которые анализируют ответы и оформляют результаты на листах ватмана.

6. *Мастерская будущего.* На 2 листах бумаги в течение 5-10 минут на отдельных листах записывают плюсы и минусы обсуждаемой проблемы. В ходе обсуждения листы развешивают на разных сторонах доски, создаются две творческие группы, которые анализируют, обобщают и представляют результаты своей работы. На втором этапе группы разрабатывают модели решения обсуждаемой проблемы.

7. *Аквариум.* Педагог определяет вопросы для рассмотрения темы, выписывает их на листе ватмана. Участники распределяются на группы: эксперты, наблюдатели, действующие лица. Действующие лица высказываются по сути вопроса, заданного педагогом, в то время как экспертная группа фиксирует ответы, а затем выступает с обобщением.

8. *Ключевое слово.* Участники пишут одно слово, с которым у них ассоциируется содержание состоявшегося урока. Полученные результаты совместно со студентами кратко анализируются.

9. *Закончи предложение.* В конце урока учитель предлагает учащимся высказаться, закончив предложение: I succeeded in...; What can you praise yourself/classmates for?; It became an eye-opener for me that ... ; What tasks did you like most? What should you brush up on?

10. *Рефлексия по кругу.* Ребята по кругу высказываются одним предложением, выбирая начало фразы из рефлексивного экрана на доске: It was interesting to...; It was difficult to...; I completed the following tasks...; I understood that...; ; Now I can...; I was good/brilliant at...; I will try...; It was surprising/useful to...; I'd like... [12, с. 171-174].

Интерактивные формы работы способствуют формированию ценностно-смысловой компетенции (использование языка как средства общения), учебно-познавательной компетенции (развитие самостоятельности и творческой познавательной деятельности обучающихся, способности к саморефлексии), коммуникативной компетенции (навыки работы в коллективе, реализация себя в разных социальных ролях), информационной компетенции (навыки отбора, анализа информации [14]).

Итак, на уроке иностранного языка необходимо использовать интерактивные методы и формы работы, поскольку они позволяют адаптироваться и работать в группе; принимать на себя ответственность за деятельность группы; проявлять самостоятельность; креативность, развивать антиципацию и критическое мышление; управлять своей деятельностью и временем эффективно.

Список литературы

1. Бадмаев Б. Ц. Методика преподавания психологии: учеб.-метод. пос. для преподавателей и аспирантов вузов. - М.: Владос, 1999. - 302 с.
2. Бондарева Т. М., Парфейников С. А., Бережная Е. С., Григорян Э. Р. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. - СПб., 2015. № 2. С. 125-128.
3. Гущин Ю. В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (Dubna Psychological Journal). 2012. № 2. С. 1-18.
4. Дьяченко В. К. Сотрудничество в обучении: о коллективном способе учебной работы. М.: Просвещение, 1991. - 192 с.
5. Епифанов А. В. Психолого-педагогические условия организации интерактивного обучения иностранному языку в средней общеобразовательной школе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №76-2. С. 97-99.
6. Кларин М. В. Интерактивное обучение - инструмент освоения нового опыта // Педагогика. 2000. №7. С. 21-28.
7. Комарова И. В. Интерактивное образовательное взаимодействие подростков в процессе обучения// Вестник ОГУ. 2012. №2 (138). С. 90-96.
8. Макшеева А. И., Гузикова М. С. Интерактивные технологии обучения при реализации курса "Основы экологической культуры" // Современные проблемы науки и образования. 2015. №3. URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=20284> (дата обращения 24.03.2019).
9. Москалевич Г. Н. Технология интерактивного обучения: понятие и сущность, особенности и преимущества // Инновационные образовательные технологии. 2014. №1 (37). С. 43-48.
10. Окань Г. И. Активные методы обучения в вузе: содержание и особенности внедрения // Научный диалог. 2012. №1. С. 265-270.
11. Панина Т. С. Современные способы активизации обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2006. - 176 с.
12. Пешкова Д.Ю. Интерактивные методы организации рефлексивной деятельности на уроке иностранного языка // Филология, лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики. сборник по материалам Международной научной конференции. Елец, 2021. С. 171-174.
13. Приказ Минобрнауки России от 04.12.2015 N 1426 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата)" (Зарегистрировано в Минюсте России 11.01.2016 N 40536). URL: <http://nvsu.ru/svedenfiles/standarts/24-44.03.01.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

14. Проект научно-обоснованной концепции модернизации содержания и технологий преподавания предметной области «Иностранные языки», представленный на сайте «Модернизация содержания и технологий обучения в соответствии с новыми ФГОСами». URL: <http://www.predmetconcept.ru/subject-form/inostrannyj-jazyk> (дата обращения: 02.04.2019).
15. Родионова С. Е., Григорьева Т. В. Применение активных и интерактивных методов обучения в реализации основных образовательных программ по гуманитарным направлениям подготовки ВПО (на примере направления «Филология») // Вестник Башкирского университета. 2012. № 3 (I). С. 1594-1599.
16. Скорина М. С. Интерактивные методы обучения иностранному языку. URL: http://www.rusnauka.com/8._NPE_2007/Philologia/20441.doc.htm (дата обращения 24.03.2019).
17. Словарь современного образования. URL: <http://www.bbmc.ru/files/main/Преподавателям/Образовательные%20технологии/Словарь%20современного%20образования.pdf> (дата обращения 24.03.2019).
18. Щукин А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. М., 2008. М.: Филоматис, 2008. - 188 с.

УДК 81-119

Подходы к пространству и времени: дейксис в ранней истории лингвистических учений

Подопригора Дарья Павловна

Ассистент Кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического Университета «ЛЭТИ»
darja.spb@mail.ru

Approaches to space and time: deixis on the early stages of the linguistic studies

Podoprigora Darya Pavlovna

Assistant of the Department of Foreign Languages of Saint-Petersburg State
Electrotechnical University «LETI»

Аннотация. В статье освещается процесс развития философской мысли в отношении категорий пространства и времени, особое внимание уделяется идеям мыслителей Античности и Средневековья. В теориях философов находят отражение представления о связи языка и мышления и осмысление роли человека в формировании дейктического поля языка. Целью исследования является описание ключевых идей, предложенных философами прошлого, предопределивших становление антропоцентрического подхода в языкознании.

Ключевые слова: пространство, время, антропоцентризм, дейксис, точка отсчёта.

Abstract. The article looks into the development of philosophical ideas referring to the categories of space and time with particular attention to the theoreticians of the Antiquity and the Middle Ages. Ideas of the philosophers reflect the concepts of connection between a language and a thought and state the position of a person in the deictic field of a language. The aim of the research is to describe the key ideas suggested by the philosophers which laid the foundations for establishment of the anthropocentric approach in the linguistic study.

Key words: space, time, anthropocentrism, deixis, reference point.

Язык лежит в диапазоне человеческого восприятия, он создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлён в самой организации языка. Поэтому в своей основе лингвистика является наукой о языке в человеке и о человеке в языке [2, с. 13-15]. Такова одна из формулировок антропоцентрического принципа в языкознании.

Антропоцентрический принцип организации языка находит отражение в многоплановом явлении под названием дейксис, что в переводе с греческого языка означает «указание». «Дейксис представляет собой один из древнейших и наиболее фундаментальных механизмов человеческого языка» [17].

Дейксис – это «значение и функция указания, соотнесения с лицами, предметами или событиями, находящимися в том или ином отношении к говорящему

лицу или моменту речи» [3, с. 368]. Говорящий выступает в качестве ориентира, по отношению к которому оцениваются пространственные или временные дистанции, он играет роль центра, некоего «фокуса» [1, с. 174].

Как дейксис определяется сама система ориентирования, а координаты лица, места, времени определяются как дейктические параметры. Дейктические единицы могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, его месту и времени. В непосредственном общении временные и пространственные координаты уточняются невербальными средствами [11, с. 93].

Дейксис является универсальным свойством языка, но виды и способы выражения дейксиса в различных языках варьируются [8, с. 128]. Обычно различается три основных вида дейксиса:

- предметный (частный случай – персональный, или личный, дейксис),
- пространственный,
- временной [18].

Носителями дейктической функции могут быть лексические единицы и грамматические категории [8]. Центральные языковые единицы, соответствующие указанным трём типам дейксиса – это, соответственно, местоимения первого и второго лица, локативные и временные выражения [17].

Наряду с фундаментальным, первичным типом дейксиса существуют, по крайней мере, три различных явления, которые производны по отношению к первичному дейксису и относительно самостоятельны от него: вторичный дейксис, анафора и текстовый дейксис [17].

Особенности соотносённости языка с моментом и ситуацией создания речевого произведения - явление воплощения языка в речи – составляли предмет размышлений не только лингвистов, но и психологов, философов. Представляется неслучайным то, что некоторые исследователи, обращающиеся к данному вопросу, являются представителями этих взаимосвязанных сфер. Хотя научные работы, посвящённые изучению дейксиса в современном понимании, возникли преимущественно в Новое и Новейшее время, идеи, связанные с интересующим нас понятием, получали теоретическое развитие и ранее. В работах исследователей эти идеи отражают представления о взаимосвязи языка и мышления, о роли ситуации при организации речевого произведения, об отражении в речи осознания человеком самого себя, о выборе ориентиров и точек отсчёта, относительно которых происходит исчисление и передача пространственных и временных координат.

В Древней Греции проблемы языкознания занимали видное место в рассуждениях философов. Наиболее важной в то время была дискуссия об отношении между мыслью и словом, между вещами и их именами. При этом, споря о сущности именования, античные философы исходили из противопоставления совершенной природы несовершенному человеческому обычаю, закону, установлению, которому свойственны условность и случайность [5, с. 33].

Древнегреческий философ Аристотель (384 – 322 гг. до н.э.) рассматривает грамматические вопросы в тесной связи с логикой. Аристотель даёт логическое объяснение частям речи как субъекту и предикату суждения [14, с. 22]. Основными частями речи, по мнению философа, являются имя и глагол. Имя – это «составной, имеющий самостоятельное значение, без оттенка времени, звук, часть которого не имеет никакого самостоятельного значения сама по себе». Глагол, как отмечает Аристотель, имеет «оттенок времени», своеобразное «добавочное значение», что и отличает его от имени [7, с. 14].

Категории времени Аристотель уделяет значительное внимание. Прежде всего, философ сопоставляет категорию времени с другими категориями бытия. Наряду с этим Аристотель подчеркивает, что единичные предметы достаточно полно проявляют своё единство, когда они совпадают, по крайней мере, в трёх значениях: «что», «в чём» и «когда» совершается. «Что» связано с обнаружением единства качеств, «в чём» – раскрывает место и состояние бытия единичных предметов, «когда» – схватывает единство бытия во времени [16].

Вместо категории пространства Аристотель вводит категорию «место». Место – это внешняя граница тела, определяемая соседствующими телами. Таким образом, пространственные и временные характеристики Аристотель рассматривает через призму взаимных отношений материальных тел и процессов. Аристотеля интересует и отношение времени к душе, в работе «Физика» философ задаётся вопросом: «Почему нам кажется, что во всём существует время?..» [16].

Особое внимание при анализе категории времени Аристотель уделяет понятию «теперь». Аристотель пишет: «... Во времени ничего нельзя ухватить помимо теперь». Единственным средством «сохранения» такого ускользающего объекта, каким является «теперь», может быть только память прошлого и начало будущего. Но сохранённые в памяти переживания человек может сделать достоянием других людей только с помощью языка [16]. К языку Аристотель относился как к отдельному предмету исследования и заложил основы системного изучения языка [14, с. 22].

Большой вклад в изучение языка после Аристотеля внесла философская школа стоиков. Стоики продвинули вперёд познание грамматических категорий и дали наименование многим грамматическим явлениям. Стоики различали пять частей речи: глагол, союз-связку, член (артикл и местоимение) и как самостоятельные части речи имя собственное и имя нарицательное.

Собственно грамматическим периодом греческого языкознания называют эллинистическую (греко-восточную) эпоху (334-31 гг. до н. э.) [7, с. 15]. При определении частей речи наряду с синтаксической ролью, морфологическим критерием, учитывается их семантика. Так, древнегреческий философ Аристарх установил восемь частей речи: имя, глагол, причастие, артикл, местоимение, предлог, наречие, союз. Ученик Аристарха Дионисий Фракийский, около 100 г. до н.э. написавший первую систематическую греческую грамматику для римлян, при описании категорий глагола (которых он выделяет восемь) приводит развёрнутые пояснения, в частности категории лица: первое лицо – от кого речь, второе – к кому речь, третье – о ком речь. В труде Дионисия Фракийского определение получает и местоимение: «Местоимение – это слово, употребляемое вместо имени, показывающее определённые лица» [7, с. 17].

Грамматическая наука древних греков была перенесена к римлянам, на грамматику которых в значительной степени опиралось языкознание всего позднейшего времени - вплоть до XIX века [12, с. 12].

Учёные Античности решали вопросы, связанные с языком, в переплетении с философскими представлениями. Они заложили прочный фундамент для дальнейшего развития и оформления языкознания как самостоятельной науки. При этом подход античных учёных к языку с философской позиции, как к одному из проявлений человеческой природы, имеет важное значение в попытке определения его сущности.

Мыслители Средневековья (V-XIV вв.) предложили ряд оригинальных концепций, которые созвучны современной философии языка [14, с. 28]. Развитие лингвистической мысли в Средние века было теснейшим образом связано с христианским вероучением. При этом в центре мировоззрения оказывался «принцип личности, общества, истории, или сотворения космоса сверх-космической личностью» [9, с. 62]. Отцы Церкви Василий Великий, Григорий Нисский, Блаженный Августин, Иоанн Дамаскин и другие христианские мыслители считали язык отличительным признаком человека как разумного существа. В патристике (сочинениях Отцов Церкви) доказывалась неразрывность и одновременно «неслиянность» ума и слова. Как

указывали Отцы Церкви, в акте именовании мира вещей, первичного по отношению к языку, между объектом и его именем неизменно стоит человек, установитель и интерпретатор [14, с. 29].

Блаженный Августин в труде «Исповедь» обращается к Богу в надежде постичь истину, при этом одним из интересующих его вопросов является природа времени. Размышляя о понятии времени, Блаженный Августин подмечает осознаваемость времени человеком, но непередаваемость этого осознания на словах: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю». При этом Блаженный Августин твёрдо убеждён в следующем: «...Если бы ничто не проходило, не было бы прошедшего времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени». Но возникает некое противоречие: «А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего ещё нет?» [15, XIV:17]. Блаженный Августин создаёт следующий образ: «Время, становясь из будущего настоящим, выходит из какого-то тайника, и настоящее, став прошлым, уходит в тайник?» [15, XVII:22]. «Горит душа моя понять эту запутаннейшую загадку» [15, XXII:28].

Мыслитель развивает идею, принимая во внимание возможную непостижимость некоторых аспектов бытия: «Если мне ещё не по силам это знание, то всё же я знаю, что где бы они ни были, они там не прошлое и будущее, а настоящее. <...> И правдиво рассказывая о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события – они прошли, - а слова, подсказанные образами их: прошлые события, затронув наши чувства, запечатлели в душе словно следы свои. Детства моего, например, уже нет, оно в прошлом, которого уже нет, но когда я о нём думаю и рассказываю, то я вижу образ его в настоящем, ибо он до сих пор жив в памяти моей» [15, XVIII:23]. Итак, Блаженный Августин обращается и к языковой стороне непростого вопроса о природе времени. Мыслитель предлагает уточнить термины, обозначающие время: «Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего есть память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три» [15, XX:26]. «Внимание, существующее в настоящем, переправляет будущее в прошлое; уменьшается будущее – растёт прошлое; исчезает совсем будущее – и всё становится прошлым» [15, XXVII:36]. Блаженный Августин приходит к своеобразному

соотнесению речи и времени: «Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время, но признаюсь, Господи, и в другом: я знаю, что говорю это во времени, что я долго уже разговариваю о времени и что это самое «долго» есть не что иное, как некий промежуток времени» [15, XXV:32]. «А мы только и говорим: «время и время, времена и времена»; «как долго он это говорил» ... «чтобы произнести этот слог, времени требуется вдвое больше, чем для того, краткого». Мы и говорим это и слышим это; сами понимаем и нас понимают. Это яснее ясного, обычнее обычного и это же так темно, что понять это – это открытие» [15, XXII:28]. Мыслитель возвращается к представлению о душе и соотносит время с ней: «...Только в ней [в душе] существует три времени. Она и ждёт, и внимает, и помнит: то, чего она ждёт, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чём она вспоминает» [15, XXVIII:37].

Грамматика в Средние века превратилась в самостоятельную научную дисциплину. Главные вопросы, которые оказались в центре внимания применительно к философии языка, - это вопросы о природе абстрактных понятий (универсалий) и об их отношении к языку; а также вопрос об именовании вещей [14, с. 31].

Высшим достижением лингвистической мысли Средневековья признаётся учение модистов, расцвет которого пришёлся на последние десятилетия XIII – начало XIV века. Средневековые учёные считали, что подлинным объектом науки могут быть только общие свойства вещей; наука должна находить «единое во многом». Так и в языках: они различаются между собой только внешними звуковыми оболочками, а внутреннее их строение одинаково. Поэтому грамматику средневековые учёные представляли себе как универсальную, считая её, таким образом, подлинной наукой [14, с. 33]. При этом основанием для формирования убеждения в универсальности грамматики послужило представление модистов о единстве мышления, логики всех людей, порождённом общностью окружающего материального мира [14, с. 34]. В итоге, в Европе был создан новый тип грамматики – философский, раскрывавший тесную связь языка с миром реальных вещей [14, с. 36].

В эпоху Возрождения (XIV-XVI вв.) происходит значительное расширение сведений о языках мира, протекает очень важный для последующего развития языкознания процесс накопления языкового материала. Изучение памятников классической литературы на греческом и латинском языках, а также богословский интерес к древнееврейскому языку, на котором написан Ветхий Завет, вызывают появление классической и семитской филологии, вслед за которыми возникает филология различных народов Европы.

Рационалистические тенденции вызывают возникновение логической универсальной грамматики [7, с. 23]. Логико-грамматические взгляды наиболее ярко проявились в Грамматике Пор-Рояля (1660 г.), созданной двумя выдающимися профессорами – грамматиком Клодом Лансло (1616-1695) и философом, логиком и математиком Антуаном Арно (1612-1694). Грамматика Пор-Рояля вышла в свет в начале Нового времени, и с её появлением связывают переход ко второму этапу развития лингвистики как науки. К Грамматике Пор-Рояля, опубликованной под названием «Всеобщая рациональная грамматика», примыкает труд «Логика, или искусство мыслить» (1662 г.), написанный А. Арно при участии Пьера Николя [14, с. 43].

А. Арно и К. Лансло подчёркивают, что язык – изобретение мыслящего человека, плод его интеллектуальной деятельности, что язык – это знаковая система, отражающая мышление человека [14, с. 44].

Таким образом, на начальном этапе развития мирового языкознания с VI в. до н.э. по XVII в. были выдвинуты важнейшие гипотезы о сущности языка, о свойствах языкового знака, о связи языка и мышления. Именно на начальном этапе была создана основа лингвистической терминологии, определены основные разделы языкознания, заложена база для мощного качественного рывка в языкознании XIX века [14, с. 45-46], частным проявлением которого стало дальнейшее развитие идей о категориях пространства и времени в лингвистике.

Список литературы

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2010.
3. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1991. Т.1.
4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. М., 1964.
5. Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии. М., 2003.
6. Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.
7. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М., 2009.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 2002.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн.1, М., 1992.
10. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2004.
11. Пальчун Г. П. Речевая коммуникация и средства личного дейксиса. // Европейские языки: историография, теория, история, методика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 6. Елец, 2007.
12. Томсен В. История языковедения до конца XIX века: Краткий обзор основных моментов. М., 1938.
13. Философские основы зарубежных направлений в языкознании. / Отв. ред. В. З. Панфилов. М., 1977.
14. Шулежкова С. Г. История лингвистических учений. М., 2007.

Интернет-источники

15. http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/Avgustin/ (Дата обращения: 15.11.2011)
16. http://www.chronos.msu.ru/biographies/lubinskaya_aristotel.html (Дата обращения: 30.11.2021)
17. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html (Дата обращения: 25.11.2021)

УДК 81'42

Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки»)

Тугуз Тамара Руслановна

аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный университет, РФ, г. Белгород
tuguz@bsu.edu.ru

Specific features of the representation of proxemes in the background terminal of cognitive scenes in Henry James's "The Wings of Dove"

Tuguz Tamara Ruslanovna

postgraduate student of the Department of Romance and Germanic Philology and
Cross-Cultural Communication Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается архитектоника текстовых когнитивных сцен, выявленных в тексте произведения Г. Джеймса «Крылья голубки». Определяется особенность построения фоновых терминалов когнитивных сцен, в которых обращается внимание на проксеммы как репрезентанты невербального кода коммуникации. Определяются тенденции употребления проксем при построении моделей текстовых когнитивных сцен, формирующих динамичный сегмент художественного мира Г. Джеймса.

Ключевые слова. Художественный текст, проксема, коммуникант, фоновый терминал, когнитивная сцена

Abstract. The article deals with the architectonics of textual cognitive scenes identified in the text of the work "The Wings of the Dove" by Henry James. The peculiarity of constructing background terminals of cognitive scenes, in which attention is drawn to proxemes as representatives of the non-verbal communication code, is identified. The tendencies of text cognitive scenes' architectonics forming dynamic segment of H. James's literary world are discovered.

Key words. Literary text, proxeme, communicant, background terminal, cognitive scene.

Введение

Изучение языковой и речевой репрезентации концепта является одним из актуальных вопросов современного языкознания. Данная проблема находится в центре внимания многих ученых довольно продолжительное время.

Ученые рассматривают концепт с различных точек зрения. Например, Н.А. Кобринина определяет концепт следующим образом: «несомненно дискретная и структурированная (или, точнее, допускающая структурированность) единица знания, основанного на разных способах и каналах восприятия и осмысления действительности, единица, объединяющая принципы суждения и оценки, но без явной расчлененности или сегментации их и без выделения прототипичных

вариантов. Границы концепта человек определить не может, и, по-видимому, объемность концепта индивидуальна и зависит от ряда характеристик личности» [1, с. 61]. По определению М.В. Никитина, «концепт – дискретная многофакторная ментальная единица со стохастической (вероятностной) структурой. Его единство и отдельность обеспечивается тождеством того денотата, с которым он соотнесен в каких-то ментальных мирах» [2, с. 53]. Согласно определению С.Г. Воркачева, «концепт в классической логике и в нетерминологическом, свободном употреблении – синоним понятия, и в таком качестве он просуществовал до появления математической логики и логической семантики, где концептом стали называть смысл имени (термина) в отличие от его денотата» [3, с. 51]. Очевидно, что «концепты существуют для всех, кто пользуется языком» [4, с. 184].

Значительную роль в системе речевых репрезентаций концепта играет художественный текст. Согласно определению, данному Е.А. Огневой и Ю.А. Кузьминых, текст – это «комплексное, целостное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера, все компоненты которого в совокупности репрезентируют коммуникативную интенцию писателя в виде единой иерархически организованной ядерно-периферийной структуры, объединенной когнитивными скрепами» [5, с. 5]. Проведенные исследования показывают, что «текст предстаёт как довольно сложный феномен» [6, с. 157].

Исследование литературных произведений позволяет выявить особенности художественного стиля писателя, а также реализации авторской интенции. Проблема изучения архитектоники концептосферы художественного текста является одним из актуальных вопросов современной лингвистики. «Архитектоника концептосферы текста рассматривается в виде совокупности художественных концептов, номинативные поля которых предопределяют их статусность в ядерно-периферийной структуре концептосферы» [7, с. 24].

По мнению И.А. Щировой, с помощью текста писатель трансформирует свое видение мира в структуру произведения. «Текст – это действенное средство трансформации авторского мировидения в художественную структуру произведения, индивидуально-авторский вариант концептуализации мира» [8, с. 19], поэтому вызывают «исследовательский интерес свойства текста» [9, с. 58].

Художественный концепт может реализовываться в тексте как в виде статичного, так и в виде динамичного когнитивного конструкта. Изучению концептов в системе художественного текста посвящены работы таких лингвистов, как Н.Ф.

Алефиренко [10], Н.Н. Болдырев [11], Е.И. Бузиной [12], С.Н. Гламазда [13], И.А. Даниленко [14], Я.И. Киреевой [15], Е.А. Огневой [16] и др.

Особенно актуальным в настоящее время является исследование когнитивной сцены. Под когнитивной сценой в данной работе подразумевается исследовательский конструкт, который описывает взаимодействие двух и более коммуникантов.

Структура когнитивной сцены рассматривается в виде четырех компонентов: коммуниканты (адресат и адресант), информационный терминал и фоновый терминал. Такая когнитивная сцена называется четырехтерминальной. Если в когнитивной сцене нет фонового терминала, то такая сцена называется трехтерминальной. В фоновом терминале среди номинантов высокочастотны репрезентанты невербальной коммуникации. Каждый из репрезентантов обеспечивает «динамику структуры когнитивной сцены в различной степени» [17].

Данная работа посвящена изучению проксем как репрезентантов невербальной коммуникации, которые представляют фоновый терминал в когнитивной сцене. Под проксемой в данной статье подразумевается «единица пространства, обладающая физическими параметрами, соответствующими характеру общения, которое коммуниканты сохраняют вокруг себя в качестве своеобразного рабочего пространственного объема коммуникативного акта» [18, с. 169]. Иными словами, проксема – это «пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения» [там же].

Рассмотрение архитектоники когнитивной сцены выявляет особенности построения динамичного сегмента концептосферы художественного текста.

Новизна исследования заключается в выявлении особенностей построения когнитивных сцен в романе Генри Джеймса «Крылья голубки», а также в определении роли проксем в архитектонике когнитивных сцен.

Методы исследования. В процессе интерпретации архитектоники когнитивных сцен применен метод когнитивно-герменевтического анализа, который заключается в «осмыслении и истолковании исследуемых лексических единиц и концептов» [19, с. 28].

Материалом исследования послужил текст романа Генри Джеймса «Крылья голубки».

Основная часть

Когнитивно-герменевтический анализ текста романа Г. Джеймса «Крылья голубки» выявил высокую частотность когнитивных сцен. Исследование архитектоники текстовых когнитивных сцен выявило преобладание 4-х терминальных сцен. Рассмотрение одного из сегментов 4-х терминальных сцен, а именно фонового терминала, показало высокую частотность проксем. Существует типология проксем, состоящая из «четырёх типов проксем: 1) слова и конструкции, семантика которых маркирует художественное пространство; 2) глаголы движения; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы» [20, с. 56]. Перечисленные типы проксем создают художественное пространство. Примечательно, что «параметры художественного пространства обусловлены пространственной моделью мира писателя и степенью проецирования этой модели в рамках когнитивно-сюжетной канвы конкретного произведения, его когнитивно-сюжетной матрицы» [21, с.192].

Проиллюстрируем наличие проксем в фоновых терминалах текстовых когнитивных сцен.

Пример 1.

His daughter took in the place again, and it might well have seemed odd that in so little to meet the eye there should be so much to show. What showed was the ugliness – so positive and palpable that it was somehow sustaining. It was a medium, a setting, and to that extent, after all, a dreadful sign of life; so that it fairly put a point into her answer.

(I) *“Oh, I beg your pardon. You flourish.”*

(II) *“Do you throw it up at me again,” he pleasantly inquired, “that I’ve not made away with myself?”*

She treated the question as needing no reply; she sat there for real things. (III) “You know how all our anxieties, under mamma’s will, have come out. She had still less to leave than she feared. We don’t know how we lived. It all makes up about two hundred a year for Marian, and two for me, but I give up a hundred to Marian.”

(IV) *“Oh, you weak thing!” her father kindly sighed.*

(V) *“For you and me together,” she went on, “the other hundred would do something.”*

(VI) *“And what would do the rest?”*

(VII) *“Can you yourself do nothing?”*

[James H. The Wings of the Dove, 10].

В номинативном поле рассматриваемой когнитивной сцены два коммуниканта – Кейт Крой и Лайонел Крой. Они образуют два терминала «адресант ↔ адресат».

Примечательно, что «специфической для художественной речи является семантическая емкость антропонима» [22, с. 523].

Информационный терминал рассматриваемой когнитивной сцены состоит из семи коммуникативных импульсов. Репрезентант невербального кода, сочетание кинема+проксема «took in the place again» является начальным компонентом первого коммуникативного импульса. Данный импульс исходит от адресанта, Кейт. Фоновый терминал, включающий в свою структуру репрезентант невербального кода, расположен перед первым информационным терминалом в структуре номинативного поля сцены.

Кинема+проксема «she sat there for real things» входит во второй фоновый терминал, расположенный между вторым и третьим коммуникативными импульсами, третий коммуникативный импульс исходит от адресанта Кейт. Проксема выражена глаголом движения.

Кинема «her father kindly sighed» является завершающим компонентом четвертого коммуникативного импульса, который исходит от адресата, Лайонела.

Пример 2.

*She was before the picture, **but she had turned to him**, and she didn't care if, for the minute, he noticed her tears.*

It was probably as good a moment as she should ever have with him. It was perhaps as good a moment as she should have with any one, or have in any connection whatever.

(I) "I mean that everything this afternoon has been too beautiful, and that perhaps everything together will never be so right again. I'm very glad therefore you've been a part of it."

*Though he still didn't understand her he was as nice as if he had; he didn't ask for insistence, and that was just a part of his looking after her. He simply protected her now from herself, and there was a world of practice in it. **"Oh, we must talk about these things!"***

Ah, they had already done that, she knew, as much as she ever would; and she was shaking her head at her pale sister the next moment with a world, on her side, of slowness.

(II) "I wish I could see the resemblance. Of course her complexion's green," she laughed; "but mine's several shades greener."

[James H. The Wings of the Dove, 234].

В номинативном поле рассматриваемой когнитивной сцены два коммуниканта – Милли и лорд Марк. Они образуют два терминала «адресант $\square$ адресат»

Информационный терминал рассматриваемой когнитивной сцены состоит из двух коммуникативных импульсов. В фоновом терминале выявлен репрезентант невербального кода, а именно сочетание кинема+проксема «but she had turned to him». Проксема выражена глаголом движения.

Пример 3.

(I) *“Yes—even now I’m willing to go with you. I don’t know what you may have wished to say to me, and even if you hadn’t written you would within a day or two have heard from me. Things have happened, and I’ve only waited, for seeing you, till I should be quite sure. I am quite sure. I’ll go with you.”*

(II) *It produced an effect. “Go with me where?”*

(III) *“Anywhere. I’ll stay with you. Even here.”*

*She had taken off her gloves and, as if she had arrived with her plan, **she sat down.***

В номинативном поле рассматриваемой когнитивной сцены два коммуниканта – Кейт Крой и Лайонел Крой. Они образуют два терминала «адресант ↔ адресат»

Информационный терминал рассматриваемой когнитивной сцены состоит из трех коммуникативных импульсов. Репрезентант невербального кода, проксема «she sat down» включена в фоновый терминал, который следует за третьим коммуникативным импульсом. Проксема выражена глаголом движения.

Выводы

Согласно проведенному исследованию, использование когнитивных сцен в тексте романа Г. Джеймса «Крылья голубки» встречается довольно часто и является особенностью построения динамичного сегмента концептосферы этого художественного текста. Рассмотрение архитектоники текстовых когнитивных сцен показало преобладание 4-х терминальных сцен. Изучение фонового терминала выявило высокую частотность использования проксем, среди которых преобладают глаголы движения.

Список литературы

1. Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 59–69.
2. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 53–64.
3. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 50–69.
4. Даниленко И.А. Дуальный концепт как разновидность двухъядерного художественного концепта // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – №44. С. 183–189.
5. Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014. – 202 с.
6. Гламазда С.Н. Контекстная лингвокультурная поляризация в архитектонике художественного концепта // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – №43. – С. 156–162.
7. Гламазда С.Н. Особенности контекстной поляризации в архитектонике концептосферы романа Г. Джеймса «Американец» // Основные проблемы современного языкознания. Сборник статей XII международной научно-практической конференции. Составитель Б.Н. Бисенгалиева. – 2020. – С. 24–28.
8. Щирова И.А. Открытость художественного текста vs границы интерпретации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2019. – №192. – С. 18–27.
9. Бузина Е.И. Специфика темпоральной модели "Me before you" в концептосфере одноимённого романа Дж. Мойес // Гуманитарные исследования. – 2019. – №1 (69). С. 56–61.
10. Алефиренко Н.Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – №18. – Вып.7. – С. 5–12.
11. Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко. Редакционная коллегия: Т.М. Воронина, М.В. Дудорова, Б.Ю. Норман (Беларусь), А.М. Плотникова, Х. Томмола (Финляндия). – 2016. – С. 16–25.
12. Бузина Е.И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – №44. С. 174–178.
13. Гламазда С.Н. Контекстная лингвокультурная поляризация в архитектонике художественного концепта // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – №43. – С. 156–162.
14. Даниленко И.А. Дуальный концепт как двухъядерный конструкт в концептосфере художественного произведения // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – №1 (32). – С. 44–52.

15. Киреева Я.И. Пространственные номинанты концептосферы произведения У. Фолкнера "The Hamlet" // Лексикография и коммуникация – 2017. Сборник материалов III Международной научной конференции. – 2017. – С. 149–151.
16. Огнева Е.А. Модель текстового мира как конструкт косвенной коммуникации (на материале романа В. Скотта "Waverley; or 'Tis Sixty Years Siince") // Лексикография и коммуникация – 2020. Сборник материалов VI Международной научной конференции. – 2020. – С. 134-138.
17. Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014. – 202 с.
18. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
19. Даниленко И.А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э.М. Ремарка "Der Funke Leben") // Гуманитарные исследования. – 2021. – №1 (77). – С. 26–32.
20. Огнева Е.А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. – 2021. – №2 (78).– С. 54–58.
21. Огнева Е.А. Специфика маркеров художественного пространства в архитектонике текстовой концептосферы // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – №43. – С. 191–197.
22. Хвесько Т.В. Лингвопрагматический аспект антропонимов в художественном тексте // Ономастика Поволжья. Материалы XVII Международной научной конференции. Составитель и редактор В.Л. Васильев. – 2019. – С. 522–526.

Список источников

23. James H. The Wings of Dove. T8, 2017. – 292 p.

УДК 8; 81:13

Сравнительный анализ слов лексико-тематической группы «Части тела» с точки зрения современного значения и «культурных смыслов»

Урюпина Татьяна Михайловна

старший преподаватель кафедры русского языка
Оренбургский государственный медицинский университет, РФ, г. Оренбург
furia_88@mail.ru

Пожидаева Анна Сергеевна

старший преподаватель кафедры русского языка
Оренбургский государственный медицинский университет, РФ, г. Оренбург
annabet-wassa@mail.ru

Modern interpretation of words of the lexico-thematic group "Parts of the body" from the point of view of modern meaning and "cultural meanings"

Uryupina Tatiana Mikhailovna

senior lecturer at the Department of Russian Language
Orenburg State Medical University, RF, Orenburg

Pozhidaeva Anna Sergeevna

Senior Lecturer at the Department of Russian Language
Orenburg State Medical University, RF, Orenburg

Аннотация. Целью статьи является сравнительный анализ современного и, так называемого, «культурного» толкования слов из лексико-тематической группы «Части тела». Нами были сопоставлены определения слов из данной лексико-тематической группы, данные В.И. Далем, С.И. Ожеговым, описано восприятие их с точки зрения «культурных смыслов» и сделаны выводы о том, насколько современное значение отражает культурный подтекст. Выполнение поставленных задач необходимо для дальнейшего исследования культурных смыслов данной лексики, принадлежащих русской культуре со смыслом, которым обладают данные слова в иноязычной культуре. Актуальность данного исследования заключается в возможности дальнейшего использования полученных результатов в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: культурная семантика, части тела человека, лексико-тематическая группа, современное толкование

Abstract. The purpose of the article is a comparative analysis of the modern and so-called "cultural" interpretation of words from the lexico-thematic group "Parts of the body". We compared the definitions of words from this lexico-thematic group, given by V.I. Dahl, S.I. Ozhegov, describes their perception from the point of view of "cultural meanings" and draws conclusions about how the modern meaning reflects the cultural subtext. The fulfillment of the tasks set is necessary for further research of the cultural meanings of this vocabulary belonging to Russian culture with the meaning that these words have in a foreign language culture. The relevance of this research lies in the possibility of further use of the results obtained in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: cultural semantics, parts of the human body, lexico-thematic group, modern interpretation

Исследование функционирования лексики с культурной семантикой в современных текстах, невозможно без понимания разницы между толкованием данной лексики в культурологическом и современном аспекте. Подробнее остановимся на немаловажной лексико-тематической группе слов обладающей культурной семантикой – «Части тела».

Вопрос о телесности нашей оболочки, о том, что появилось раньше, материальное или духовное начало человека, является спорным и по сегодняшний день. Все мы помним легенду из «Повести временных лет» о сотворении человека. «Дьявол сотворил тело человека, а Бог вложил в него душу». По преданиям Бог создал человека из частей мира: тело – из земли, кости – из камня, кровь – из морской воды, глаза – из солнца. Разные части тела имели в славянской культуре глубокий смысл и были связаны с традициями. Из всех слов данной лексико-тематической группы логично, по нашему мнению, начать с анализа слова «тело». В словаре С.И. Ожегова [2, с. 346] тело описывается как организм человека или животного в его внешних, физических формах. Этнолингвистический словарь [3] даёт определение телу как центральному концепту культуры, находящемуся на границе макрокосмоса и микрокосмоса. По легенде из частей человеческого тела возникли новые виды растений (слезы, превращающиеся в горох, кровь – в красную розу). При назывании объектов природы и культуры в переносном значении используются названия разных частей человеческого тела. К примеру, голова имеет значение не только как часть тела, но так называется «главный элемент структуры». Внешний мир, по традиции, проецируется на обозначение частей тела. В сказках можно встретить названия всех 10 пальцев рук семьей, а каждого пальца в отдельности братцем. Главным в культурном толковании слова «тело» является информация о структуре тела. Выделяли видимую глазом плоть, кости, внутренние органы и субстанции. Главным среди внутренних органов, по традиции, является сердце. Выделяли так же внутреннюю сторону человека, его психическое состояние (душу). Обратим внимание, что современное толкование слова «тело» основано только на внешних проявлениях, в то время как в культурной традиции тело являлось комплексом внутренних и внешних начал.

К лексическим единицам, называющим части тела и в то же время обладающих культурной семантикой относятся: лицо, глаза, рот, зуб, нос, волосы, борода, тело, грудь, сердце, нога, палец. Начнем анализ с органа, считающегося главным в теле

человека – сердца. В современных словарях «сердце» имеет два базовых значения. В первом сердце описывается как центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, второе определение является переносным и представляет сердце как символ переживаний, чувств, настроений человека. Определение этой лексической единицы в словаре В.И. Даля [1, с. 189] говорит о сердце, как о грудном органе, «принимающем в себя кровь из всего тела, очищающем ее чрез легкие и рассылающее обновленную кровь по всем частям, для питания, для обращения ее в плоть». Определение В.И. Даля является очень подробным с медицинской точки зрения, это связано с тем, что он был врачом. Заметим, что в этнолингвистическом словаре словарная статья лексики «тело» включает в себя мини-статьи для каждого органа. Сердце описывается как центр эмоционально-чувственной жизни человека, местом, где находится любовь, вера, страх. Оно также рассматривается с анатомической точки зрения, но не в таком ключе, как современный, то есть далеко не с медицинской точки зрения, так как представление об анатомии у славян было собственное. Говорится о его расположении «в груди, в середине, в центре организма». Сердце у славян воспринималось шире, чем какой-либо орган и являлся синонимом живота, представлял собой комплекс внутренних органов, очень часто сердце связывали с пищеварением, с детородными органами. Здоровье, жизнедеятельность или, антонимичные данной паре слов, болезнь и смерть связывали с сердцем человека. По поверьям считалось, что в сердце или рядом с ним находится душа, оно является хранилищем всех эмоций человека.

«Лицо» в современном понимании – передняя часть головы человека или же, в переносном смысле, характерный образ чего-нибудь, отличающий его от аналогичных предметов или явлений. В словаре В.И. Даля [1, с. 124] «лицо» также толкуется как передняя часть головы человека, но добавляется уточнение места расположения «от рубежа головных волос, до ушей и нижнего края исподней скулы: лоб, глаза, нос, щеки со скулами, губы и отвесная часть подбородка». В культурном понимании лицо трактуется как идентификатор и символ человеческой личности. Если сердце являетсяместилищем души, то лицо является её отражением, частью человеческого тела, через которое на человека может осуществляться как благотворное, так и губительное воздействие. По традиции важными частями лица, несущими собственную культурную нагрузку, считаются глаза, лоб, губы. Глаза, к примеру, в современных словарях описываются как орган зрения, а также само зрение. В словаре В.И. Даля глаз [1, с. 38] – «орудие чувственного зрения». В этнолингвистическом словаре существует трактовка глаз только для множественного

числа. Глаза здесь называются также органом зрения, однако к их толкованию добавляется традиционный мотив влияния на судьбу человека с помощью глаз. Глаза, по мнению славян, могут предсказывать будущие события.

«Нос» в словаре С.И. Ожегова [2, с. 251] определён как орган обоняния, находящийся на лице человека. В культурном плане «нос» обозначается как часть лица, выступающая как связь с внешним миром. Через нос, по традиции, может проникать нечистая сила, также по форме носа можно судить о личностных качествах его обладателя.

«Рот» в современном толковании – полость между верхними и нижними челюстями, снаружи закрытая зубами, а также очертание и разрез губ. В словаре В.И. Даля [1] рот определяется как отверстие в теле человека, через которое принимается пища, им издаётся голос. В культурном понимании рот – орган человеческого тела, физиологическое и культурное значение которого связано с дыханием, приёмом пищи и речью. Способность человека к принятию пищи, к дыханию и речи признавалось проявлением жизненной силы. Рот человека был признаком антропоморфности, куклам рисовали рот, чтобы они были похожими на людей, поэтому он являлся символом человека как биологического вида. В народных верованиях тело традиционно соотносили с домом, а рот с отверстиями в этом доме. Анатомически связано с данной лексической единицей слово «зуб», обладающее культурной семантикой. «Зуб» в современных словарях имеет определение костного образования, органа во рту для механической переработки пищи. В.И. Даль толкует «зуб» [1, с. 432] как маленькую кость, вырастающую из ячейки челюсти. В этнолингвистическом словаре зубы связывали с понятием жизненной силы, возраста, со сверхъестественными способностями человека. Существовали различные суеверия и традиции, связанные с зубами. Например, плохой приметой было, если беременной женщине удаляли зуб, сакральное значение имело появление первого зуба у ребёнка, нельзя было зубы пересчитывать. Аномалии в развитии зубов были сигналом принадлежности человека к демоническим существам, у всех мифологических персонажей также присутствовали зубы, имеющие либо неправильную форму, либо нетрадиционный цвет.

Волосы в современных словарях определяются как тонкие роговые нити, растущие на коже человека, голове. В словаре В.И. Даля [1, с. 253] мы находим тождественное определение. В культурной традиции волосы представляют собой центр жизненных сил человека. По традиции волосы воспринимались как заместитель человека. Волосы символизировали богатство, счастье, достаток.

Расчёсывание волос было целым ритуалом, у различных славянских народностей существовал ряд ограничений и список праздников, во время которых волосы было нельзя расчёсывать. Также существует примета, которая дошла до наших дней – срезанные волосы нельзя было бросать, считалось, что ведьма может сделать на них магические заклинания. Близко связана с волосами еще одна лексическая единица с культурной семантикой – «борода». Наличие бороды является чисто мужским атрибутом, в разные времена ношение бороды то входило в моду, то выходило из нее. Сейчас под бородой понимают волосяной покров нижней части лица мужчин. В народной традиции борода являлась символом мужественности, так же как волосы, олицетворяла собой богатство, изобилие. Упоминания бороды встречаются в атрибутике обрядов жизненного цикла, для ряжений. Есть упоминания о бороде как об атрибуте Бога.

Помимо вышеописанных частей лица, названия которых имеют культурную семантику, данным значением обладали грудь, нога, палец.

«Грудь» в словаре Ожегова [2, с. 153] имеет два значения: верхней части передней стороны туловища или одной из двух молочных желез женщины. Культурное значение данной лексической единицы основано на втором значении. «Грудь» по традиции была связана с кормлением грудью, являлась символом материнства и женской природы.

«Нога» – нижняя конечность человека. В народной культуре является символом движения, пути, принадлежащая к материально-телесному низу человека. По поверьям в ногах «путаются» тёмные силы. По приметам именно через ноги в организм человека проникают болезни, поэтому их нужно держать в тепле. Так как ноги принадлежат телесному низу человека, они ассоциируются с гениталиями, поэтому считались нечистыми, для их очищения использовались различные ритуалы. До сих пор в каждом доме перед входом находится коврик для того, чтобы гости вытирали ноги, этот обычай также имеет под собой очень давнюю историю, был призван защитить хозяев дома от нечисти, которую гости могли принести в ногах.

«Палец» – одна из разделённых друг от друга подвижных конечностей кисти или стопы. Культурное значение этой лексической единицы заключается в символической связи с душой и сердцем человека, по поверьям палец связывает человека как с этим, так и с потусторонним миром. Так как большинство действий человек выполняет пальцами рук, то именно они обладают особым культурным значением. Наибольшим культурным значением обладают большой палец, мизинец и безымянный палец. Большой палец и мизинец соотносятся с духовной жизнью

человека и его жизненной энергией, все действия, которые люди делают с их помощью призваны влиять на душу и здоровье человека, безымянный палец часто использовали в медицине для снятия болезней и порчи, считалось –у пальца нет имени, у человека нет болезни. Согласно традициям, из пальцев человека покидают болезни.

Нами были описаны и сравнены различные слова, обладающие культурной семантикой, а конкретно лексико-тематической группы «Части тела». Обратим внимание, что все основные значения этих слов конкретны, указывают на определенные части человеческого тела, в то время как многие слова имеют добавочные значения, выражающие именно культурную семантику.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / иллюстрированное издание. Серия: Российская императорская библиотека. – Москва: Эксмо, 2017.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 29-е изд., перераб. - Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2021.
3. Толстой Н.И. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики ; Под общ. ред. Н.И. Толстого. - Москва : Междунар. отношения, 1995-2014.
- 4.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.157

Об основных этапах работы по составлению якутско-русского терминологического словаря по кузнечному делу

Акимова Александра Спартаковна

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, РФ, г. Якутск
Sikkier84@mail.ru

On the main stages of work on the compilation of the Yakut-Russian, Russian-Yakut terminological dictionary for blacksmithing

Akimova Aleksandra Spartakovna

Candidate of Philological Sciences (Ph.D), researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

Аннотация. В статье вкратце рассмотрены основные этапы работы по составлению якутско-русского, терминологического словаря по кузнечному делу. Первым этапом по разработке терминологического словаря является отбор специальной лексики из литературы и составление чернового варианта словника. Подбор аналогов терминам переводимого научно-технического текста на языке перевода – одна из наиболее сложных проблем при составлении терминологического словаря. В настоящее время, перед нами стоит большая задача сохранения якутского языка. Заимствованные термины у которых нет подходящих эквивалентов передаются в фонетизированном написании. Под фонетической ассимиляцией понимается максимальное приближение фонетических, графических, грамматических и лексических характеристик лексемы к соответствующим нормам принимающего языка.

Ключевые слова: якутский язык, термин, кузнечное дело, терминологический словарь, эквивалент.

Abstract. The article briefly describes the main stages of work on the compilation of the Yakut-Russian, Russian-Yakut terminological dictionary on blacksmithing. The first stage in the development of a terminological dictionary is the selection of special vocabulary from the literature and the compilation of a draft version of the vocabulary. The selection of analogs for the terms of the translated scientific and technical text in the target language is one of the most difficult problems in compiling a terminological dictionary. At the present time, we are faced with the great task of preserving the Yakut language. Borrowed terms that have no suitable equivalents are rendered in phonetic spelling. Phonetic assimilation is understood as the maximum approximation of the phonetic, graphic, grammatical and lexical characteristics of a lexeme to the corresponding norms of the receiving language.

Keywords: Yakut language, term, blacksmithing, terminological dictionary, equivalent.

Расширение общественных функций якутского языка сопряжено с трудностями, в частности, с отсутствием оригинальных терминов по многим отраслям знаний. В якутском языке термины кузнечного дела ранее почти не затронуты терминологической работой. В связи с этим назрела необходимость составления двуязычного терминологического словаря – по кузнечному делу. Малочисленной группой терминологов отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН начата научно-исследовательская работа по теме: «Терминографическое возрождение этнокультурной терминологической лексики языка саха», которая включает в себя несколько подтем.

Во времена господства тоталитарного режима в Республике Саха (Якутия) это в 1940-1960-е гг. самые ценные и исконные лексико-семантические пласты якутского языка объявлялись «устаревшими» или «утратившими» свою функциональную активность и полностью предавались забвению или замене русскими словами. Вся письменная литература была ориентирована на термины, заимствованные из русского языка. Однако, как показала жизнь, так называемые «архаизированные слова» не исчезают безвозвратно потому, что они потенциально хранятся в тайниках материальной и духовной культуры народа и в благоприятных для них условиях могут возродиться вновь.

В современных условиях интерес к прошлому возрастает. Возрождаются традиции, обряды, обычаи, народное искусство. В связи с этим становится актуальным возобновление утраченной традиционной народной терминологии.

Составление переводных терминологических словарей является основой и фундаментом терминологической работы. Терминологические словари имеют практическую ценность, прежде всего это подготовка добротных материалов, а также они помогают в обеспечении перевода при издании различных указателей и справочников различного типа и объема.

В ходе работы по составлению терминологического словаря мы опираемся на архивные, историко-этнографические, краеведческие источники и на полные справочные (толковые) отраслевые словари якутского языка.

Далее вкратце рассмотрим основные этапы работы по составлению якутско-русского терминологического словаря по кузнечному делу.

Как пишет Хлыбова М.А.: «Составление двуязычного терминологического словаря требует решения следующих основных задач: необходимо определить критерии включения термина в терминологический словарь, принципы

проектирования терминологического словаря, организацию представления терминологических единиц в словаре» [5, с. 214].

Этап I. Первым этапом по разработке терминологического словаря является отбор специальной лексики из литературы и **составление черного варианта словника**. Основными источниками для создания словника словаря являются обобщающие монографии и статьи, посвященные кузнечному и ювелирному делу. Также в числе привлекаемых источников важное место занимают толковые и терминологические словари якутского языка.

В ходе выборки словника авторы сталкиваются со словами, которые различаются распространенностью, сферой употребления, происхождением и стилистической окраской. Как пишет С.В. Гринев-Гриневиц: «При рассмотрении статуса термина прежде всего необходимо обратить внимание на его взаимоотношение с основной единицей языка – словом» [3, с. 84]. Необходимо отметить, что во всякой терминологии непременно есть огромное количество лексических единиц, которые встречаются как в общеупотребительной, так и в профессиональной речи которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка.

Этап II. Поиск эквивалента. Подбор аналогов терминам переводимого научно-технического текста на языке перевода – одна из наиболее сложных проблем при составлении терминологического словаря. Эквивалентами мы называем те слова, которые наделены терминологическими свойствами, еще будучи в оригинале [1, с. 64]. Можно сказать, что русский термин передается якутским терминованным словом типа *быһах* ‘нож’, *анньыы* ‘пешня’, *тимир* ‘железо’, *онобос* ‘стрела’, *сүгэ* ‘топор’, *кыһа* ‘кузница’ и.т.д.

Наряду с эквивалентным подбором соответствий, для образования и передачи новых терминов и понятий в якутском языке активно используются: лексико-семантический, аналитико-синтаксический, а также аффиксальные способы терминообразования. Одним из важных свойств термина является содержательная точность. Четкость значения термина обусловлена наличием точных границ, которая обычно устанавливается с помощью дефиниции. Дефиниция играет важную роль в выделении терминологической лексики из словарного состава языка.

Этап III. Первичная проверка черного варианта словника словаря. Проверяются словник, эквивалент, дефиниция, исправляются грамматические ошибки и опечатки. «Дефиниции возможны только с определенной точки зрения, и один и тот же термин может быть членом различных иерархий, что подтверждается

данной ему дефиницией. ...В дефиниции должны входить только существенные характеристики, непосредственно релевантные для идентификации понятий. Дистинктивные признаки должны выбираться в соответствии с характером системы понятий» [4, с. 167].

Этап IV. Материал передается в экспертную комиссию для дальнейшего обсуждения в отделе для выявления и устранения недостатков работы.

Этап V. Конечная проверка терминологического словаря.

Этап VI. Представление словаря на ученом совете института.

Главной трудностью терминологической работы по составлению двуязычного терминологического словаря является якутизация терминов. По идее, большинство интернациональных терминов можно подвергнуть якутизации. Для этого надо найти подходящий эквивалент на якутском языке или же создать неологизм с помощью продуктивных способов терминообразования. Создание нового термина – процесс сложный, требующий кропотливой работы. Как пишет Л.А. Афанасьев-Тэрис: «Общеизвестно, если человек, носитель данного языка, не знает 20% слов своего родного языка, то он вынужден заново его изучать. Это значит, что чрезмерное увлечение созданием неологизмов может пагубно отразиться на его носителях» [2, с. 25].

В настоящее время перед нами стоит большая задача сохранения якутского языка. Поэтому заимствованные термины, у которых нет подходящих эквивалентов передаются в фонетизированном написании. Переданные подобным способом слова-термины понятны всем, а также вполне успешно проходят апробацию.

Материалы двуязычных терминологических словарей ранних этапов показывают, что авторы тех времен по общеизвестным причинам чрезмерно увлекались включением в словарь заимствований в оригинальном виде. В итоге многие слова-термины, у которых есть подходящие эквиваленты в якутском языке, вошли в словарь в заимствованном виде. Творческие усилия выдающихся деятелей культурного, языкового строительства занимавшихся вопросами терминотворчества: А.Е. Кулаковского, С.А. Новгородова, А.А. Иванова (Кюндэ), Г.В. Баишева (Алтан Сарын) и П.А. Ойунского были преданы забвению. Обогащение якутской терминологической лексики происходило в основном путем беспрепятственных и бесконтрольных вхождений из русского языка.

Дальнейшей задачей является составление серий терминологических словарей по отраслям знаний, исходя из потребностей общества. Межъязыковое сопоставление терминосистем позволяет выявить, какие именно языковые единицы могут быть использованы для обеспечения эквивалентности перевода безэквивалентных терминов, исходя из ресурсов общеупотребительной и специальной лексики якутского языка.

Список литературы

1. Акимова А.С. Эквивалентный перевод как аналитический способ терминообразования в якутской общественно-политической терминологической лексике // Новое в современной филологии. – М.: Изд-во Спутник +, 2012. – С. 64.
2. Афанасьев Л.А. Терминологическая работа в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). – С. 25.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. – М.: Книжный дом Либроком, 2009. – С. 84.
4. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Книжный дом Либроком, 2019. – С. 167.
5. Хлыбова М.А. К вопросу о принципах составления двуязычного терминологического словаря // Baltic Humanitarian Journal. 2017. № 4(21). – С. 214.

УДК 81

**Коммуникативное пространство текста молитвы «Отче наш»
(Молитвы Господней)**

Овечкина Елена Алексеевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики
Волгоградский государственный университет, РФ, г. Волгоград
elene0403@mail.ru

Васильева Светлана Сергеевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики
Волгоградский государственный университет, РФ, г. Волгоград
sseliger@mail.ru

**The communicative space of the text of the prayer "Our Father"
(the Lord's Prayer)**

Ovechkina Elena Alekseevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Russian philology and Journalism
Department, Volgograd State University, Russia, Volgograd

Vasileva Svetlana Sergeevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Russian philology and Journalism
Department, Volgograd State University, Russia, Volgograd

Аннотация. В статье описывается своеобразие религиозной коммуникации в тексте молитвы. Цель исследования – выявить содержательные и интонационные особенности религиозной коммуникации на примере текста Молитвы Господней. Методы исследования определяются задачами исследования и включают общенаучные методы анализа и синтеза, сочетание методов лингвистических (описательный и статистический методы). Наиболее значимыми результатами исследования представляются выводы о том, что в молитве, представляющей основной жанр религиозной коммуникации, находят отражение особые формы коммуникации: представленные как симметричные на уровне формы, они иерархичны в плане содержания, что наблюдается и на уровне морфологии, и в интонационно-звуковой организации. Область применения результатов. Результаты данной работы могут быть использованы при изучении таких дисциплин, как теория коммуникации, стилистика текста.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, молитва, интонационно-звуковая организация, иерархичные отношения, симметричные отношения.

Abstract. The article describes the originality of religious communication in the text of the prayer. The purpose of the study is to identify the content and intonation features of religious communication using the example of the text of the Lord's Prayer. Research methods are determined by the research objectives and include general scientific methods of analysis and synthesis, a combination of linguistic methods (descriptive and statistical methods). The most significant results of the study seem to be the conclusions that special forms of communication are reflected in prayer, which is the main genre of religious communication: presented as symmetrical at the level of form, they are hierarchical in terms

of content, which is observed both at the level of morphology and in intonation-sound organizations. Practical implications. The results of this work can be used in the study of disciplines such as communication theory, text stylistics.

Keywords: communication space, prayer, intonation and sound organization, hierarchical relationships, symmetrical relationships.

Религиозная коммуникация представляет собой коммуникативный акт, используемый в ритуальной практике. Исследователи отмечают, что основная функция языка в религии заключается в сакрализации коммуникативного пространства [1], [4]. Как известно, молитва – обращение человека к богу. «Молитва есть вообще возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» [2]. Она представляет собой коммуникативный акт, направленный на особого адресата. Любая коммуникация предполагает наличие участников, находящихся в различных отношениях: неравноправных, асимметричных, предполагающих иерархию, или равноправных и симметричных.

В молитве находят отражение прежде всего вертикальные, иерархичные отношения между адресантом и адресатом, молящимся и тем, к кому он обращается. Вместе с тем молитва, представляющая собой «восхождение ума к Богу», приближает душу молящегося к Божественной сфере и, по мнению Антония Сурожского, позволяет соединиться с Христом и «погрузиться со Христом в смерть Христову и в жизнь вечную воскресенья, и в сыновство» [2].

Наиболее ярко своеобразие молитвы как коммуникации особого рода представлено в Молитве Господней.

Анализ языковых средств Молитвы Господней помогает выявить участников коммуникации и характер их взаимоотношений. Так, наличие обращения (*Отче наш*) и частотность ты-форм местоимений (*Твое, Твоя*) и глагольных форм (*и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго*) свидетельствует о том, что участниками коммуникации в Молитве Господней являются молящиеся и особый Адресат.

Использование местоименных ты-форм и глагольных форм 2-го лица единственного числа повелительного наклонения дает возможность констатировать симметричный характер взаимоотношений между субъектом речи и Адресатом. Однако в данном случае мы наблюдаем равноправие участников коммуникации особого рода. Выраженное как симметричное на уровне формы оно иерархично в плане содержания. Ведь обращение с просьбой возможно и к человеку, находящемуся в равноправных с нами отношениях, но молить о всепрощении можно лишь Господа.

Наряду с равноправными на уровне формы отношениями в Молитве Господней наблюдаются и иерархичные отношения. В первой части молитвы, призывании, это

демонстрирует обращение «*Отче наш*», что усилено указанием на дистанцию, существующую между молящимися и Богом, который находится выше всего сущего (*Иже еси на небесех*).

Таким образом, в Молитве Господней можно выделить 2 типа взаимоотношений молящихся и особого Адресата. В тексте молитвы эти отношения сменяют друг друга. Если в начале молитвословия, в части призывания и славословия (*Отче наш, иже еси на небесех!*) мы констатируем наличие иерархии, то в последующей части, прошении (от слов «*Хлеб наш насущный даждь нам днесь...*» и до конца) представлена скрытая иерархия.

Сложный характер коммуникативного пространства Молитвы Господней, а именно смена характера взаимоотношений между участниками коммуникации на уровне формы находит отражение в ее звучании. Нами проанализированы с этой точки зрения особенности интонационно-звуковой организации молитвы в каноническом молитвенном чтении, т.е. в таком типе чтения молитвы, в котором в той или иной степени воспроизводится традиционное произношение церковнославянских сакральных текстов [3].

Выявлено, что разные типы взаимоотношений участников коммуникации сопровождаются изменениями ритмико-интонационной структуры звучащей молитвы. Так, призывание ритмически организовано как повторение синтагм приблизительно одинаковой длины (7 – 9 слогов), т.е. построено по принципу простой симметрии, которой свойственна соразмерность речевых фрагментов по протяженности, интонационному оформлению:

Рс

1. *Отче наш, Иже еси на небесех!/[11]*

нВ

2. ***Да** святится имя **Твое**./[8]*

Рс —

3. ***да** придет Царствие **Твое**:/[9]*

В

4. ***да** будет воля **Твоя**./[7]*

Рс

—

5. *яко на небеси и на земли./[10]*

В транскрипции используются следующие обозначения: **Рс** – ровный средний тон, **нВ** – нисходяще-восходящий тон, **В** – восходящий тон. Приведенная транскрипция показывает, что тип отношений между участниками коммуникации, который в этом фрагменте определяется как иерархия, находит отражение в звучании, ритмически организованном по принципу простой симметрии.

Во второй части наблюдается изменение типа взаимоотношений участников коммуникации. Они становятся симметричными по форме, но иерархичными по содержанию. Сигналом этой смены является модификация рисунка звучащего молитвословия. Анализ показывает, что принцип простой симметрии проявляется здесь непоследовательно:

Рс (В)
6. *Хлеб наш насущный даждь нам днесь;/* [8]

нВ
7. *и остави нам долги наша, якоже и мы
оставляем должником нашим;/* [23]

нВ —
8. *и не введи нас во искушение,/* [11]

Рс
9. *но избави нас от лукаваго/* [10]

Как видно из приведенной транскрипции, второе прошение (*и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...*) представляет собой самую длинную синтагму, состоящую из 23 слогов, что позволяет акцентировать на ней внимание. Представляется, что эта синтагма является кульминационной. При этом необходимо отметить, что для канонического молитвенного чтения, примером которого является приведенный фрагмент, характерна асемантичность на уровне выражения коммуникативного типа высказывания [3]. Поэтому паузация, характерная для современного интонационного оформления сложных предложений, не всегда воспроизводится в каноническом молитвенном чтении, представляющем собой распевно-речитативное чтение сакральных текстов [3].

Третье и четвертое прошения (*и не введи нас во искушение, / но избави нас от лукаваго/*) построены по принципу простой симметрии и представляют собой одинаковые по длине синтагмы, состоящие из 11 и 10 слогов. Таким образом, изменение типа взаимоотношений участников коммуникации (иерархия/скрытая иерархия)

сопровождается сменой принципа членения речевого потока (простая симметрия/непоследовательное проявление принципа простой симметрии).

Вместе с тем в интонационном оформлении этого фрагмента Молитвы Господней отмечаются также элементы зеркальной симметрии, которая характеризуется полным соответствием в расположении частей целого по отношению к центру (Pc – Hв – Hв – Pc).

Таким образом, молитва представляет собой особый коммуникативный акт, направленный на особого Адресата и характеризующийся специфическими взаимоотношениями участников, которые проявляются в конфликте плана выражения и плана содержания.

Список литературы

1. Федорова М.В. Религиозная коммуникация: сущность и специфика современного состояния // Science time. 2014. № 4 (4). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-kommunikatsiya-suschnost-i-spetsifika-sovremennogo-sostoyaniya> (Дата обращения: 15.11.2021)
2. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Семантика и ритм молитвы // Вопросы языкознания. 1993. №1, С. 45-51.
3. Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 362 с.
4. Салахова А.Г.-Б. Стратегичность религиозной коммуникации в кризисной ситуации // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 165–180. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.165-180. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategichnost-religioznoy-kommunikatsii-v-krizisnoy-situatsii> (Дата обращения: 10.11.2021)
5. Азначеева Е.Н., Мамонова Ю.В. Взаимодействие назидательности и побудительности в православной религиозной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 7-16. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-nazidatelnosti-i-pobuditelnosti-v-pravoslavnoy-religioznoy-kommunikatsii> (Дата обращения: 12.11.2021)

Список источников

1. Библийская энциклопедия: в 2-х т. (Репринт 1891). М., 1991. Т. 1. С.482.

УДК 81-23

Семантика и функционирование безличных моделей со значением необходимости в русском языке (на фоне китайского языка)

Токина Анна Ивановна

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
anntokina@mail.ru

Усенко Ирина Юрьевна

канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург
airisu@yandex.ru

Цзо Юй

бакалавр лингвистики кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург
zouyu6794@gmail.com

The semantics and functioning of impersonal models with the meaning of necessity in Russian language (against the background of the Chinese language)

Tokina Anna Ivanovna

PhD in Philology, Senior Teacher of the Department of Russian as a foreign language and its teaching methods, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Usenko Irina Yrievna

Ed. PhD, Senior Teacher of the Department of Russian as a foreign language and its teaching methods, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Czo Uj

Bachelor of Linguistics of the Department of Russian as a foreign language and its teaching methods, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. В статье представлено описание семантических особенностей безлично-модальных конструкций с глаголами и предикативами, выражающих значение необходимости, в зависимости от контекстов употребления (на материале текстов современной художественной литературы). Проводится сопоставление между русскими безлично-модальными конструкциями и их аналогами в китайском языке.

Ключевые слова: необходимость, безличные предложения, безличные глаголы, предикативы.

Abstract. The purpose of this article is to describe the semantic features of impersonal-modal constructions with verbs and predicatives expressing the meaning of necessity, depending on the contexts of use (in the texts of modern fiction). We made a comparison between the Russian models with the meaning of necessity and their Chinese analogues.

Keywords: necessity, impersonal sentences, impersonal verbs, predicatives.

Как в русском, так и в китайском языках безличные модели со значением необходимости являются широко употребительными. Еще в начале XX в. А.М. Пешковский объяснял рост употребительности безличных конструкций в русском языке общей тенденцией к вытеснению имени глаголом [1, с.345]. Однако не только глагольный, но также и другие типы безличных моделей распространены в коммуникации. Е.М. Галкина-Федорук отмечает: «Количество безличных предложений в современном русском языке непрерывно растет. Этот рост объясняется не только все более развивающимися и уточняющимися формами мышления, расширением средств изобразительности, но и различными грамматическими процессами, которые в конечном итоге обусловлены также усложнением содержания речи» [2, с. 151]. З.К. Тарланов характеризует безличные предложения как семантически более абстрактные и грамматически более сложные, чем двусоставные, и приходит к выводу, что «безличное предложение – это одно из языковых средств, иллюстрирующих магистральную линию развития человеческой мысли от конкретного к обобщенному» [3, с. 32]. А. Вежбицкая, указывая на рост употребительности безличных предложений в русском синтаксисе, объясняет этот факт особой «ориентацией русского семантического универсума» и русской культуры, что отличает ее от европейских языков [4, с. 74-75].

Для иностранных студентов изучение русских безличных предложений на всех языковых уровнях представляет особую актуальность. Между тем синонимические связи между безлично-модальными предложениями разных типов и их семантико-прагматические различия недостаточно изучены в аспекте русского языка как иностранного, особенно – на фоне китайского языка. Необходимо дальнейшее изучение и описание безлично-модальных предложений в указанных аспектах.

В русском языке существует немало безличных моделей, которые входят в периферию функционально-семантической зоны необходимости. В качестве предиката в них выступают разные части речи. Как определяет А. В. Петров, «для эксплицитного представления модальных значений <...> используются специальные модальные слова, которые одновременно выступают формой безличности: глагольные (*следует*) и именные: адъективные (модели с предикативами)

(*необходимо*), причастные (*принято*), субстантивные (*пора*), местоименные (*некого, нечего*) наречные (*нельзя, не в состоянии*); а также ряд безлично-модальных фразеологизмов (*не с руки, не к лицу, не под силу*) и фразеосхемы (*не + номинатив, нет + генитив, не до + генитив*)» [5, с.125].

В поле нашего зрения – безличные модели с предикативами (*надобно, уместно, допустимо, излишне, напрасно, недостойно, негоже и др.*), а также модели со специальными глаголами (*надлежать, подобать, годиться, прийтись и др.*), которые относятся к периферии функционально-семантической зоны необходимости. В их лексическом значении модальная семантика необходимости сочетается с другими семами. На основе существующих классификаций [5; 6; 7], мы разработали собственные классификации указанных предикативов и глаголов. Эти классификации основаны на дополнительных компонентах их семантики, которые соединяются с семой необходимости. При выявлении компонентов семантики и разработке классификаций мы опирались на данные толковых словарей и словарей синонимов современного русского языка [8,9,10].

Материалом для исследования послужили текстовые фрагменты, извлеченные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы второй половины XX в. – начала XXI в. на основе данных из национального корпуса русского языка.

Обратимся к анализу безличных моделей с предикативами. Для исследования было отобрано 11 русских предикативов, которые объединяются в 5 групп в соответствии со спецификой семантики: 1) необходимость прекращения действия (*довольно; ладно*); 2) достаточность действия для достижения цели (*достаточно*); 3) бессмысленность, избыточность действия (*излишне; напрасно*); 4) оценка действия как несоответствующего морально-этическим нормам (*недостойно, грешно, негоже*); 5) допустимость и уместность действия в соответствии с временем, местом, обстановкой (*уместно, допустимо, нелишне*).

Отметим, что при отборе для анализа русских предикативов и их китайских аналогов мы руководствовались, прежде всего, следующим критерием: наличием в значении предикатива семы необходимости, выраженной в его словарной дефиниции. Так, например, для предикатива *негоже* приводятся следующие определения – «в знач. сказ.; нельзя, не годится, не полагается» [9]; «разг.- оценка чего-л. как нехорошего, неприличного, что не следует делать» [10]. Наличие в указанных определениях слов *нельзя* и *не следует* эксплицирует сему необходимости в значении предикатива *негоже*. Между тем, в современных научных исследованиях

к предикативам, относящимся к периферии семантической зоны необходимости, относят и такие как, например, *модно, старомодно, неудобно, совестно* [5, с.130]. Однако в словарных дефинициях этих слов мы не нашли аналогичного эксплицитного выражения семы необходимости [9,10], и поэтому в состав материала для исследования не включали. Аналогичный критерий был использован при отборе для исследования русских модальных глаголов и их китайских аналогов, о которых идет речь во второй части статьи.

Анализ текстов художественной литературы второй половины XX – начала XXI века показывает, что рассматриваемые предикативы имеют специфику контекстного употребления. Так, с предикативом *довольно* (в значении «необходимо прекратить») нередко используется инфинитив глаголов с оценочной семантикой, который мотивирует необходимость прекратить действие: «*Ладно. Довольно болтать глупости. Зайдём в санчасть, перевяжет там тебя моя подруга*» [Виктор Астафьев. *Обертон (1995-1996)*]. «– *Красота!..– без всякого вдохновения проговорил Юрка. – Борька, довольно душить, идёте ловить рыбу. Мила запрыгала на месте и хлопала в ладоши*» [Виталий Губарев. *Трое на острове (1950-1960)*].

Предикатив *достаточно* (в значении «столько, сколько нужно, сколько требуется для чего-либо») часто употребляется вместе с придаточным изъяснительным с союзом «*чтобы*» и инфинитивом, выражающим тот факт, для которого действие является необходимым и достаточным: «*Конечно, когда наработаешься, наломаешься или набегаетесь за день то, чтобы заснуть, достаточно прислонить голову к подушке*» [Анатолий Рыбаков. *Тяжелый песок (1975-1977)*].

Семантические оттенки значения некоторых предикативов подчёркиваются с помощью других, семантически близких предикативов, соотносимых с ними по значению и употребляемых в ближайшем контексте. Так, предикатив *недостойно* оценивает действие как несоответствующее моральным или этическим установкам, как такое, которое не следует делать. В ближайшем контексте в предложениях с этим предикативом употребляются предикативы *неморально, нехорошо, стыдно, неприлично*: «*Но еще более недостойно и стыдно свои чувства продавать за деньги*» [Александра Маринина. *Иллюзия греха (1996)*]. «*И вообще, существу, наделенному собственным разумом, душой, волею, недостойно и неприлично жить, ежесекундно подчиняя себя произволу*» [Михаил Шишкин. *Всех ожидает одна ночь (1993-2003)*].

Ряд предикативов обладают широким спектром семантических оттенков – *негоже, грешно́*. Так, для предикатива *грешно́* в функции сказуемого называются следующие синонимы: «запрещено, нельзя» [8, с.245; 9], что свидетельствует о присутствии в его семантике семы необходимости/долженствования. Согласно данным национального корпуса русского языка, этот предикатив достаточно распространён в исследуемых литературных текстах второй половины XX – начала XXI века.

Во-первых, предикатив *грешно́* используется в значении «нельзя по моральным, религиозным причинам»: «*Не вгоняй себя в печаль. Худо, грешно́ – предаваться унынию! Но где там! После смерти родителей Платоша места себе не находил*» [Ким Балков. Балалайка// «Сибирские огни», 2013].

Во-вторых, предикатив *грешно́* используется в значении, близком к предикативу *стыдно*: «*У меня с детства были способности к языкам, а уж имея русскую жену, грешно́ не знать её родной язык*» [Надежда Трофимова. Третье желание// «Звезда», 2003].

В-третьих, этот предикатив используется в значении «не нужно/нельзя, потому что обидно, жалко (например, лишиться чего-либо)»: «*Да нет, не то что не спится, – сказал он, – а просто грешно́ просыпать такую красоту*» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2]. В этом значении он используется реже, чем в первых двух.

В-четвёртых, предикатив *грешно́* встречается в значении «невозможно не сделать» = нужно сделать что-либо. В этом случае зависимый инфинитив используется с отрицанием («*грешно не + инфинитив*»): «*Деньги валялись просто на земле, и не подобрать их было грешно*» [Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001)].

Некоторые предикативы употребляются в ограниченном контексте. Так, например, при употреблении предикатива *уместно* нередко актуализируется сема соответствия действия времени или сема соответствия действия месту, обстановке: «**В такой торжественной обстановке уместно проявить максимум фантазии, но главное – вовремя остановиться**» [Татьяна Моспан. Подиум (2000)]. Этот предикатив часто используется с глаголами речемыслительной деятельности (*уместно объяснить/написать/говорить/вспомнить/предложить и т.д.*).

Исследуемые предикативы различаются по стилистической окраске. При этом в текстах художественной литературы второй половины XX – начала XXI века степень употребительности предикатива не уменьшается от того, что он обладает разговорной

или даже просторечной окраской. Об этом свидетельствует, в частности, большое количество примеров употребления модели с предикативом *ладно* (разг., просторечн.) в значении «хватит, достаточно, надо прекратить» [9, с. 759; 10]: «Пропадёшь ты, однако, невоспитанный, от народа отсталый... – Да **ладно** пугать, – буркнул я. – На фронте пугали-пугали...Теперь ты допугиваешь» [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]. «Да **ладно** книжки читать, всех не перечитаешь, - и похохатывал от собственного остроумия. – Айда к нам – чайку попьём». [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)].

В китайском языке безличные предложения является бессубъектными. «Общие правила западной грамматики требуют, чтобы в каждом предложении было подлежащее, в то время как китайская грамматика обычно опускает подлежащее, если оно является ясным, особенно в разговорной речи» [11, с.52].

Согласно современным исследованиям, 77 китайских наречий могут использоваться в бессубъектных предложениях [12, с.6]. Среди них присутствует 5 наречий со значением необходимости (甬·别·不必·何必, 何苦), которые соотносятся с русскими предикативами и входят в периферию семантической зоны необходимости. Все они передают различные оттенки бессмысленности, избыточности действия. Приведём примеры:

- 1) 甬: 甬惦记他 – Не стоит заботиться о нём.
- 2) 别: 别难过了, 都过去了 – Излишне грустить, все кончено.
- 3) 不必: 不必斤斤计较 – Незачем считать каждый цзинь.
- 4) 何必: 既然不会下雨, 何必带伞? Раз уж дождя не будет, к чему брать зонт?
- 5) 何苦: 何苦跟他争辩! Не стоит спорить с ним!

Сопоставление русских безличных предложений и китайских бессубъектных предложений с предикативами со значением необходимости позволяет сделать следующие выводы.

Если в русском языке предикативы используются вместе с инфинитивом, то в китайском языке аналогично предикативы со значением необходимости используются вместе с глагольной формой, чтобы передать полностью денотативную ситуацию. Но в китайском языке также существует предикативы «何必негоже и 何苦напрасно», которые могут использоваться самостоятельно.

В китайских бессубъектных предложениях со значением необходимости предикативы часто используется для выражения разубеждения. Приведем примеры. 别 – « bié 表示劝阻 указывает разубеждение» [13]. Употребление этого предикатива в китайском языке: *别悲伤了,我们不过是放假·这只是再见,不是永别* – **Излишне грустить, у нас просто летние каникулы, мы лишь временно разъехались, а не расстались навсегда.** 不必 – « bù bì 无须,不一定,没有必要 Не надо, нет необходимости» [13]. Употребление этого предикатива в китайском языке: *安排完毕·作者心安理得·读者也不必“替古人担忧* – **Автор закончил свое произведение и удовлетворен своей работой, и читателям *незачем* беспокоиться** (китайский фразеологизм: Метафора ненужного беспокойства и печали).

Отметим, что для анализа русских предикативов, относящихся к периферии функционально-семантической зоны необходимости, было отобрано 8 предикативов с отрицательным значением (предикативы *достаточно, довольно, ладно, (в значении – хватит, больше не нужно), излишне, напрасно, недостойно, грешно, негоже*) и 3 предикатива с положительным значением (*уместно, допустимо, нелишне*).

В китайском языке нами были обнаружены аналоги для предикативов с отрицательным значением, как видно из 5-ти приведенных выше примеров. Таким образом, наблюдается тяготение китайских бессубъектных средств выражения необходимости, аналогичных русским моделям с предикативами, к отрицательным контекстам.

При выражении положительного значения необходимости для приведенных выше примеров в китайском языке, в основном, будут использоваться императивы глаголов, в т.ч. модальных (ср. русский глагол «*требоваться*»). Китайские наречия, аналоги русских предикативов с «положительным значением», используются, как правило, для выражения центральных значений функционально-семантической зоны необходимости (ср. русский предикатив «*необходимо*»).

Рассмотрим безличные модели с глаголами со значением необходимости. В соответствии с данными словарей нами выделено 3 группы русских модальных глаголов, имеющих указанное значение: 1) необходимость выполнения действия, связанная с социальным положением субъекта, его правами и обязанностями (*подобать, полагаться, надлежать*); 2) оценка действия как несоответствующего

морально-этическим нормам (*годиться*); 3) необходимость выполнения действия, обусловленная внешними обстоятельствами (*прийтись, довестись*).

Проведенный анализ позволил выявить степень употребительности модальных глаголов. Согласно данным национального корпуса русского языка, глагол *надлежать* являлся достаточно распространённым глаголом в 20-е-30-е годы 20 века, но за последние два десятилетия этот глагол все реже и реже используется. Глагол *довестись* в словарях сопровождается пометой «разговорное», «просторечное». В безличном употреблении в литературных текстах рассматриваемого нами периода встречается нечасто. Глагол *прийтись*, напротив, очень активно используется в речи. В корпусе русского языка мы нашли 11 236 примеров использования этого глагола в разных формах в художественной литературе второй половины XX – начала XXI вв.

Глагол *подобать* очень часто употребляется в модели «как (*и*) *подобает кому*», которая указывает на соответствие действия/поведения неким общепринятым правилам и нормам, при этом нередко в предложениях присутствует указание на конкретный тип одушевленного субъекта, его социальный статус или половую принадлежность: «Он всегда держался, **как подобает держаться настоящему мужчине**» [Елизавета Козырева. *Дамская охота (2001)*]. «Выглядел вор вполне прилично, **как и подобает свободному гражданину великой страны: гладко выбрит, в отутюженных черных брюках и белой рубашке с засученными рукавами**» [Даниил Корецкий. *Менты не ангелы, но... (2011)*].

Аналогичные особенности употребления можно отметить и для глагола *полагаться*, который также соединяет в себе значение необходимости (быть должным) и соответствие общепринятым нормам: «Таня сделала вид, что этого не замечает, **как и полагается воспитанному человеку не замечать промахов в поведении собеседника**» [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Глагол *надлежать* (книжн.), как уже отмечалось выше, используется в современных текстах очень редко, при этом в контексте присутствует указание на официальную ситуацию, речь идёт о рабочих обязанностях, либо обязанностях в соответствии с законом: «**Всем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений**» [Вячеслав Пьецух. *Шкаф (1997)*].

Глагол *годиться* употребляется в ограниченном контексте. В отрицательных предложениях с этим глаголом чаще всего указывается на действие как несоответствующее моральным или этическим установкам: «*Могилу не годится оставлять пустой, – вспомнил Жихарь*» [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)].

Глагол *прийтись*, очень частотный в употреблении, содержит сему вынужденности и указывает на действие как обусловленное внешними причинами и обстоятельствами: «*Для того чтобы приблизиться к стаду, пришлось перелезть овражек, высунувшись из которого, старшина неожиданно близко увидел пастуха*» [Василь Быков. Болото (2001)].

В современном китайском языке, как и в русском, существует понятие модальных глаголов, которые по-китайски называются «*能愿动词*». Как отмечает исследователь Ма Цинчжу: «Модальные глаголы в китайском языке являются неавтоактивными глаголами, за которыми могут следовать только компоненты предиката» [14, с.45]. То есть модальные глаголы в китайском языке нельзя использовать самостоятельно, за этими глаголами следуют предикатные компоненты: *Ему следует делать домашнее задание*(他要写家庭作业).

Модальные глаголы со значением необходимости в китайском языке обычно выражают потребность, причину или привычку. Рассмотрим их более детально.

得 – «*děi*必须, 须要 *понадобиться, следовать*, глагол с разговорной окраской» [9]. Употребление этого глагола в китайском языке: *不过, 在这方面也(кто?)得注意, 对于事物, 纵有经验, 也往往上当受骗。 – Однако (каждому) следует обратить внимание и на этот аспект: в отношении вещей, даже если они имеют опыт, их часто обманывают.*

应该 – «*yīng gāi*表示情理上必然或必须如此 *требоваться*, указывает, что это логически необходимо» [13]. Употребление этого глагола в китайском языке: *必要的时候(кто?)应该做到 在互相之间展开批评 – При необходимости (всем) требуется критиковать друг друга.*

要 – «*yào* 应当; 必须 *предстоять*» [13]. Глагол «*要*» является самым распространенным для выражения необходимости, может использоваться в разных контекстах:

1) Необходимость зависит от волеизъявления других людей: 要认识到这份工作的长期性和复杂性。 – **Предстоит осознать** долгосрочный характер и сложность этой работы. (Выражается необходимость, обусловленная волеизъявлением начальника.)

2) Необходимость зависит от волеизъявления от говорящего: 今后工作中要解决的问题是：什么是美？ – В будущей работе **предстоит решить** вопрос: что такое красота?

В китайском языке заслуживает внимания глагол «要», особенно в отрицательных предложениях. При отрицании этот глагол не используется, а употребляются другие его аналоги: 改革就是如此，当然要承担风险 – При реформах, конечно, **надо рисковать**. 改革就是如此，不改革，当然不用承担风险 – Реформы есть реформы: **рисковать не нужно** только тогда, когда не проводишь реформы.

须得 – «xū de 定要 (用于较正式文体) *непрерменно, наверняка нужно, необходимо* (обычно используются в официально-деловом стиле)» [13]. Употребление этого глагола в китайском языке: 第二十六条 现役军人的配偶要求离婚，须得军人同意。 *Статья 26: Когда супруга действующего военнослужащего требует развода, необходимо получить согласие военнослужащего.*

Относительно рассматриваемых китайских примеров с модальными глаголами отметим следующие особенности. В китаистике присутствует общее мнение, что в китайском языке существуют бесубъектные предложения, но при отсутствии безличных предложений [15, с. 354-355]. Это один из видов сокращённых предложений в китайском языке. Например, Чжу Дэси, как и многие другие лингвисты, считает, что в разговорной речи в силу экономии языковых средств часто отсутствует подлежащее, хотя в предложении оно подразумевается, подсказанное контекстом [16, с. 9].

Отметим, что в русистике также существуют разные трактовки безличности. Мы придерживаемся точки зрения В.А.Белошпковой, которая отмечает, что в большинстве безличных предложений, при отсутствии формального подлежащего (в именительном падеже), есть семантический субъект (действующее лицо, производитель предикативного признака). Семантический субъект выражается в

таких предложениях косвенным падежом имени (*Ему весело*) [17, с. 98]. С точки зрения Г.А. Золотовой, в безличных предложениях есть не только семантический субъект, но и подлежащее, которые приравнены друг к другу и могут быть выражены любым падежом (именительным и косвенным)» [18, с.102]. Исходя из двух этих мнений, можно сделать вывод, что для русских безличных предложений также характерно наличие субъекта. Однако в русском языке в этом типе предложений субъект, «понижаемый в ранге», занимает вспомогательную позицию в косвенном падеже, а в китайских бессубъектных предложениях в силу отличий языкового строя (отсутствие падежных форм имени) этого не происходит, и субъект опускается.

Что касается значения бессубъектных предложений со значением необходимости в китайском языке – чаще всего они выполняют функцию, аналогичную функции обобщенно-личных предложений в русском языке – то есть обозначают необходимое действие, которое должно совершать любое лицо (каждый, все).

Список литературы

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – СПб.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
2. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958. – 332 с.
3. Тарланов З.К. Родительный неопределенного количества как один из системных факторов категории безличности в русском языке // Филологические науки. – М., 2006. – №3. – С.32-40.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари», 1997. – 411 с.
5. Петров А. В. Система безличных предложений в современном русском языке. – М.: «Флинта», 2019. – 162 с.
6. Замятина Е.Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования: На материале русского и английского языков. Дис. .... кандидата филол. наук. –Тверь, 2004. – 185 с.
7. Тьен Д. К. Способы выражения долженствования в современном русском-языке. Дис. .... кандидата филол. наук. – М., 1994. – 219 с.
8. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: «Русский язык», 2001. – 568 с.
9. Большой толковый словарь под ред. Кузнецова С.А. Справочное издание. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь толково-словообразовательный русского языка. – М.: «Дрофа», «Русский язык», 2000.
11. Ван Ли. 《王力文集》, 第 1 卷, 51–52 页, 山东教育出版社, 1985.

12. Люо Яохуа. 李德津, 程美珍. 外国人实用汉语语法(修订本). 北京: 北京语言大学出版社, 2008
13. Словарь Синьхуа: Толковый словарь китайских иероглифов. М.: 商务印书馆, 2011. – 689 с.
14. Ма Цинчжу. 马庆株, 《能愿动词的连用》. 语言研究 · 1998年第1期.
15. Ли Дэцин, Чэн Мэйчжэнь. 李德津, 程美珍. 外国人实用汉语语法(修订本). 北京: 北京语言大学出版社. 2008.
16. Чжу Дэси. 朱德熙. 句子和主语[A]//世界汉语教学. 1987
17. Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
18. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса современного русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Список электронных источников

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 24.04.2021).
2. 北京BCC汉语语料库 [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.bicu.edu.cn/> (Дата обращения: 30.04.2021).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-145

Мотив разочарования в стихотворении Глеба Чичко «Упаду на траву и сотру рукавом с автомата...»

Плеханов Герман Сергеевич

студент 2 курса кафедры русского языка и литературы
Стерлитамакский филиал БашГУ, г. Стерлитамак
german-plekhanov@mail.ru

Радь Эльза Анисовна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
Стерлитамакский филиал БашГУ, г. Стерлитамак
elza_rad@mail.ru

The motive of disappointment in the poem by Gleb Chichko "I'll fall on the grass and wipe my sleeve off the Gan..."

German Plekhanov Sergeevich

2nd year student of the Department of Russian Language and Literature
Sterlitamak branch of BSU, Sterlitamak

Rad Elsa Anisovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature
Sterlitamak branch of BSU, Sterlitamak

Аннотация. В статье раскрывается мотив разочарования в творчестве Г.А. Чичко на примере стихотворения «Упаду на траву и сотру рукавом с автомата...» Сквозь призму аутопсихологизма рассматриваются переживания лирического героя, обусловленные социально-историческим контекстом. Продемонстрирована глубина философской мысли поэта, утопичность которой во многом повлияла на его жизнь.

Ключевые слова: мотив разочарования, аутопсихологизм, внутренний конфликт, лирический герой, духовные искания.

Abstract. The article reveals the motive of disappointment in the work of G.A. Chichko on the example of the poem "I will fall on the grass and wipe my sleeve off the gan...". Through the prism of autopsychologism, the experiences of the lyrical hero, conditioned by the socio-historical context, are considered. The depth of the poet's philosophical thought is demonstrated, the utopianness of which largely played a role in his life.

Keywords: the motive of disappointment, autopsychologism, internal conflict, lyrical hero, spiritual searches.

В современном литературоведении творчество стерлитамакского поэта Глеба Анатольевича Чичко (25 июля 1971 г. – 30 апреля 2008 г.) еще никем не исследовалось. Поэт, филолог, философ, музыкант Глеб Чичко прожил короткую, но

событийно насыщенную жизнь, полную творческих взлетов в поэзии и музыке, жизненных падений. Путь его в поэзии поистине уникален, ибо созданные им поэтические тексты, обладающие смысловой глубиной и оставляющие след в сердцах читателей, свидетельствуют о высоком мастерстве поэта, сложном внутреннем мире, неписанности в современное общество, над-миром состоянии, столь характерном всем Поэтам. Прижизненные и посмертные публикации стихов, рецензии, интернет-страницы (ВКонтакте), видео на канале YouTube, Вечера памяти Глеба Чичко на площадке Стерлитамакского рок-клуба им. Ю. Шевчука, воспоминания друзей, одноклассников, одногруппников, родных – тому подтверждение.

С. Звягинцев отмечает: «Глеб – личность полумифическая, давно уже обросшая всевозможными легендами и небылицами, а потому требует описательного подхода. Про него обязательно надо рассказывать» [5]. «Полумифическая» личность, ощущающая свою оторванность от земного, Глеб Чичко «жил как пел: метался, сомневался, молился, конфликтовал с миром и самим собой, переживал взлёты и падения, обижал, обижался, прощал, просил прощения <...> ...долго и упорно искал свое одно-единственное место под солнцем: работал сторожем, разнорабочим, санитаром, писал стихи и песни, создал собственную рок-группу “Ушёл из дома”, выступал в ночных клубах, рисовал, восстанавливал монастырь...» [1]. Пытаясь охватить разные сферы человеческой жизнедеятельности, он все время находился в состоянии самоопределения. В своей обращенности к Богу он вступил на путь борьбы с собой, своими переживаниями. И всегда возвращался в Стерлитамак, в свой родной край.

Характеризуя художественный мир Г. Чичко, внимательно и вдумчиво вчитываясь в каждое слово, можно с уверенностью применить высказывание Н.В. Гоголя, адресованное А.С. Пушкину: «В каждом слове бездна пространства» [4]. «Бездна пространства» – во всех тематических направлениях поэзии Г. Чичко: в лирике любовной, религиозной, пейзажной, философской, гражданской. Во всем многообразии ведущих мотивов творчества стерлитамакского поэта особо выделяется, с нашей точки зрения, мотив разочарования. На общую разочарованность еще при жизни поэта указывали его читатели, считая, что он «родился не в то время и не в том месте» [2]. Обусловлено это во многом социально-историческим контекстом. Творчество поэта и его драматический жизненный путь вплотную соприкоснулись с эпохой становления нового социально-экономического и политического строя. Процесс «возвращения» личности совпал с годами перестройки, тяжелыми событиями для всех граждан страны. Неудовлетворённость

происходящими в обществе изменениями, несоответствие представлений об идеальном мире и окружающей действительности – всё это находило своё отражение в лирике поэта. Многие в том, что Г. Чичко видел вокруг себя, вызывало в нём глубокое, неосознанное беспокойство, порождало тягостные предчувствия. Настроение разочарования как состояние души соотносимо с такими эмоциями, как меланхолия и печаль, апатия и ненависть. Лирический герой Г. Чичко стремится отстраниться от общественной жизни, уйти от века грядущего, чтобы предаться своим воспоминаниям о приятном прошлом. В творчестве поэта назревает конфликт мечты и реальности.

В стихотворении «Упаду на траву и сотру рукавом с автомата...» мотив разочарования подтекстово выступает в функции структуро- и смыслообразования. Причём от состояния индивидуального переживания отдельной личности («я привык к этим лицам») автор переходит к душевной болезни целого поколения: «этот год **мы** забыли отметить в календарях». Позволим себе разместить весь текст стихотворения:

*Упаду на траву и сотру рукавом с автомата
Серебристые, мелкие капли седого дождя.
Я привык к этим лицам усталым и белым как вата
И глазам, что так пристально в мертвое небо глядят.
Это лето зажав в кулаке, как упавшую птицу,
Этот год мы забыли отметить в календарях.
И теперь твой приятель охотно орудует шприцем,
И вливает в тебя молоко при закрытых дверях.
Кончается сок в груди этой женщины.
Кончается солнце, способное жечь.
Упаду на траву, без малейшей надежды подняться.
Кто-то скажет спокойно, что снимет с меня сапоги.
Я закрою глаза, и уже никогда не приснятся
Эти влажные пальцы, стянувшие в узел мозги. [6, с.13].*

Неудовлетворённость жизнью лирического героя Г. Чичко связана с конкретными психологическими ситуациями. Это состояние находится под давлением не внешних, а внутренних факторов, оно в мире поэта захватывает самые широкие области человеческих эмоций, от которых и «устал» лирический герой, ведь они – «белые как вата». Здесь рождается это горькое понимание того, что «глаза <...> пристально в мертвое небо глядят». Сравнение собственных чувств с происходящим

вокруг заставляет лирического героя Г. Чичко понять, что ему остается лишь смириться с этими грустными реалиями. В строках «Кончается сок в груди этой женщины / Кончается солнце, способное жечь» – осознание лирическим героем неизменности рока, его доминирования над миром «земным». Анафора лишь усиливает эту фаталистическую мысль: конец близок. Всему скоро придет свое завершение: и жизненной энергии женщины (олицетворение земного), и солнцу (олицетворение небесного, космического, энергетически сильного, но всё же эфемерного).

Принятие героем собственной эмоциональной и энергетической мертвенности прослеживается в строках: «Упаду на траву без малейшей надежды подняться». Причиной разрастающегося разочарования в жизни выступают не только внешние объективные факторы реальной действительности, но и разъедающий душу самоанализ лирического героя, что способствует развитию состояния потерянности в мире своих иллюзий. Автопсихологизм является одной из главных черт в лирике Г. Чичко. Он отражает непосредственное внесение в лирическое произведение авторского жизненного опыта, духовных исканий писателя. Отречение, отказ, неприятие мира, острота переживаний уравнивают в стихотворении «зону героя» и «зону автора» [3, с.7].

Таким образом, в структуре данного произведения Г. Чичко нашли отражение внутренние события жизни поэта; человек в стихотворении автобиографичен и всем своим содержанием и обликом выделен из среды, противопоставлен ей. Тонко чувствующая, поэтическая душа разочарованного героя внутренне не принимает действительности и одновременно смиряется с ней.

Список литературы

1. Воронова М. Глеб Чичко. Сигнал в облака. Стихи [Электронный ресурс] // Бельские просторы, №5, 2019. URL: <https://belprost.ru/articles/poeziya/2019-05-18/5-2019-bleb-chichko-signal-v-oblaka-stihi-121198> (дата обращения: 22.10.2021)
2. Глеб Чичко: группа ВКонтакте [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/club2274618> (дата обращения: 22.10.2021)
3. Гнюсова И.Ф. Автопсихологизм как особый тип романного повествования // Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2008. – №309. – С.7-11
4. Гоголь Н.В. «Несколько слов о Пушкине» [Электронный ресурс] // Статьи и рецензии Гоголя. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/kritika-gogolya/neskolko-slov-o-pushkine.htm> (дата обращения: 22.10.2021).
5. Звягинцев С. ТРИ СТЕРЛЯДИ 90-Х ГОДОВ (Глеб Чичко, Владимир Кротов, Максим Трофименко) [Электронный ресурс] // URL: <https://vnkrotov.my1.ru/news/2008-06-08-6> (дата обращения 22.10.2021)
6. Чичко Г. Сборник стихотворений. – Стерлитамак: Дом печати, 1998. 28 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 81'42

Текстовая модель «интерьер средневекового английского дома» как модель-реконструкция (на материале произведения Элизабет Чедвик «Сокровища Короля»)

Сулова Вера Глебовна

магистрант кафедры иностранных языков, Белгородский государственный
национальный исследовательский институт, РФ, г. Белгород
verale98@gmail.com

Text model "interior of the medieval English house" (based on the novel "The Marsh King`s Daughter" by Elizabeth Chadwick)

Suslova Vera Glebovna

student of foreign languages department, Belgorod National Research University
Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается архитектоника художественного концепта «Средневековая Англия», репрезентированного в романе Элизабет Чедвик «Сокровища короля». Описана одна из основных текстовых моделей-реконструкций, входящих в номинативное поле художественного концепта «Средневековая Англия», а именно «интерьер средневекового английского дома». Определено восемь номинантов, отражающих исторические реалии интерьера средневекового английского дома в номинативном поле художественного концепта. Замечено преобладание имен существительных и имен прилагательных в структуре номинантов исследуемой модели-реконструкции.

Ключевые слова: художественный текст, концептосфера, художественный концепт, реалия средневекового быта, номинант

Abstract. The article examines the architectonics of the artistic concept "Medieval England", represented in Elizabeth Chadwick's novel "The Marsh King`s Daughter". One of the main textual models-reconstructions included in the nominative field of the concept "Medieval England", especially "the interior of a medieval English house". Eight nominees reflecting the historical realities of the interior of a medieval English house in the nominative field of the concept have been identified. The predominance of nouns and adjectives in the structure of the nominees of the reconstruction model under study is noted.

Keywords: literary text, concept sphere, literary concept, reality of medieval life, nominee.

В современном языкознании все чаще поднимается вопрос о когнитивно-герменевтическом анализе текста, а именно об интерпретации архитектоники его концептов, которые в совокупности образуют так называемую концептосферу.

Существует множество определений художественному тексту. М.М. Бахтин считает, что художественный текст это «не только форма отражения действительности, но и наличие культуры определенного этноса» [2, с. 160], в то

время, как Ю.М. Лотман понимает под этим «замкнутую, самодостаточную, синхронно организованную динамическую систему» [7, с. 14].

Исследование, которое мы осуществляем, непосредственно связано с пониманием текста, который представляет собой «конгломерат глубинных этносмыслов народа в преломлённой проекции мировидения писателя, как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной посредством языковых знаков, формирующих таким образом художественный мир, модель которого находится в эпицентре лингвокогнитивных, лингвокультурологических и иных исследований» [11, с.181]. Как полагает С.Л. Кушнерук, «представление о когнитивной репрезентации того, о чём говорится в тексте, предопределяют развитие понятия текстового мира» [6, с. 24].

Как мы ответили ранее, концептосфера художественного текста это ничто иное, как несколько художественных концептом, образующие единое целое. Л.В. Миллер дает следующее определение художественному концепту: «Сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и определенному этнокультурному сообществу», «концепт представляет собой универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и выступающий в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [8, с. 41-45].

О.Е. Беспалова представляет художественный концепт как «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [3, с. 13].

Е.А. Огнева утверждает, что художественный концепт это «компонент художественного текста, который включает ментальные признаки и явления, отражённые в сознании народа и являющиеся когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [10, с. 52], так как в концепте заложены знания о картине мира вследствие того, что «в концепте заключается его ментальная сущность – понятие, которое выражает знания о мире человека, принадлежащего к той или иной культуре, национальности и определенной эпохе» [1, с. 12-13].

У художественного концепта выявлена ядерно-периферийная структура. З.Д. Попова и И.А. Стернин придерживаются одной точки зрения, что «к ядру концепта относятся наиболее яркие первичные образы (лексемы с высокой частотностью), а

более абстрактные признаки формируют периферию концепта (лексемы с наименьшей частотностью). Ядро концепта – образ, базовый слой. Периферия концепта – интерпретационное поле» [13, с. 60, 97]

Целью осуществляемого нами когнитивно-герменевтический анализа на основе романа Э. Чедвик «Сокровища короля» является определение номинантов номинативного поля художественного концепта «Средневековая Англия». Позднее мы также проведем их структурно-компонентный анализ.

Важно отметить, что концептосфера романа отличается изобилием в нем количеством номинантов, которые репрезентуют лингвокультурные реалии. А интерпретация лингвокультурных реалий, представляемых лингвокультуремами, как правило, зависит от «культурного опыта конкретного человека» [5, с. 37].

В своем исследовании мы руководствуемся классификацией реалий, предложенной С. Влаховым и С. Флориным в их труде «Непереводимое в переводе». Ученые выявили несколько групп реалий:

1. Географические реалии. Военные реалии: подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие

2. Этнографические реалии: а) быт: пища, одежда, жилье, мебель, транспорт; б) труд: люди труда, орудия труда, организация труда; в) искусство и культура: музыка и танец, музыкальные инструменты, фольклор, театр, другие искусства и предметы искусства, исполнители, обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, культы, служители культа; г) этнические объекты; д) меры и деньги. Общественно-политические реалии: а) административное устройство: административно-территориальное устройство, населенные пункты и его части; б) органы и носители власти; в) общественно-политическая жизнь: политические организации и деятели, патриотические и общественные движения и их деятельность, социальные явления и движения, звания, степени, титулы, обращения, учреждения, учебные заведения, сословия и касты, сословные знаки.

3. Этнографические реалии: а) быт: пища, одежда, жилье, мебель, транспорт; б) труд: люди труда, орудия труда, организация труда; в) искусство и культура: музыка и танец, музыкальные инструменты, фольклор, театр, другие искусства и предметы искусства, исполнители, обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, культы, служители культа; г) этнические объекты; д) меры и деньги.

4. Географические реалии [4, с. 51-56].

Определение номинантов, которые репрезентируют этнографические реалии, входящие в номинативное поле концепта, дает нам возможность приступить к

следующему этапу исследования – структурно-компонентному анализу номинантов номинативного поля художественного концепта «Средневековая Англия». Данный тип анализа основывается на том, чтобы разделить их на односоставные и многосоставные номинанты. Односоставный номинант — это «языковая структура, состоящая из ядра и одного или нескольких компонентов (зависимых слов), характеризующих какой-либо параметр: пространственный, временной, качественный, количественный и т.д.» [9, с. 89]; многосоставный номинант является собой «языковую структуру, состоящую из ядра и нескольких зависимых слов или словосочетаний, характеризующих два и более параметра (пространственный, временной, качественный, количественный)» [9, с. 89].

Рассмотрим пример, описывающий интерьер средневекового английского дома.

Пример. “Belongs to Master Gerbert Woolman,” said the bridlesmith`s wife as she unlocked **the heavy oak door** and showed Miriel **the main room with its central hearth, shelves on the wall, and wooden bread-cupboard**. Miriel nodded and paced around the room, noting **the burnished cauldron suspended over the hearth, and the kindling laid ready together with a hod of dry timber**. **There were candles in the holders and the walls of wattle and daub gleamed with new lime-wash, of which there was a strong aroma**.

Переведем рассматриваемый контекст «интерьер средневекового английского дома»: -«Он принадлежит господину Герберту Вулмэну», - поведала Мириэл жена шорника. Открыв **тяжелую дубовую дверь**, она завела девушку **в комнату с очагом в центре, полками по стенам и деревянным буфетом**. Мириэл кивнула и прошла **по главной комнате, разглядывая убранство**. **Над очагом висел начищенный до блеска котелок, рядом в ведерке лежали сухие дрова. В подсвечниках стояли свечи, на обмазанных глиной стенах сияла свежая побелка, запах которой еще не выветрился. Не такое роскошное жилье, как дом дедушки в Линкольне, но все же лучше, чем она надеялась найти.**

Когнитивно-герменевтический анализ контекста выявил в описании интерьера средневекового английского дома восемь реалий исторического быта: 1) **the heavy oak door** / **тяжелая дубовая дверь**; 2) **the main room with its central hearth** / **главная комната с очагом в центре**; 3) **shelves on the wall** / **полками по стенам**; 4) **wooden bread-cupboard** / **деревянный буфет**; 5) **the burnished cauldron suspended over the hearth** / **над очагом висел начищенный до**

блеска котелок; 6) **the kindling laid ready together with a hod of dry timber / рядом в ведерке лежали сухие дрова**; 7) **There were candles in the holders / В подсвечниках стояли свечи**; 8) **the walls of wattle and daub gleamed with new lime-wash, of which there was a strong aroma / на обмазанных глиной стенах сияла свежая побелка, запах которой еще не выветрился.**

Структурно-компонентный анализ первого номинанта **the heavy oak door / тяжелая дубовая дверь** показал, что имеется ядро **the door/ дверь**, выраженное именем существительным, а также два приядерных компонента, которые характеризуют: а) вес **heavy / тяжелая**, выраженный именем прилагательным; б) материал, из которого изготовлен предмет интерьера **oak / деревянная**, выраженный прилагательным; Данная реалия интерьера средневекового английского дома представляет собой номинант, выраженный именем существительным, и двумя приядерными компонентами, выраженными именами прилагательными. Следует отметить, что данная реалия характеризует то, с каким подходом жители того времени относились к созданию быта. Предметы дома должны были быть надежными и долговечными, тогда как в нынешнее время в быту используются гораздо более легкие и хрупкие материалы.

Структурно-компонентный анализ показал, что во втором номинанте **the main room with its central hearth / комната с очагом в центре** ядром является имя существительное **room /комната**. Ядро имеет 2 приядерных компонента, характеризующих, а) степень значимости **main / главная**, выраженная именем прилагательным; б) сопутствующая характеристика комнаты **with its central hearth / с очагом в центре**, выраженная словосочетанием, состоящим из имени прилагательного и имени существительного. Анализируемая реалия интерьера средневекового английского дома представляет собой номинант, выраженный именем существительным и двумя приядерными компонентами, выраженными одним простым именем прилагательным и одним составным именем прилагательным. Данная реалия дает понять, что в средневековых домах тепло исходило только от огня, а он имелся далеко не во всех комнатах.

Структурно-компонентный анализ третьего номинанта **shelves on the wall / полками по стенам** показал, что имеется ядро **shelves / полки**, выраженное именем существительным, а также приядерный компонент, который характеризует место положения **on the wall / по стенам**, выраженный словосочетанием, состоящим из предлога и имени существительного. Анализируемая реалия интерьера

средневекового английского дома представляет собой номинант, выраженный именем существительным и приядерный компонент, выраженный словосочетанием.

Структурно-компонентный анализ четвертого номинанта **wooden bread-cupboard** / **деревянный буфет** выявил ядро **bread-cupboard** / **буфет**, выраженное составным именем существительным, и приядерный компонент **wooden** / **деревянный**, выраженный именем прилагательным и характеризующий материал изготовления предмета мебели.

Структурно-компонентный анализ пятого номинанта **the burnished cauldron suspended over the hearth** / **над очагом висел начищенный до блеска котелок** выявил ядро **cauldron** / **котелок**, выраженное именем существительным. Первым приядерным компонентом является **burnished** / **начищенный до блеска**. Он характеризует внешний вид предмета быта и выражается причастием. Вторым приядерным компонентом является **suspended** / **подвесной**. Он характеризует место положения предмета и выражается причастием. Анализируемая реалья интерьера средневекового английского дома представляет собой номинант, выраженный именем существительным и двумя приядерными компонентами, выраженными причастиями. Данная реалья дает представление об устоях англичан в средние века. Каким бы скромным не было жилище, его содержали в чистоте и порядке.

Структурно-компонентный анализ шестого номинанта **the kindling laid ready together with a hod of dry timber** / **рядом в ведерке лежали сухие дрова** выявил ядро **timber** / **дрова**, выраженное именем существительным и приядерный компонент **dry** / **сухие**, характеризующий качество и выраженный именем прилагательным.

Структурно-компонентный анализ седьмого номинанта **candles in the holders** / **свечи в подсвечниках** показал, что имеется ядро **candles** / **свечи**, выраженное именем существительным, а также один приядерный компонент, который характеризует место **in the holders** / **в подсвечниках**, выражается словосочетанием, состоящим из имени существительного и предлога **in**. Данная реалья интерьера средневекового английского дома представляет собой номинант, выраженный именем существительным, и приядерный номинант, выраженный словосочетанием.

Структурно-компонентный анализ восьмого номинанта **the walls of wattle and daub gleamed with new lime-wash, of which there was a strong aroma** / **на обмазанных глиной стенах сияла свежая побелка, запах которой еще не**

выветрился выявил ядро **the walls / стены**, выраженное именем существительным, и несколько приядерных компонентов, характеризующие: а) метод строительства **wattle and daub / глина, мазанка**, выраженное именами существительными; б) тип покрытия **lime-wash / побелка**, выраженное причастием с уточняющим словом; в) запах **strong aroma / запах, который еще не выветрился**, выраженный именем прилагательным и именем существительным. Примечательно, что выражение **wattle and daub** является австралийским сленгом, так как именно в Австралии впервые применялся данный метод строительства. Прямым значением данного выражения является «мазанка из ветвей акации, ветви акации, скрепленные глиной». В Великобритании данный метод начали использовать в 12 веке для деревянных сооружений.

Таким образом, было проведено исследование концептосферы романа Элизабет Чедвик «Сокровища короля». За основу был взят художественный концепт «Средневековая Англия», а именно описание интерьера средневекового английского дома. В ходе когнитивно-герменевтического анализа было выявлено восемь реалий исторического быта. Их структурно-компонентный анализ выявил преобладание имен существительных и имён прилагательных, характеризующих материал и внешний вид предметов интерьера средневекового английского дома.

Когнитивно-герменевтический анализ номинативного поля художественного концепта «Средневековая Англия», а именно исторической реалии «интерьер средневекового английского дома», репрезентированной в романе Э. Чедвик «Сокровища короля», показал, что современный автор исторического романа в полном объеме передала атмосферу дома, характерную для Средневековой Англии.

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 12-13.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: 1975. – 502 с.
3. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб.: 2002. – 24 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
5. Даниленко И.А. Этапы создания текстового мира (на примере произведения Ф.С. Фитцджеральда «Tender is the night») // Лингвистические горизонты : сб материалов V Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 35-39.

6. Кушнерук Л.С. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации: монография. – М.Флинта, 2019. – 368 с.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Прогресс: Гнозис, 1992. – 270 с.
8. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 41-45.
9. Огнева Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе // Вестник российского университета дружбы народов. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – №1. – С. 88-95.
10. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
11. Огнева Е.А. Текстовая пейзажная модель как когнитивный формат знания (на материале произведения А. Ирасека «Псоглавцы») // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Николая Фёдоровича Алефиренко (11-12 января 2016 г.). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. – С. 381-388.
12. Плесканюк Т.Н. Текстокогерентная словообразовательная матрица как средство формирования связности в текстах художественного стиля // филологический аспект. – 2015. – № 1 (1). – URL: <http://scipress.ru/philology/articles/tekstokogerentnaya-slovoobrazovatel'naya-matritsa-kak-sredstvo-formirovaniya-svyaznosti-v-tekstakh-khudozhestvennogo-stilya.html> (дата обращения: 07.07.2019)
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: «Истоки», 2002. – 191 с.
14. Chadwick E. The Greatest Knight. London, Sphere, 2006. – 567 p

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 1751.82

Аксиология любви в жанре фантастического романа России и Великобритании (на материале романов А.Беляева «Человек-амфибия» и М.Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»)

Курылева Ксения Владимировна

студент Гуманитарного Института Курганского государственного университета
Курган, Россия
kurilevaxenia@yandex.ru

Хомутникова Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, Курганский государственный университет
г. Курган, Россия
ea7878@mail.ru

Axiology of love in genre of science fiction of Russian and British literature (based on novels "The Amphibian" by A. Belyaev and "Frankenstein or Modern Prometheus" by M.B. Shelley)

Kuryleva Ksenia Vladimirovna

student of Kurgan State University, Kurgan, Russia

Khomutnikova Elena Anatolyevna

Cand. of Sciences (Philology), Kurgan State University (Kurgan, Russia)

Аннотация. В работе поставлена цель провести исследование аксиологии любви в жанре фантастического романа России и Великобритании. В качестве материала для анализа выбраны романы А. Беляева «Человек-амфибия» и М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». В результате проведённой работы были выявлены и проанализированы в сопоставительном аспекте отрезки текста, вербализующие аксиологию любви в данных романах. Аксиология любви рассмотрена с точки зрения актуализации следующих смыслов в выбранных контекстах романов: «любовь к конкретному человеку»; «любовь, которая является смыслом жизни»; «любовь, характеризующая степень человечности главных героев»; «любовь, порождающая ненависть»; «любовь, порождающая одиночество». В исследовании отмечается, что аксиология любви объективируется в изучаемых произведениях достаточно часто через контексты, которые не включают в себя лексические единицы «любовь»/«love», «любить»/ «to love». Сопоставительный анализ показал, что аксиология любви, прежде всего, связана с координатами человечности для главных героев произведений А. Беляева и М. Шелли.

Ключевые слова – аксиология, жанр, фантастический роман, любовь, ценность

Abstract. The article deals with the axiology of love. The aim of article is to explore the axiology of love in genre of science fiction of Russian and British literature based on novels "The Amphibian" by A. Belyaev and "Frankenstein or Modern Prometheus" by M.B. Shelley. As a result, text segments verbalizing axiology of love in novels were identified and

analyzed in correlation. Axiology of love is considered from the point of view of actualization the following meanings: "love to a certain person", "love as the meaning of life", "love as a level of humanity", "love producing hate", "love producing loneliness". Our research demonstrates that axiology of love is objectified in text segments through contexts without even including lexical units «любовь»/«love», «любить»/ «to love». Our research based on the comparative analysis shows that axiology of love connects with the level of humanity for the main characters of these novels.

Keywords – axiology, genre of science fiction, novel, love, value

Вводная часть и новизна

Жанр фантастического романа в настоящее время продолжает развиваться. Фантастика переступает границы не только жанра (фантастический детектив и юмористическая фантастика) и родов литературы (фантастическая поэзия и драматургия), но и искусства (кинофантастика, фантастическая живопись). Интерес исследователей к сути фантастического жанра не угасает, о чем свидетельствуют, например, работы А. Н. Глущенко [1], В. Ю. Кузнецова [2], С. А. Билял [3], Е.А. Хомутниковой [4], С.А. Медведевских [4], Н. А. Чалых[4]. Актуальность работы связана и с тем, что проблема любви с точки зрения лингвистики и литературоведения продолжает интересовать ученых. Отметим работы М.Ю. Покручиной [5], **Е.С. Зотовой** [6], Д.О. Курцевой [7].

Цель нашей работы и ее новизна заключается в исследовании аксиологии любви в жанре фантастического романа России и Великобритании на материале романов А. Беляева «Человек-амфибия» и М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Данные о методике исследования

Метод исследования: описательный метод, количественный метод, метод контекстуального анализа.

Материалом исследования послужили контексты из романов Александра Романовича Беляева «Человек-амфибия» и Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Всего 22 контекста, из них 11 – выявлены нами в романе «Человек-амфибия», 11 – обнаружены в романе «Франкенштейн или Современный Прометей».

Материалом исследования также послужила картотека употребления лексем «любовь»/«love», «любить»/ «to love» в романах. Всего 182 употребления.

Экспериментальная часть

Аксиология - учение о ценностях, их происхождении, сущности, функциях, типах и видах [8]. Вследствие этого, Виктор Франкл выделяет триаду ценностных ориентиров, которые способны определить смысл человеческого бытия: 1) ценности созидания или творчества; 2) ценности переживаний; 3) ценности отношений.

Остановимся на ценности переживаний. Главным переживанием по Франклу является любовь, которая им определяется как «духовное движение к наивысшей ценности любимого человека, как духовный акт, в котором постигается эта высочайшая ценность (он называет ее «спасанием» человека)» [9]. Со временем место человека и его ценность в мире менялась, но неизменным оставалось определение человечности, то, что человека делает человеком. Такой категорией выступает любовь. Любовь - интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею. Любовь включает в себя порыв и волю к постоянству, оформляющиеся в этическом требовании верности. Любовь возникает как самое свободное и «непредсказуемое» выражение глубин личности; поэтому ее нельзя принудительно ни вызвать, ни преодолеть. Важность и сложность явления любви определяются тем, что в нем, как в фокусе, пересекаются противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого [10].

Тема любви вечна и свойственна литературе разных стран и эпох. Отметим, что любовь в русской культуре - это фундаментальное состояние духа. Особенности переживания этого чувства, связанные со строгостью и сдержанностью, присущи и английской культуре.

Ценность переживания любви выбрана неслучайно, так как именно она становится определяющим элементом бытия человека. Рассматриваемые нами главные герои произведений (Ихтиандр и Монстр) являются людьми лишь наполовину, однако они оба видят смысл своей жизни ни в чём ином, как в любви, которая характеризует их, в первую очередь, как людей.

Итак, аксиология любви – это трансцендентная ценность переживания, познание глубинной сущности человека через духовный акт, сопровождающийся интимным и глубоким чувством, которое определяет смысл человеческой жизни, является основой человечности.

Р.И. Нудельман под фантастикой понимает «специфический метод художественного отображения жизни, использующий художественную форму-образ

(объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей в принципе способом, – невероятно, «чудесно», сверхъестественно» [11].

Обратимся к роману «Фракенштейн, или Современный Прометей», который Мэри Шелли написала в 1818 году. В массовом сознании XX столетия Франкенштейн начинает воплощать демонические черты, трансформировавшись в монстра, которого он сотворил. Иногда произведение и его персонажи начинают жить своей жизнью и способствуют возникновению представления, не совпадающего с замыслом писателя. В данном случае, во многом «дописыванию» и «переписыванию» истории способствовал кинематограф. «Франкенштейн» значительно выходил за рамки формы «готического» романа, образуя в английской литературе романтическую романную структуру на фоне широчайшего распространения поэзии. На рубеже XX и XXI веков роман «Франкенштейн» ещё раз актуализируется как памятник литературы и выступает для постмодернистской литературы богатейшим текстом, позволяющим использовать легко узнаваемый сюжет для создания современной картины мира.

С жанром научной фантастики в России связана литературная деятельность А. Р. Беляева, которая имела длительный путь развития. Научная фантастика А. Р. Беляева не просто вписывается в мир науки, не только следует за научными достижениями, но требует глубоких научно-технических знаний [3]. С одной стороны, вероятностное развитие событий автор додумывает на основе научно-экспериментальных данных. Но с другой стороны, в научно-фантастической литературе художественное допущение, вымысел обязаны наставить человека, научить его размышлять и жить по законам совести и сердца.

Основные темы фантастических произведений: научно-технические открытия, генная инженерия, космические приключения, путешествия во времени, глобальные бедствия и катаклизмы, конец человеческой цивилизации. Однако в фантастических произведениях есть место философским темам творца и творения, основ мироздания или социального устройства, смысла жизни. Можно подумать, что фантастический жанр уводит читателя от реальности, и развитие темы человечности, гуманных ценностей и любви не присущ художественным произведениям этого жанра. Но вместе с тем мы обнаруживаем сюжеты, героев, художественные приёмы, направляющие наш взгляд на аксиологию в фантастике, и, прежде всего, на аксиологию любви.

В нашем исследовании мы рассмотрели два фантастических романа русской и английской литературы: «Человек-амфибия» и «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Мы выявили 182 употребления лексем «любовь»/«love», «любить»/ «to love» в данных романах. В романе «Человек-амфибия» лексема «любить» и ее лексико-грамматические варианты употребляются автором 16 раз, а лексема «любовь» не употребляется ни одного раза. В романе «Франкенштейн или Современный Прометей» лексема «to love» и ее лексико-грамматические варианты употребляется 36 раз, лексема «love» употребляется 130 раз.

Важно отметить, что понятия «любовь», «аксиология любви» реализуются в произведениях достаточно часто через контексты, которые объективируют эти понятия, не используя лексические единицы «любовь»/«love», «любить»/ «to love». Отметим интересную закономерность: в романе Беляева любовь можно считать основной темой, формирующей сюжет, но лексем «любить» и «любовь» очень мало или нет вообще; в произведении Шелли сюжет складывается вокруг темы творца и творения, раскрытие темы любви выступает ещё одним мотивом, но при этом мы видим достаточно большое количество лексем «to love», «love» в отличие от романа Беляева (обратите внимание на количество единиц). Сопоставление показывает особенности художественного освоения писателями проблемы любви: для Беляева характерно описательное наименование данного чувства, а для Шелли – прямая номинация.

Слова «любовь» и «любить» в рассматриваемых произведениях не всегда употребляются относительно главных героев, но при этом сама суть произведений состоит именно на желании героев любить. Поэтому мы считаем, что анализ контекстов произведений, где любовь объективируется не только лексемами «любить» и «любовь», но и другими лексическими единицами, выражающими состояние, чувства, отношение героев будет более объективным, так как будет охватывать разные способы вербализации любви.

Аксиология любви будет рассмотрена с точки зрения актуализации следующих смыслов в выбранных контекстах романов: «любовь к конкретному человеку»: «Человек-амфибия» 5 контекстов; «Франкенштейн» 1 контекст; «любовь, которая является смыслом жизни»: «Человек-амфибия» 0 контекстов; «Франкенштейн» 2 контекста; «любовь, характеризующая степень человечности главных героев»: «Человек-амфибия» 1 контекст; «Франкенштейн» 4 контекста; «любовь, порождающая ненависть»: «Человек-амфибия» 0 контекстов; «Франкенштейн» 4

контекста; «любовь, порождающая одиночество»: «Человек-амфибия» 7 контекстов; «Франкенштейн» 3 контекста.

Сопоставительный анализ аксиологии любви как координаты человечности в романах А. Беляева «Человек-амфибия» и М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» показал преобладание одних выделенных нами смыслов и деактуализацию других. Приведем примеры из произведений.

Учёный Виктор Франкенштейн, создав, как он думал, человека, пришёл в ужас, когда увидел Монстра. С самого начала создание увидело лишь страх и отвращение к себе, в то время как оно, подобно младенцу, появившемуся на свет, жаждало тепла, внимания и, в первую очередь, любви. Но Создатель и люди, питавшие ненависть к монстру, лишили его возможности проявить все те чувства, которыми он был наделён. Само существо говорит: «Remember that I am thy creature; I ought to be thy Adam, but I am rather the fallen angel, whom thou drivest from joy for no misdeed. Everywhere I see bliss, from which I alone am irrevocably excluded. I was benevolent and good; misery made me a fiend. <...> Believe me, Frankenstein, I was benevolent; my soul glowed with love and humanity; but am I not alone, miserably alone? You, my creator, abhor me; what hope can I gather from your fellow creatures, who owe me nothing? They spurn and hate me» [12].

Данные контексты соответствуют объективизации смысла «любви, порождающей ненависть и одиночество». Неслучайно Монстр говорит об Адаме, считая себя полноправным человеком, и, в первую очередь, имеющим право любить и быть любимым. Монстр был готов полюбить весь мир, людей, о чём свидетельствует лексема «love», которая присутствует в данном отрезке текста. Однако едва разгоравшееся чувство любви угасло, встретившись с ненавистью и отвращением. Вместо добрых чувств в сердце существа поселяется ненависть, а следственно, и одиночество, на которое обречён главный герой романа не только из-за совершённых им преступлений, но и вместе с тем из-за своей двойственной сущности: он не совсем человек, но и не бесчувственное создание.

Напротив, в русской литературе герой произведения А. Беляева Ихтиандр имеет довольно приятную наружность и не обделён вниманием наречённого отца, который своим творением доволен. Однако Ихтиандр, имеющий в друзьях лишь дельфина, тоскует после встречи с Гуттиэре, девушкой, которая вселила любовь в сердце юноши.

Например:

«Девушка и ее спутник скрылись за дюнами, а Ихтиандр все еще смотрел им вслед. Потом повернул голову к океану. Какой он большой и пустынный!..

Прибой выбросил на песок синюю рыбу с серебряным брюшком. Ихтиандр оглянулся, кругом — никого. Он выбежал из своей засады, схватил рыбу и бросил в море. Рыба поплыла, но Ихтиандру стало почему-то грустно. Он бродил по пустынному берегу, подбирал рыб и морские звезды и относил их к воде» [13].

Данный контекст иллюстрирует появляющиеся чувства юноши к девушке Гуттиэре, но из-за своей особенности Ихтиандру следует оставаться в море, где на самом деле нет живой человеческой души, способной понять и полюбить Ихтиандра. Одиночество сопровождает главного героя, однако он не ожесточается как Монстр в романе Шелли. В данном контексте мы не обнаруживаем ни слов о любви, ни сами лексико-грамматические варианты слов, но такие единицы, как «девушка», «скрылась», «пустынный», «грустно», «пустынному» создают картину того, как зарождающееся чувство любви связано у Ихтиандра с одиночеством и тоской.

Несмотря на всю жестокость мира людей, несправедливость, алчность, эгоизм, Ихтиандр встречает одно из самых прекрасных чувств, высшую ценность человеческой жизни — любовь.

Франкенштейн тоже одинок. При виде чувств понимания и любви у Феликса, старика и Агаты существо Франкенштейна жаждет того же:

«He raised her and smiled with such kindness and affection that I felt sensations of a peculiar and overpowering nature; they were a mixture of pain and pleasure, such as I had never before experienced, either from hunger or cold, warmth or food; and I withdrew from the window, unable to bear these emotions» [12].

Выбранный нами контекст объективирует «любовь» через описания чувств героя. Монстр уходит от окна, дабы не чувствовать то, чего ему не дано познать. Существо видит проявления любви и ласки, он чувствует важность этих чувств и связь между людьми, которой у него нет.

Оправданное и искреннее желание монстра быть частью человеческого мира и реализовать свои чувства по отношению к существам, которым он подобен, выступает характеристикой создания, прежде всего, как человека, хотя и необычного.

Необычный он потому, что обладал недюжинной силой и выносливостью. Существо было приспособлено к тому, чего обычный человек не смог бы выдержать. Однако к чему все эти преимущества, если он лишён главного, для чего создан человек — любви. Вот, что говорит сам монстр:

«Shall each man," cried he, "find a wife for his bosom, and each beast have his mate, and I be alone? I had feelings of affection, and they were requited by detestation and scorn» [12].

Данный контекст содержит в себе два смысла – «любовь как характеристика человека»: Монстр причисляет себя к людям, которые имеют возможность любить и быть любимыми; «любовь к конкретному человеку (существу)»: создание считает любовь смыслом своей жизни и для реализации этой ценности Монстру нужно существо, подобное ему. Именно поэтому Монстр просит Франкенштейна создать ему женщину.

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить следующие различия героев А. Беляева и М. Шелли.

Ихтиандр и Монстр оказываются в изоляции от людей, лишённые возможности реализовать свои самые лучшие человеческие качества. Однако герои по-разному справляются со своей участью.

Ихтиандр был счастлив до момента встречи с Гуттиэре, не осознавая, в чем заключается главный смысл существования человека. Жизнь Ихтиандра перестала быть прежней, когда он узнал, что такое любовь. Неизвестно, обретёт ли Ихтиандр любовь в будущем, но одно становится ясно: самым ярким моментом жизни его была встреча с Гуттиэре. И пусть этот отрезок жизни был наполнен опасностями, но любовь, питавшая сердце Ихтиандра, подарила ему самые удивительные воспоминания, каких он бы никогда не смог испытать в океане.

Монстр не может быть счастливым, не познав любви, и вместо неё его сердце преисполнено ненавистью. В соответствии с теорией В. Франкла о триаде ценностей человека, ценность переживания, а именно аксиология любви, как наивысшей ценности человеческой жизни, реализуется в убеждениях Монстра. Обратим внимание, что Монстр не является человеком в полном смысле этого слова, поэтому ценность созидания или творчества и отношений для Монстра не способны были стать смыслом жизни. Монстр обречён на смерть.

Ихтиандр смог познать любовь, в отличие от Монстра, а лишившись её, мы можем предположить, что Человек-амфибия не потерял смысл жизни. Но познав любовь и лишившись её, Ихтиандр будет до самой смерти охвачен тоской, быть может, возненавидит океан.

Таким образом, любовь для героев становится ценностным переживанием, которое определяет и их человечность, и их бытие в целом.

Романы Мэри Шелли и А. Беляева разделяет 100 лет. Но, на наш взгляд, их объединяет введение в сюжетную канву произведений категории «любовь».

Аксиология любви в романах заключается в том, что авторы фантастических жанров подвергают героев одному сюжетному испытанию любовью и выбирают для этого категорию любви, определяющую человечность и смысл жизни. Героям, обладающим нечеловеческими способностями, присущи человеческие чувства, поэтому, руководствуясь общечеловеческими ценностями, они страдают от невозможности любить и быть любимыми.

Список литературы

1. Глущенко А. Н. Реализация темы «Человек-Творец» на основе романа Мари Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» // Актуальные проблемы филологии : материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар: Новация, 2016. С. 44-47.
2. Кузнецов В. Ю. Философия фантастики. К постановке проблемы // Философия и общество. 2010. №1. С 124-140.
3. Билял С. А. Фантастика А. Р. Беляева и эпоха НТР в России первой трети XX века // Гуманитарная парадигма. 2020. Выпуск №2 (13). С. 163 – 173.
4. Хомутникова Е.А., Медведевских С.А., Чалых Н.А. Отражение деформации современной антропоцентрической картины мира в англоязычном жанре фэнтези // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 360-362.
5. Покручина М. Ю. Лингвокультурологические особенности концепта «любовь» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 С. 101-105.
6. Зотова Е.С. Концепт «любовь» в русском и английском языках // Филологические науки. 2015. Выпуск: №6 (37) Часть 2. С. 69-72
7. Курцева Д. О. Концепт love в художественной литературе (на материале произведений у. С. Моэма) // Филология и лингвистика. 2018. № 1 (7). с. 8-11.
8. Культурология. XX век. Энциклопедия СПб.: Университетская книга, 1998. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/levit01/> (Дата обращения: 20.10.2021)
9. Франкл. В. Человек в поисках смысла. Москва: Прогресс, 1990. с. 259.

Список источников

10. Нудельман Р.И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. Т. 7. Москва : Советская энциклопедия. 1972. С. 887-895.
11. Философия: Энциклопедический словарь. Москва: Гардарики. 2004. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/> (Дата обращения: 20.10.2021)
12. Mary Wollstonecraft (Godwin) Shelley Title: Frankenstein or, The Modern Prometheus. Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/84/84-h/84-h.htm> (Дата обращения: 20.10.2021)
13. Беляев А. Человек-амфибия. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=3034&p=1> (Дата обращения: 20.10.2021).

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 81-22

Символика в русском народном песенном дискурсе

Теппеева Джамия Рамазановна

канд. филол. наук, м.н.с. научно-образовательного центра русского языка и культуры кафедры русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова, РФ, г. Нальчик
jamilya244@mail.ru

Symbols in Russian folk song discourse

Теппеева Dzhamilya Ramazanovna

PhD in Philological sciences, junior researcher of the scientific and educational center of Russian language and culture, Department of Russian language and general linguistics Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Russia, Nalchik

Аннотация. Целью настоящей работы является выявление специфики использования символики в русских народных песнях. Отмечается, что символы в народной песне отличаются устойчивостью и делятся в свою очередь на символы женского образа, мужского образа, а также символику состояния, действия или настроения. В заключении делается вывод о том, что поэтическая целесообразность использования символов заключается в том, что они способствуют художественному выражению содержания народной песни в формате ярких образов.

Ключевые слова: символ, песенный дискурс, русская народная песня, образ, фольклор.

Abstract. The purpose of the work is to identify the specifics of the use of symbols in Russian folk songs. It is noted that symbols in folk song are stable and are divided into symbols of a female image, a male image, and symbolism of a state, action or mood. It is concluded that the poetic expediency of using symbols lies in the fact that they contribute to the artistic expression of the content of a folk song in the format of vivid images.

Keywords: symbol, song discourse, Russian folk song, image, folklore.

Введение. Как известно, устное народное творчество – это особый кумулятор многовековой народной мудрости, знаний, отражающий богатый опыт предшествующих поколений. Данное утверждение принято за объективную истину, поскольку истоки народного творчества восходят к глубокой древности. По традиции фольклор передавался в изустной форме ввиду того, что зародился он ещё в дописьменную эпоху. У фольклорных произведений, как известно, нет какого-то определенного, конкретного автора: это коллективное креативное творчество всего народа. Можно предположить, что для древних времён фольклор достаточно часто является фактически единственным источником, донёсшим до наших дней те или иные сведения в креативной, образно-символической форме.

Проблема символа является одной из наиболее актуальных в современных научных исследованиях. На масштабность данной проблемы указывает не только множество концепций символа, но и, непосредственно, сама его природа, а также востребованность данной категории практически во всех сферах культуры [1, с. 3]. Изучение символической поэтики народных песен в некоторой степени раскрывает особенности песенного жанра в целом [2, с. 109].

Важно отметить, что открытость категории символа открывает большие перспективы исследования для различных отраслей научного знания: филологии, культурологии, музыковедения, а также философии. Следует подчеркнуть, что символы в народной песне отличаются устойчивостью и постоянностью. Теоретическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования способствуют углублению положений лингвокультурологии, а также фольклористики, в частности расширению понимания терминов «народный песенный дискурс», «символ» и т.д.

В качестве базовых **методов исследования** избраны описательный, интерпретационный анализ, а также метод лингвистического описания.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в исследовательское поле введен новый эмпирический материал, позволяющий выявить, тематически структурировать и описать ключевые символы в русском народном песенном дискурсе.

Основная часть. Анализ народных песенных текстов позволяет выявить ряд символов, которые можно отнести к следующим группам:

- символы женского образа;
- символы мужского образа;
- символика состояния, действия или настроения (как правило, напрямую коррелирует с картиной или яркими, живыми образами природы, косвенно рефлектирует чувства, эмоции и переживания индивида, его модель поведения в контексте тех или иных жизненных обстоятельств).

Приведем небольшой перечень наиболее распространенных символов, которые в русском народном песенном дискурсе являются ключевыми словами, например:

- **месяц, кипарис** – символы отца: *Свети, свети, батюшка светел месяц, во всю темную ночушку* [3, с. 62], *Мой батюшка – светел месяц – Не выдаст меня* [Там же, с. 275], *Уж ты батюшко, да ты светёл месяц, Ай люли-люли, да ты светёл месяц* [4, с.148], *Уж ты, батюшка, млад месяц* [5, с. 20];

– **солнце** – символ матери: Родной батюшко нам – светел месяц, **красно солнышко** – родна матушка [Там же, с.28], **Матушка красно солнышко**, со светлым месяцем оно порассорилось [см.3, с.91];

– **сокол, виноград** – символ молодца: Ах. вы, **братцы** мои, ясны **соколы** [см.5, с.53], – **Деверья мои, деверья!** Уж вы мои два **ясные сокола** [Там же, с.79], **Алешинька хорошинькой, Васнльюшка соколок** [Там же, с.125], **Во саду цветут цветочки, виноград** растет. **По утру рано до солнышка в зелен сад пойду, Посмотрю, пришел ли миленькой в зелен сад гулять** [Там же, с.35], **Щиплет, ломает зелён виноград, кидает, бросает дружку на кровать: Спишь ли, не спишь ли, милой, дорогой** [Там же, с. 93];

– **белая лебедушка, сизая/белая голубка, малина, калина** – девица: **Разлапушка девушка, белая лебёдушка, Белая лебёдушка, сизая голубушка** [Там же, с. 95], **Не обманывай, невестушка, Наша белая лебедушка** [Там же, с. 97], **Белая лебедушка, Твоя русая коса до шелкова пояса** [см.4, с.190], **Дома, дома, сестрица, дома, бела голубка** [см.3, с. 357], **Ах, сестрица-голубка, да светелка маленька** [Там же, с. 357], **Ты сизая голубка моя, эхи, Уж я рад работать на тебя, эхи** [см.5, с.39], **Ты подь, подь, невестка голубка, домой: Ой калина, ой малина** [Там же], **У ворот девка стоит, Бело личико горит, Калина моя! малина моя! Бело личико горит: На что миленький сердит** [Там же, с. 117], **Во саду девки гуляли, Во саду красныя гуляли... Калина, малина** [Там же, с. 84];

– **груша** – женщина (как правило – жена): **Кипарис растет – родной батюшка, Яблонь кудрявая – богоданная матушка, Груша зеленая остается – молода жена** [см.4, с.79];

– **выйти за ворота/отпирать ворота** – (в свадебной лирике) символизирует начало нового этапа в жизни человека (для девушки, обычно, – замужество): **На ней ситцовое платье, на головушке платочек, Нежной, аленькой цветочек. Отпирайтесь, ворота, выступай душа-царевна, Выступай же правой ножкой** [см.5, с.14].

Как мы видим, в качестве символов в русских народных песнях могут выступать как одушевленные (**сокол, белая лебедушка, сизая/белая голубка...**), так и неодушевленные (**солнце, месяц, кипарис, яблоня, виноград, малина, калина, груша...**) предметы. Следует также заметить, что символ в песенных текстах почти всегда встречается в сопровождении эпитета, например: **белая лебедушка, сизая/белая голубка, красно солнышко** и т.д. Специфичность таких фольклорных эпитетов заключается в их постоянном характере. Так, лексема «лебедушка», как

правило, не отделена от эпитета «белая», «солнышко» от эпитета «красно» и т.д. Отметим, что такое свойство эпитета определяется продолжительной традицией формирования непосредственно народнопоэтического стиля, зафиксировавшей постоянные, важные, социально значимые признаки и черты того или иного предмета или явления.

В отдельных случаях в эпитетах можно наблюдать различные оттенки. Таким образом, главное слово нередко дается в уменьшительно-ласкательной форме, например: *Родной батюшко нам – светел месяц, Красно солнышко – родна матушка* [Там же, с. 28] и т.д.

Лирические песни составляют большой пласт русских фольклорных песен, соответственно тема любви является одной из самых популярных в народных музыкальных композициях. Так, идиллия и полное согласие влюбленных в русских народных песнях довольно часто описывается на фоне поэтической обстановки их встреч в прекрасном саду, в зеленой роще и т.д. с целью создания соответствующей их чувству созидательной атмосферы, а также образно-символической аналогии юноши и молодой девушки с миром живой природы. Популярность применения такого художественного средства объясняется присущим русскому менталитету единством с природой и тонким эстетическим восприятием. Великолепная русская природа и равнинность российских ландшафтов и приучили народ к созерцанию: *Поутру рано, до солнышка, В зелен сад пойду, Посмотрю, пришел ли миленький в зелен сад гулять* [6, с.179].

Исключительный интерес для исследования представляют также былины – русские фольклорные эпические песни о героических событиях или примечательных эпизодах национальной истории XI–XVI веков [7]. Среди наиболее примечательных особенно выделяется известная былина о трех богатырях – Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, неодолимых хранителях Русской земли: *Что не три горы зашатался – Три богатыря соезжались: Илья Муромец со товарищами, Ай, с Алешечкой со Поповичем, Со Добрынюшкой со Микитичем* [8]. Исходя из представленного отрывка произведения, мы можем сделать вывод о том, что три богатыря несомненно являются яркими символами мужества русского народа. В их живописных образах наглядно реализуется вся мощь и сила жителей Русской земли.

Символические сравнения довольно часто можно встретить и в свадебных фольклорных песнях. Так, например, поэтическим образом-символом невесты является *рыбица*: *Пила руду, пила руду бела-рыбица, Брала перья, брала перья красна девица-душа* [см.5, с. 75], *Покажи белу рыбушку, Какова бела рыбица* [Там

же, с. 59]. Можно заметить, что и в данном случае рассматриваемая лексема-символ «рыбца» используется совместно с фиксированным, постоянным эпитетом «бела», что говорит о традиционном характере как символики, так и фольклорных песенных текстов в целом.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что поэтическая целесообразность использования богатого, разнопланового набора символов состоит непосредственно в том, что они, не обогащая прямым образом содержание самой песни, способствуют запоминающемуся выражению данного содержания в формате ярких образов, а также дают возможность лучше продемонстрировать эмоции, чувства и переживания в целом; придают народной песне большую рельефность и выразительность.

Список литературы

1. Гендлер И.В. Лексико-семантическое поле «поэтическая символика» в русском языке (на материале древнегреческой и русской антологической поэзии) // И.В. Гендлер: дис. ...канд.филол. наук: 10.02.01. – Тюмень: 2002. – 307с.
2. Вавилова К.Ю. Символика в русском народном творчестве (материале любовных баллад) // Филология: научные исследования. № 11. 2020. – С.108-119.
3. Лирические народные песни / вступ. статья, подг. текста, примеч. Е. Лопыревой. – Л.: Сов. писатель, 1955. – 440 с.
4. Исторические песни XVIII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. – Л.: Наука, 1971. – 384с.
5. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Выпуск II, часть I. – М.: Московский университет, 1917. – 589 с.
6. Русские народные песни. Сост. и предисл. А.М.Новикова. – М.: Гослитиздат, 1957. – 735 с.
7. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1892444> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Музыкальный портал «Megalyrics» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/ruskaia-narodnaia-piesnia/ilia-muromiets.htm> (дата обращения: 02.11.2021).

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

История становления журнала «Дон»

Муха Анжела Викторовна

Старший преподаватель кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Россия
ekstazi15@mail.ru

Садовая Наталья Алексеевна

Студентка, ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону, Россия
sadovaia.nat@yandex.ru

The history of the formation of the magazine "Don"

Mukha Angela Viktorovna

Senior Lecturer of the Journalism Department FSUE VO "RSEU (RINH)" Rostov-on-Don

Sadovaya Natalia Alekseevna

student FSUE VO "RSEU (RINH)", Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена истории становления регионального журнала «Дон». В статье дана характеристика журнала, основные направления, которые печатаются в журнале, представлена информация о том, какие выдающиеся личности печатали в нем статьи. В заключении проведена сравнительная характеристика выпусков журнала «Дон» за 2016 и 2021 гг.

Ключевые слова: журнал, региональная пресса, общественно-политический журнал, литературно-художественный журнал, российская журналистика.

Abstract. This article is devoted to the history of the formation of the regional magazine "Don". The article describes the characteristics of the journal, the main directions that are published in the journal, provides information about which outstanding personalities published articles in it. In conclusion, a comparative characteristic of the issues of the magazine "Don" for 2016 and 2021 is carried out.

Key words: magazine, regional press, socio-political magazine, literary and artistic magazine, Russian journalism.

На современном этапе развития средств массовой информации большую роль играют региональные журналы, которые освещают события, происходящие в регионе. Не вызывает сомнений тот факт, что региональные журналы должны существовать, поскольку именно через региональные СМИ, в том числе журналы может быть выражена позиция региона в отношении каких-либо событий. Кроме того, каждый регион России богат своей историей и важными событиями, которые без наличия региональных СМИ невозможно осветить.

Актуальность заявленной в статье проблемы также обусловлена тем, что явление литературно-художественного журнала – уникальный культурный феномен, наблюдающийся в обществе и его изучение крайне важно, поскольку за подобные журналы способствуют сохранению культуры народа и ее распространения, а это в свою очередь важно для сохранения идентичности нации.

Каждый региональный журнал проходит длительный этап развития, что обуславливает его специфику. В качестве объекта данной научной статьи выступает региональный журнал «Дон». Исходя из актуальности и объект исследования предопределяется цель исследования – рассмотреть исторический путь развития регионального журнала «Дон» и определить его специфику.

На основании поставленной цели были выделены следующие задачи:

1) изучить историю развития журнала «Дон».

2) провести сравнительный анализ свежих номеров журнала «Дон», и номеров прошлых периодов для того, чтобы проследить динамику происходящих изменений в рубриках.

Эмпирическую базу исследования составили выпуски регионального журнала «Дон». Выборка – по 1 номеру за год, начиная с 1981 года по 2021 год. Всего было изучено 48 номеров журнала. Общий тираж журнала по состоянию на сегодняшний день составил 500 экземпляров [1, с. 94].

Российскую журналистику принято считать многогранной. Одна из ее главных ветвей – региональная журналистика. Данная журналистика является зеркалом, отражающим жизнь конкретного региона.

Региональный фактор распространения является, пожалуй, главным параметром, определяющим качественные и количественные характеристики региональной журналистики, а также организационные условия ее функционирования.

Еще одним важнейшим факторов развития региональной журналистики, является, конечно же, географическое положение. Учитывая данный фактор, при формировании газет или журналов происходит расчет интересов аудитории.

Особенности региональных СМИ заключаются в том, что благодаря им происходит формирование определенных рядов аспектов, а именно политических, социокультурных, экономических, идеологических.

«Региональная пресса», это неотъемлемая часть российской системы СМИ, одной из таких частей является журнал «Дон».

Дон – российский литературно-художественный журнал, издаваемый в Ростове-на-Дону. Журнал являлся и по сей день является ежемесячным. Журнал «корнями уходит» в 1925 год и берет свое начало в городе Ростов-на-Дону. Инициатива по созданию журнала принадлежит А.А. Фадееву. Спустя время на место руководителя пришел Анатолий Мосин – советский художник.

Название издания, предложенное М. А. Шолоховым после войны, имеет глубокий смысл. У журнала «Дон» довольно насыщенная биография, имя издания считается легендарным, так как оно подкреплено высоким уровнем художественности опубликованных произведений.

С момента создания журнал представлял собой некий сборник поэзии и прозы. На его страницах можно было отыскать эссе, рассказы, очерки, стихотворения и поэмы. К дополнению этому журнал «Дон» подтверждал на то время свой статус литературно - художественного журнала и его страницы украшались различными иллюстрациями.

«Дон» гордится своей историей, ведь в журнале печатались такие знаменитые личности, как В. Маяковский, А. Фадеев, М. Шолохов, С. Михалков, Р. Гамзатов, В. Кожинов, Ю. Кузнецов, В. Распутин, В. Белов, В. Крупин, Б. Можаяев, А. Солженицын, А. Калинин, А. Софронов, Б. Примеров, А. Прасолов, Л. Васильева, Л. Аннинский, С. Куняев, В. Лихоносков, В. Личутин, Е. Евтушенко, М. Тарковский. Благодаря таким выдающимся личностям и началось становление издания и обрести свое «лицо» журналу «Дон» удалось посредством достойных имен [2, с. 142].

1 января 1957 года М.А.Шолохов опубликовал свой рассказ – «Судьба человека» в № 1 журнал «Дон», а чуть позже вторую часть «Поднятой целины».

В 1988 году журнал смог превысить большую отметку – 107 тысяч выпущенных экземпляров.

Таким образом данный журнал был одним из первых, кто публиковал великие произведения отечественной литературы.

На сегодняшний день красные буквы «Дон» на белом поле обложки журнала как будто несут на себе начертанное пушкинской рукой слово «Дон» – смысл и символ издания. И даже сейчас в издании четко прослеживается слияние двух веков отечественной литературы на родине Шолохова и Чехова.

В связи с тем, что редакция журнала полно осознает всю важность процветания отечественной прозы и литературного процесса в целом, до сих на страницах журнала печатают произведения достойных деятелей литературы, в частности таких, как:

Диана Кан, Владимир Щугля, Никита Щербаков, Юлия Чернявская, Николай Железняк, Гарри Лебедев, Иван Евсеенко.

Сейчас журнал «Дон» возглавляет Виктор Петров – главный редактор, по совместительству – лауреат литературной премии имени М.А.Шолохова, поэт, обладатель «Золотой витязь».

Хочется отметить, что журнал «Дон» рад поддерживать молодые таланты и предоставляет возможность публиковать в издании свои литературные произведения.

Рассмотрим рубрикацию двух самых свежих выпусков журнала «Дон» за 2021 год и двух выпусков прошлых лет для того, чтобы проследить различия в публикациях.

Таблица 1. Рубрикация журнала «Дон» за 2021 год, № № 10-12 и №7-9 [4]

№ п/п	Наименование рубрики	Описание рубрики	Примеры материалов
2021 № 10-12			
№ 10-12	Проза	Публикация прозы писателей	Козлов Сергей Зона Брока (Хождение за три ночи). Повесть
	Прочтение классики	Размышление о классических произведений литературы	Митрополит Иларион Живое чувство православия Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»
	Дневник священника	Размышление о людях	Вигилянский Владимир (Русский ключ)
	Начистоту	Интервью о себе	Бакин Виктор (Владимир Крупин: «Меня крестила сама Россия»)
	Глагол	Разбор глагола «твердь», используемого поэтом «Виктор Петров» на примерах его стихов	Балтин Александр (Твердь Виктора Петрова)
	Поэзия	Публикация произведений разных авторов	Юшин Евгений Русь в окладе берёз Кекова Светлана Жертвенник сердца Лясковская Наталья Лития Синицын Тихон Счастье крымского неба Буевич Елена Большой дом
	Имена	Рассказы и стихи про писателей	Шулаков Сергей Николай Бурляев. Пределы интерпретации

№ п/п	Наименование рубрики	Описание рубрики	Примеры материалов
2021/№7-9			
№7-9	Проза	Публикация прозы писателей	Воронин Дмитрий (Жалейка. Рассказ) Шипневский Юрий (Копанка. Рассказ) Маркаров Валериан (Падает снег. Рассказ) Сухнев Вячеслав. (Область тьмы. Житейская хроника) Халим Фаиза. (Зарема. Повесть) Чебакин Евгений (Формула. Рассказ)
	Глагол	Разбор поэзии Ф. Тютчева на примерах	Петров Виктор «Мирозданию современный». Поэтические воззрения Ф. И. Тютчева
	За нашу Родину	Рассуждения на тему противодействия запада и русской цивилизации	Даренский Виталий Запад против русской цивилизации
	Поэзия	Публикация произведений разных авторов	Алейников Владимир (Услышать честности укоры) Бояринов Владимир (Не знаю и знать не хочу!) Мизгулин Дмитрий (Звезд лампадный свет) Попов Денис (Калитка) Могутин Юрий (Мой удел)
	Книга в журнале	Рассуждения на тему содержания конкретных книг	Балтин Александр (Космос литературы) Портреты
	Среди книг	Рассуждения на тему книги «Окуляр»	Ершов Максим Сверим оптику, сверим часы... Заметки о книге Виктора Петрова «Окуляр»
	Край	Рассуждения на тему «Сибирь»	Торопцев Александр (Страна Сибирь)
2016/№7-9			
№7-9	Поэзия	Публикация произведений разных авторов	Семичев Евгений (Божий праведный свет) Могутин Юрий (Зримая красота) Лукин Борис (Не тени, не отголоски)

№ п/п	Наименование рубрики	Описание рубрики	Примеры материалов
	Проза	Публикация прозы писателей	Михайлов Игорь Всё ещё будет! Рассказы Герман Сергей Штрафная мразь Повесть
	Минувшее объемлет	Печать отрывка книги	Аннинский Лев Репортаж со скаткой на шее
	Летопись	Публикация летописи	Лясковская Наталья (Соловецкое сидение)
2016/ №10-12			
№ 10-12	Поэзия	Публикация произведений разных авторов	Нестругин Александр (Дон течёт — в Дамаск) Стихи Скворцов Константин (Лампадный свет) Стихи Тарковский Михаил (Брат мой, ветер!) Стихи Леонтьева Светлана (Вскипают глаголы) Стихи
	Проза	Публикация прозы писателей	Попов Михаил М. (Перекасти-поле) Перекасти-поле. Танцующая галатея. Имя. Ячея Некрасова Марина (Куплеты не для органа) Рассказ Герман Сергей (Штрафная мразь) Повесть. Окончание
	Прочтение классики	Рассуждения на тему ответственности и лидерства по произведением А.С. Пушкина	Никонов Вячеслав «Люблю России честь» Пушкинские уроки лидерства
	Реквием	Рассуждение о достижениях Лады Одинцовой	Петров Виктор (Зеркало Лады Одинцовой)
	Свидетельство	Рассуждения о личности Николая Рубцова	Одинцова Лада Провиденье Николая Рубцова

Анализ рубрикаций представленных журналов позволяет сделать вывод о том, что новые издания расширили количество рубрик, а также увеличили их разнообразие, но при этом, формат журнала остается прежним [3, с. 165]. Тем не менее, за время своего существования журнал практически не изменился. Таким образом, несмотря

на то, что журналы в целом теряют популярность ввиду развития и влияния цифровых технологий, журнал «Дон» продолжает развиваться благодаря своим особенностям и уникальности.

Подводя итоги можно сделать вывод, что региональный журнал «Дон» является проводником в прошлое, сохраняя историю и величие на долгое время, пронося сквозь поколения свое достояние. Сегодня журнал «Дон» не прекращает обращать свое внимание на уже признанные великие произведения литературы, при этом и не оставляет в стороне труды современных писателей, которые заслуживают внимание своих соотечественников.

Список литературы

1. Волошинова В. Ф., В. В. Шумов. История Донской журналистики. Справочник. – Ростов-на-Дону. Изд-во «Подрядчики». – 2007 г. – С. 94
2. Муха А.В., Федосеева Н.И. Литературно – художественный журнал в региональном медиапространстве/ А.В. Муха // В сборнике: Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. Материалы Международной научной конференции, 2019 г. – С. 140-143.
3. Муха А.В. Региональный литературно-художественный журнал «Дон» в исторической перспективе / А.В. Муха // Вестник ВУиТ. 2021. №1 (34). С.162-168
4. Официальный сайт журнала «Дон» – URL: <http://xn--80alhdjhdchhy5hl.xn--p1ai/zhurnaly/don> (Дата обращения 09.11.2021)
5. Соломонов Ю. Региональная пресса. История и секреты успеха ежедневных газет. - М.: РИП-холдинг, 2003.136 с.

УДК 070

Анализ влияния распространения новостей в интернете на традиционные СМИ

Чжан Хао Мiao

Хэнаньский университет экономики и права,
Четвертый курс университета, Бакалавриат

Analysis on the influence of internet news dissemination on traditional media

Zhang Haomiao

Henan University of Economics and Law
Fourth year of university, undergraduate

Аннотация. С учётом постоянного изменения времени и развития информационных технологий, Интернет-новости постепенно стали появляться в поле зрения людей. Информация из интернета характеризуется быстрым распространением и богатством форм, глубоко любимыми людьми и постепенно ставшими незаменимыми инструментами в работе, развлечениях и жизни людей. Рост популярности Интернет-информации — это одновременно возможность и вызов для традиционных СМИ. Эта статья начинается с обзора Интернет-СМИ и анализирует их некоторые преимущества и влияние на традиционные средства массовой информации. Обзор призывает как традиционные СМИ, так и Интернет-СМИ в полной мере использовать возможности, предоставляемые нынешней эпохой, характеристики и преимущества различных средств массовой информации, учиться на сильных сторонах друг друга и совместно прийти к вершине интеграции и развития СМИ.

Ключевые слова: Интернет-СМИ, традиционный СМИ, влияния, конвергенция медиа, Медиа-практики.

Abstract. Taking into account the constant change of time and the development of information technology, Internet media gradually began to appear in the field of view of people. Information from the Internet is characterized by a rapid spread and a wealth of forms, deeply loved by people and gradually becoming indispensable tools in work, entertainment and people's lives. The growing popularity of Internet news is both an opportunity and a challenge for traditional media. This article begins with an overview of online media and analyzes some of their advantages and impact on traditional media. The review calls on both traditional media and online media to take full advantage of the opportunities provided by the current era, the characteristics and advantages of various media, learn from each other's strengths and jointly come to the top of media integration and development.

Key words: Online media, traditional media, influence, media convergence, Media practitioners.

Для Интернет-медиа характерно такое определение как: форма медиа, полученная из цифровых данных и использующая электронные информационные технологии, такие как компьютеры, мобильные телефоны и Интернет. В процессе развития Интернет-СМИ сетевая платформа стала существовать как основная

технология, а люди используют эту платформу для получения информации и создания социальных сетей. В отличие от телевидения и газет, мобильные телефоны и РС (компьютеры) являются основными средствами коммуникации в новых медиа, поэтому Интернет станет новым способом коммуникации. Кроме того, формы коммуникации Интернет-СМИ становятся все более и более разнообразными, например, мобильные новостные программы, электронные журналы и электронные книги. Интернет постепенно стал незаменимым средством в работе, развлечениях и жизни людей. Люди могут применять Интернет-продукты везде, где у них есть беспроводные сети, а широкая публика может выражать свои требования через Интернет-СМИ.

Средствами традиционных СМИ являются телевидение, радио, газеты, журналы, которые представляют собой мощную силу, поэтому имеют большие ограничения в объеме и скорости распространения. Средством распространения Интернет-новостей является Интернет. Благодаря существованию Интернета можно распространять информацию повсюду без географических и временных ограничений, а масштабы влияния могут распространиться на весь мир за короткий период времени. В качестве примера можно привести опрос, в котором перед респондентами стоял вопрос о частоте использования источников СМИ. (табл. 1). Участие в опросе приняли 234 человека. В приведенной ниже таблице результаты опроса респондентов.

Таблица 1

Часто используемые СМИ	Число	%
Интернет	229	65%
Телевидение	65	18%
Радио	16	5%
Периодическая печать (газеты, журнал)	42	12%

Что касается традиционных средств массовой информации, здесь мы обычно сохраняем новости путем вырезок из газет и их наклеивания, но это приводит не только к потере времени, но и к сокращению объёма новостей, которые можно хранить, а ограничения вызывают сложности в обработке информации. Для сравнения, интернет-медиа могут храниться в сети практически бессрочно, что очень удобно для пользователя. И как только человек обращается к Интернету, появляется возможность отыскать нужную информацию по таким критериям, как год, месяц и дата, и даже искать её по специальным ключевым словам. [1, с. 68].

По сравнению с традиционными СМИ, наиболее значительным преимуществом интернет-новостей является то, что они интерактивны. Люди могут искать в Интернете нужные новости в соответствии со своими потребностями, а также могут выражать свое собственное мнение о новостях. Издатели новостей также могут получать эти отзывы и отклики вовремя. Интернет-СМИ стали коммуникационным мостом между новостными издателями и новостной аудиторией, чего трудно достичь в традиционных СМИ.

Непосредственность особенно важна в процессе распространения информации. Процесс распространения информации через Интернет-СМИ прост и быстр, что выигрывает в скорости распространения традиционных СМИ и в то же время гарантирует оперативность распространения информации. Как только аудитория получает информацию впервые, сразу снимаются ограничения относительно времени в других регионах. Быстрое распространение информации также является требованием аудитории в сегодняшней быстро меняющейся жизни. Возможность обновлять информационное содержание в режиме реального времени является преимуществом Интернет-СМИ и пользуется популярностью у людей.

Разнообразие в части представления контента - важная особенность онлайн-СМИ. Благодаря поддержке цифровых технологий сетевые средства массовой информации могут распространять информацию путем интеграции текста, изображений, анимации, аудио, видео и прочего. Чтобы выразить информацию интересно и привлекательно, а не сложно и утомительно, используются модные слова из интернета и смайлики. Всё перечисленное часто генерируются во время некоторых важных общественных мероприятий и быстро распространяются по Интернету, вызывая всплеск общественного мнения. Интернет-СМИ продолжают привлекать различные группы за счет диверсифицированного распространения, достигая значительного увеличения числа аудиторий. [5, с. 33].

Хотя Интернет-СМИ и оказывают влияние на традиционные информационные источники, постепенно проявляются их собственные недостатки. Например, отсутствие гарантии достоверности информации. Интернет - палка о двух концах, и, если мы не будем использовать его разумно, это может иметь фатальные последствия. Поскольку источник новости не ясен, а в обзоре есть определенные лазейки, трудно распознать подлинность новости.

Интернет-новости должны привлекать внимание публики, в отличие от традиционных СМИ, где каждое слово и предложение верны и уместны, поэтому обработка информации менее строгая. Онлайн-новости стремятся к популярности.

Они могут с легкостью усиливать определенный контент. Например, некоторые сплетни имеют свойство быть более популярными, что на определенном уровне способствует формированию онлайн-насилия.

Поскольку Интернет-СМИ преследуют максимально высокий уровень результатов в отношении рейтинга кликов, а распространение контента практически не имеет никаких принципов, эффект может быть достигнут путём пренебрежения правильной ориентации общественного мнения. У большинства онлайн-новостей нет четкого источника. Многие новости со злонамеренным оскорблением и негативной энергией могут публиковаться анонимно. Многих людей не волнуют последствия после публикации информации. Некоторые люди склонны наблюдать за негативной реакцией на опубликованную информацию, что вызывает неприятные последствия.

Традиционные методы коммуникации в СМИ ограничены временем и пространством, поэтому, если зрители хотят посмотреть репортаж, они должны сначала найти телевизор и остаться перед ним. Однако в условиях стремительного экономического развития у всех не так много свободного времени, чтобы сидеть перед телевизором, и появление новостей в Интернете решило эту проблему. Сети Интернета значительно сократили время ожидания для пользователей. Если пользователи хотят узнать об определенном аспекте новостей, они могут искать напрямую, что ориентировано на экономию личного времени. Поэтому люди постепенно отказались от газет и телевизионных СМИ как от традиционной системы и используют качественно своё время, читая новости в Интернете. Как результат, интернет-новости занимают большое количество пользовательских ресурсов в отличие от традиционных СМИ.

Раньше репортеры создавали интервью посредством личного общения и телефонной связи, и то и другое имело свои неудобства. Если вы хотите поговорить с интервьюируемым лицом к лицу, вам необходимо лично прийти к интервьюируемому. Метод телефонной связи не только дорогостоящий, но и исключает возможность увидеть лично интервьюируемого и место происшествия, всё только с описания. С развитием Интернет-СМИ методы интервьюирования репортеров были обогащены, например видеointerview, письменные интервью по электронной почте (почте) и так далее. Благодаря быстрому развитию науки и технологий в последние годы эти методы стали методами интервью, которые часто используются сотрудниками СМИ, что значительно оптимизирует прошлый традиционный способ интервью с новостями. [6, с. 84].

Кроме того, каждый пользователь Интернета может выступать в качестве репортера, задавая вопросы для интервью массам. Хотя у них нет профессиональных знаний, как у настоящих репортеров, вопросы, которые они поднимают, действительно могут сформировать горячие новости с точки зрения востребованности зрителем.

В традиционных СМИ проекты новостных интервью и репортажи имеют определенные стандартные шаблоны. Пока новости составляются в соответствии с этими фиксированными шаблонами, проблем практически не возникает, а эффективность работы журналистов может быть значительно повышена. Но такая фиксированная модель в определенной степени препятствует либерализации новостей. Это происходит главным образом потому, что традиционные СМИ сформировали фиксированное мышление в процессе долгосрочного развития, а требования к профессиональным способностям медийного персонала относительно просты. Контент Интернет-СМИ в основном бесплатный, и существует не так много правил и положений, но для медийного персонала всё-таки необходимо иметь более гибкое Интернет-мышление и уметь улавливать интересы пользователей, что говорит о предъявлении более высоких требований к практикующим СМИ.

С течением времени медиа конвергенция стала неизбежной тенденцией, которая представляет собой глубокую эволюцию форм медиа, а платформы и огромные базы данных станут ключевыми основами для важных прорывов в развитии конвергенции медиа в мире будущего. Традиционные средства массовой информации и Интернет-СМИ имеют свои преимущества и недостатки в интегрированной коммуникации. Они вместе должны использовать возможности, предоставляемые нынешней эпохой, в полной мере использовать характеристики и преимущества различных средств массовой информации, извлекать уроки из сильных сторон друг друга и совместно создавать лучший вариант развития медиаинтеграции. В то же время, работникам СМИ требуется прилагать немалые усилия, чтобы улучшить свои показатели, используя изобретательность для создания лучшего будущего интеграции СМИ.

Список литературы

1. Ван Ш. Анализ пути развития телевизионных новостей в эпоху СМИ // Сборник и написание, 2021. – С.68-69.
2. Дай Ц. Обзор интеграции и развития традиционных медиа и новых медиа в эпоху всех медиа // Media Forum, 2021. – С.32-34.
3. Сунь Ю. Интерактивная взаимосвязь между интернет-мышлением и интеграцией традиционных средств массовой информации // Западное радио и телевидение, 2020. – С. 24-26.
4. Чжан Л. Олимпийские игры в Токио: как традиционные СМИ принимают «короткие видеонюжности» // News Frontier, 2021.- С.68-69.
5. Чжоу М. Исследование пути интеграции и развития традиционной издательской индустрии и Интернет-СМИ // Public Relations World, 2021. - С.33-34.
6. Чэнь Х. Репортерское наблюдение: Будущее интернет-коммуникаций можно ожидать. 2021. - С. 84-85.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 11 (79), 2021

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.12.2021
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 8,7. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru